

Михаил БАРУ

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ БУЛОЧЕК

*О народе Вытегорского края должно сказать, что он
чрезвычайно смешлив и на все досуж.*

Павел Львов. Город Вытегра. Отечественные записки 1823 г.

Если подходить к рассказу о Вытегре формально, то начинать нужно с восемнадцатого века, с 1773 года, когда указом Екатерины Второй небольшое поселение у Вянгинской пристани было преобразовано в уездный город. Можно начать с 1710-го – с того самого момента, когда у места впадения Вянгиручья в реку Вытегру по указу Петра Первого была построена пристань и возле нее мало-помалу выросла деревня, которая так и называлась – Вянгинская пристань, хотя, как утверждают краеведы, пристань была и до царского указа, а по нему лишь построили амбары для хранения казенных товаров, но указ Петра точно был, потому как без него ничего начаться не могло, даже если и началось где-то само по себе, то есть, по недосмотру. Можно отодвинуть начало рассказа еще на четыре года, в 1706 год, когда на французской карте Московии Гийома Делиля то самое или почти то самое место, на котором потом появился город, обозначено как Vitzgora ou Vitegra, но французская карта нам, конечно, не указ, потому как в наших собственных, написанных русским языком источниках Вытегорский погост, а точнее, село Анхимово в этом погосте, упоминается еще в конце пятнадцатого века, в 1496 году.

Если же подходить к истории Вытегры неформально, то лучше всего начать с времен доисторических. Точно сказать, когда человек появился в этих местах, трудно. Первые стоянки охотников, рыболовов и собирателей всего того, что можно употребить в пищу, не рискуя отправиться на тот свет, появились в мезолите, то есть в каменном веке. Ледник отступил, потеплело, Онежское озеро уже существовало, рыбы в нем было по теперешним меркам на два или даже на три озера, в лесу бродили лоси, олени, на ветках сидели упитанные глухари и тетерева, росла черника, голубика, морошка, ежевика, клюква, брусника... Правда, все эти звери, птицы, ягоды названий еще не имели, но уже были вполне съедобными. Неутомимые археологи к настоящему времени на территории Вытегорского района раскопали девятнадцать мезолитических стоянок. Первые находки были сделаны на южном берегу Онежского озера в устьях небольших рек Ошты, Мегры, протекающих по территории Вытегорского района, и на берегах Тудозера еще в начале семидесятих годов девятнадцатого века зоологом и этнографом Иваном Семеновичем Поляковым.

Пока охотились с помощью лука и стрел, пока били рыбу острогами, пока переходили с места на место, осваивая новые территории, наступил неолит. Неолитических стоянок в этих местах нашли в три раза больше мезолитических. В неолите были заселены берега практически всех местных крупных озер, которых здесь, исключая Онежское озеро, больше похожее на море, превеликое множество – больших, небольших, маленьких и совсем крошечных. Еще в двадцатых годах прошлого века на берегах реки Вытегры стали находить керамику, различные каменные и костяные орудия. Все тридцатые годы на территории Вытегорского района советскими археологами велись раскопки. В 1930 году, на острове Илекс, расположенном посреди Куштозера, в семи десятках километров к юго-западу от нынешней Вытегры, нашли двухлезвийный сверленный каменный топор, и с тех пор раскопки на этом месте велись с перерывами еще семнадцать лет. Нашли тысячи фрагментов керамики, глиняные фигурки уток, более двухсот каменных орудий, среди которых скребки, сверла, проколки, тесла, лезвия-вставки топоров, полировальные и шлифовальные плиты. Часть найденного хранится в краеведческом музее Вытегры. Читатель, должно быть, представляет себе скучные обломки глиняных кувшинов, интересные только тем,

кто пишет о них научные статьи и диссертации, а зря. Люди неолита были довольно изобретательными в способах нанесения узоров на свою глиняную посуду. Чем они только их не делали – и краями раковин плеченогих моллюсков, и рыбьими позвонками, и даже прочерчивали челюстями щуки. Были у них и специальные приспособления для нанесения орнаментов – ямочного и гребенчатого. Потому и керамика того периода называется ямочно-гребенчатой. По виду обломки этой керамики напоминают венские вафли, только без меда, шоколада и несъедобные. Есть в музее и рыболовные снасти того времени – пешни, каменные грузила от сетей и лесок, миниатюрный каменный стержень размером меньше мизинца с крошечной выемкой, к которой привязывался костяной крючок.

В сорока километрах к северо-востоку от Вытегры, на берегах Тудозера в восьмидесятых годах прошлого века археологи обнаружили групповой могильник времен позднего неолита. Тут нашлись не только кремневые наконечники копий и обломки глиняных кувшинов, но и многочисленные украшения из янтаря – бусины, подвески, кольца и пуговицы. Одних только пуговиц было найдено больше сотни¹.

Вслед за каменным веком во втором тысячелетии до нашей эры пришел в эти края век бронзовый, а еще через тысячу лет – железный. Жители этих дремучих лесов освоили выплавку железа из местных болотных руд. Неподалеку от неолитической стоянки на берегах Тудозера оказалась стоянка раннего железного века, на которой рядом с железными рыболовными крючками, шильями, ножами и наконечниками стрел археологи нашли глиняные ковшики для разлива металла, тигли, формы для отливки игл, сделанные из сланца, плиту-наковальню, железный шлак, куски необработанного железа, угли и все то, что можно найти в доисторической железодельной мастерской. Обычно мимо музейных витрин с кремневыми скребками, наконечниками стрел, проколками, с примитивными костяными или железными рыболовными крючками и ножами посетитель проходит не задерживаясь, но стоит только представить себе, что тебе дали в руки кусок камня и велели сделать из него наконечник стрелы или сверло, или отлить из железа рыболовный крючок...

Железный век на территории Вытегорского района продолжался до середины первого тысячелетия нашей эры – как раз до того времени, когда славяне-земледельцы стали проникать в Восточную Европу, но... до южных берегов Онежского озера так и не дошли. Тут по-прежнему жили и не тужили финно-угры – племена вепсов, лопарей, которых мы теперь называем саамами, чуди заволочкой. К концу первого тысячелетия здесь появились карелы. Только в тринадцатом веке началась активная колонизация этих мест новгородцами и псковичами. Надо сказать, что поначалу колонизаторы освоили эти территории скорее как промысловые угодья, а не как земли, пригодные для земледелия. Тут было что промышлять – белки, куницы, горностаи, рыси, медведи, не говоря о зайцах. Меха Великий Новгород и Псков расплачивались за европейские и азиатские товары. Меха, дикий мед, пчелиный воск новгородцы везли не только в Европу, но и по Великому Волжскому пути, который являлся частью Великого Шелкового пути, в Азию. Как раз на территории современного Вытегорского района между рекой Вытегра, текущей на Север и впадающей в Онежское озеро, и рекой Ковжа, текущей на юг и впадающей в Белое озеро, был устроен волок, по которому купцы, перетаскивали свои лады, чтобы плыть дальше, на юг. Впрочем, к волоку мы еще вернемся, и не один раз.

Как бы там ни было, а пятнадцатый век вытегорская земля встретила уже в составе Обонежской пятины – пятой части всех новгородских земель². Стоит отметить, что входили эти земли в состав Новгородской республики, в то время как Вологда, Пермь и Заволочье, то есть земли за волоками, связывавшими Онежское озеро с Белым, тогда имели статус новгородских колоний. Обонежской пятиной управлял наместник, живший в Новгороде. К тому времени на южных берегах Онежского озера существовало несколько новгородских погостов. Одним из таких погостов, включавшим в себя несколько деревень, был погост Покровский на реке Вытегре. Он и был, среди прочих, подробно описан в самой старой, дошедшей до нас в отрывках, писцовой книге по Обонежской пятине, относящейся к самому концу пятнадцатого века – к 1495 году.

Писцы под руководством окольничего Юрия Сабурова описывали все тщательно – каждый двор, каждую копну сена, каждую овцу, сколько платят оброка, сколько земли пахут, а сколько не вспахано, сколько ржи сеют, сколько овса, сколько ячменя, сколько пустой земли лесом поросло, какой урожай собирают, в какие амбары складывают, сколько дохода имеют, сколько рыбы ловят и сколько за это платят, кто работает, кто милостыню просит...

«Да в Вытегорском же погосте великого князя волок Гостин Немецкой, а возят хрестьяне Вытегрене изо всех боярщин, да и монастырские изо всего погоста на том волоце соль и иной товар, а опричь Вытегрена на том волоце не вести никому. А положено на них великого князя оброку за тот волок два рубля». Право поставлять рабочую силу на волок обходилось им в большие по тем временам деньги. Привилегия эта благополучно дожила до начала семнадцатого века.

Кроме новгородских бояр в Вытегорском погосте землями владел новгородский Варлаам-Хутынский Спасо-Преображенский монастырь. Крестьяне в монастырских деревнях тоже переписаны все до единого – их пашни, их пустоши, их копны сена, их урожай, их доходы...

Как правило, новгородские бояре в своих заонежских деревнях не жили. На местах распоряжались управляющие или, как их тогда называли, посельские и ключники, ведавшие всеми продовольственными запасами и ключами от мест их хранения. Содержать ключников и посельских тоже приходилось крестьянам. Ключникам и посельским деньгами платили редко, обычно ограничивались рожью, овсом и беличьими шкурками. Деньги, уж если и давали, то не больше одной московки со двора – так тогда называли московскую деньгу или половину копейки. Порой не давали ни ржи, ни овса, ни денег, а только одну белку или даже половину, чтобы с двух дворов выходила одна³.

Кстати, о пушнине. В вытегорских поместьях Марфы Борецкой, известной нам всем как Марфа-посадница, крестьяне платили оброк деньгами и белками. Только за рыбную ловлю нужно было отдать кроме денег два сорока белок⁴. В имениях новгородского боярина Захария Морозова, которые тоже находились в Вытегорском погосте, крестьянское хозяйство некоего Волоско Данилова, кроме хлеба и денег, отдавало в качестве оброка: «три сыры, ставец масла, полбарана, полполти мяса, коробья ржи, полторы коробы овса»⁵. Уплатить оброк могли и лисицей. Некоторые деревни платили рыбой. Не плотвой, конечно, и не ершами, а лососями и сигаами. Впрочем, все эти сиви, лососи, белки и половины баранов и свиной были в ходу тогда, когда Великий Новгород был самостоятельным, а как попал под руку Москвы, так оброк стали взимать исключительно деньгами и хлебом – рожью, овсом и ячменем. Было и еще одно изменение. Куда более существенное, чем переход на денежный оброк. Ко времени следующей переписи в 1563 году большая часть владений новгородских бояр поменяла хозяев – теперь они стали принадлежать московскому царю и великому князю. О боярщине Захария Морозова так и сказано: «В Вытегорском же погосте царевы великого князя деревни, что бывали Захарьинские Морозова».

К середине шестнадцатого века Вытегорский погост занимал не только земли по берегам Вытегры, но и часть местности по реке Ковжа – как раз до того места, где находилась Бадожская пристань, а теперь деревня Бадожский погост. По территории Вытегорского погоста и проходил волок, длина которого составляла около сорока верст.

Что касается деревень, то они были маленькие и большей частью однодворные. В среднем на одну деревню по данным переписи конца пятнадцатого века приходилось по одной целой и одной десятой двора, но в шестидесяти годах шестнадцатого века уже по полтора. Бурным ростом это не назвать, но все же... к восьмидесяти годам семнадцатого века количество дворов на одну деревню выросло в три раза и составило по четыре с половиной двора на деревню. В среднем в каждом дворе жило около семи человек. По нынешним меркам... Впрочем, по нынешним меркам и четыре с половиной живых двора на деревню выглядят не так уж и плохо. Особенно если в них постоянно живет около тридцати человек, а не приезжает только на лето. Все это, однако, было уже к концу семнадцатого века, а мы вернемся в шестидесятые годы шестнадцатого века.

Судя по записям в писцовой книге 1563 года, в Вытегорском погосте образовался торгово-промышленный поселок, который тогда называли рядком. «Да прибыло на погосте же лавок, а в них торгуют того же погоста крестьяне мяжким товаром». Прибыло шесть лавок и несколь-

ко соляных и хлебных амбаров. Две лавки принадлежали местным священникам, а остальные зажиточным крестьянам. Амбары принадлежали другим крестьянам, занимавшимся торговлей хлебом и солью. В свою очередь сами крестьяне принадлежали частью богатому новгородскому Хутынскому монастырю, а частью государству. Все лавки и амбары, как водится, были обложены налогом. Оброк и торговую пошлину никто не отменял. Каждую лавку и каждый амбар дотошные писцы измерили. «Лавка Мартынка Зелейника, царя великого князя крестьянина анбар соляной в длину пол-3 сажени, поперег сажень с лохтем... Лавка попа Михайла Старого... в длину три сажени, поперег сажень с лохтем... Анбар соляной Мартынка Федорова, царя великого князя крестьянина... длина две сажени с лохтем, поперег то ж...». Отдельно отметим, что в Вытегорском рядке по писцовой книге числится мастеровой – котельник⁶.

Правда, к началу восьмидесяти годов шестнадцатого века рядок на Вытегре захирел. По писцовой книге Андрея Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина 1583 года, из шести лавок работала только одна, а из тринадцати амбаров пустыми стояло семь. «Да на погосте ж лавка живущая тутошних людей, а торгуют всяким товаром, да пять лавок пусты, а оброку давали Государю Царю и Великому Князю шесть алтын на год, с лавки по алтыну, да с оброку пошлин две денги. В Покровском же погосте на Вытегре анбары стоят на Царя и Великого Князя земле на реке на Вытегре на Селюгине поле, тутошних Царя и Великого Князя крестьян, а в них сыплют хлеб и соль и всякой товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди... И всего на Царя и Великого Князя земле четыре анбары, да три анбары пусты. Да на монастырской на Хутынской земле на Селюгине ж поле анбар... И всего на Спаской земле Хутыня монастыря два анбара живущих, да четыре анбара пусты. А оброку им с тех анбаров с живущих с Царя и Великого Князя Крестьян и с монастырских крестьян со шти анбаров давати в Государеву Цареву и Великому Князю казну на год десять алтын, с анбара по десяти денег, да пошлин с оброку три денги, с анбара по полуденге. А в пуста убyla семь анбаров, а оброку двенадцать алтын без дву денег, с анбара по десяти денег, да пошлин с анбаров по полуденге». Еще бы им не стоять пустыми после двадцати пяти лет Ливонской войны и опричины. Четыре пятых земель Вытегорского погоста тогда стояли пустыми. Из девяности одной деревни и дюжины починок два десятка деревень и три починка были крестьянами покинуты.

«Да в том же погосте река Вытегра. А ловят на той реке Царя и Великого князя и монастырские Спаса Хутыня крестьяне всякую рыбу, а плотят с тое реки оброку в Государеву казну в Новгороде на год по 9 алтын и по 2 денги, да пошлин с того оброку полтретьи денги... Да в том же в Покровском погосте на Вытегре Неметцкой Волочек, а возят на нем соль и всякой товар Государевы Царевы и Великого Князя и монастырские крестьяне Покровского погоста з Гостина берегу до Гостина берегу 40 верст, а иные крестьяне опричь тех Государевых и монастырских крестьян ништо Волоку не возит, а плотят они с того Волоку в Государеву казну в Нове ж Городе по 4 рубли и по 10 алтын и по 4 денги на год, да пошлин с того оброку 7 алтын и 4 денги...». Что касается волока, то тут все оставалось по-прежнему. Только платили вытегорские крестьяне за свою привилегию уже не два рубля, как в конце пятнадцатого века, а больше четырех.

Кончилась Ливонская война, а через пятнадцать лет началась Смута. На Заонежские погосты регулярно стали совершать набеги казаки, которых тогда называли черкасами. Набегали и грабили они не одни, а вместе с литовцами и поляками. Осенью шестьсот тринадцатого года вся эта разношерстная компания во главе с польским полковником Барышпольцем и атаманом Сидором Острожским прошла через Вытегорский погост в Андомский. Вытегорский погост они разорили и пожгли, а вот срочно построенный к приходу незваных гостей Андомский острожек взять не смогли. Гарнизон острожка, состоявший из крестьян близлежащих погостов под командой воеводы Богдана Чулкова не только отбил все атаки черкас, но и преследовал их отряды до самого Каргополя. Все же, отряды «литовских людей» разорили Вытегорский погост неоднократно в течение шестьсот восемнадцатого и шестьсот девятнадцатого годов.

Смутное время кончилось⁷ и началось мирное время, которое было немногим лучше Смутного – то придумают в Москве из крестьян сделать пашенных солдат и драгун, чтобы они и землю пахали, и рожь сеяли, и коров доили, и границу с Польшей и Швецией охраняли, и в военные

походы, когда прикажут, ходили⁸, то велят ловить раскольников, то отменят пашенных солдат и драгун, но налогами станут душить так, что разорят вконец⁹, и нетерпеливые станут убежать куда глаза глядят, а терпеливые вздохнут, напишут царю челобитную и станут ждать, когда царь, прочитав их челобитную, велит...

Между всеми этими несчастьями проходила самая обычная крестьянская жизнь, которая... тоже не обходилась без челобитных. То бобыль Вытегорского погоста Антон Сидоров в 1650 году просит царя привлечь к суду собственного зятя, солдата Ивана Федорова, завладевшего его долей земельного участка, мельницы и клетки после смерти жены Антона Кристины, с которой он прожил десять лет и ее дочерей от первого брака вырастил и выдал замуж¹⁰; то церковный дьячок Степан Савин в том же году бьет челом государю и просит, чтобы ему «вконец не погннуть», освободить от податей за пустошь, которую он сдавал в аренду своему земляку – крестьянину Вытегорского погоста Ивану Петрову, а тот податей не платил, и теперь не миновать Степану Савину попасть в кабалу Ивану Семионову из Белозерска, которому староста продал Степановы долги; то Иван Федотов от крестьян Вытегорского погоста в 1665 году подписывает вместе с драгунами, солдатами и охудальными крестьянами из соседних погостов мирскую челобитную, с жалобой на Олонецкого подьячего Ивана Черкасова и просьбой расследовать его злоупотребления и отстранить от дел, потому как, и это всем известно, «в прошлых, государь, годех при отце твоём государеве блаженные памяти при великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии отец его подьячего Ивана Черкаско Федоров за его Черкасско великое воровство и братьев его родных Богдашка и Сенки по указу отца твоего государева пытаны были в государеве слове на многих пытках и в том их великом воровстве и в вине блаженных памяти отец твой государев положил на милость, от смертные казни велел освободить, а у своих государевых дел и ни у каких мирских ему Черкаску ни детям ни внучатом впредь быть не велел»... и несмотря на это «ныне он Иван сидит в съезжей избе в подьячих и ездит по погостом, и налоги и продажи и приметы нам холопом и сиротам твоим в напрасне от него многие, и воевод и начальных людей на нас научает и вымышляет и составляет приметные многие небылые дела для своей безделной корысти...»¹¹; то староста Вытегорского погоста в 1695 году вместе со старостами еще двух погостов и крестьянами подписывает челобитную о том, чтобы с их погостов не брали дополнительно целовальников из крестьян на вытегорский кружечный двор, то есть кабак, потому как в прошлом году взяли шесть человек да дьячка и сторожа, потом «неведомо по какому указу» еще семь человек, а в этом году сверх прежнего требуют еще семь человек, и «от того многие жилецкие пашенные люди, ваши великих государей крестьянишка, до конца разорились и пашен своих и деревенских участков отбыли. А впредь у нас сирот из достальных крестьянишек стало и выбирать на тот кружечный двор целовальников в такую службу не ис кого, людишка все скудные и недостаточные и должные, с нужею оплачиваем ваши государские денежные доходы и хлеб», а потому «велите государи... выбирать на кружечной двор голов и рядовых целовальников посацким людем ис посаду с посацких людей, а не велите государи сверх прежнего вашего великих государей указу из нас сирот ис последних и бедных крестьянишек на тот кружечной двор в целовальники выбрать вновь, чтоб нам сиротам досталным впредь до конца не разоритца и деревенских своих участков не отбыть...»; то уже другой староста Вытегорского погоста, Тимофей Родионов, отписывает олонецкому воеводе Леонтию Стрешневу о неяке в суд кожевника Федора Семенова по челобитной Ивана Старцова, у которого вышеупомянутый Федор взял в работу две яловичных кожи ценою в рубль «и тех де кож он Федка ему Ивашку и по се число не отдает, неведома де для чего» и от того Ивану убыток, потому как рубль на дороге не валяется, а прислать в Олонец на суд Семенова никак невозможно, потому как тот «избегает и укрывается в доме своем...»¹².

Кстати, о коже и кожевниках. Ближайший к Заонежским погостам крупный торг находился в Тихвине. Везли туда из Заонежья меха, соль, рыбу, икру, железо, медь и даже серебро. Что касается Вытегорского погоста, то он привозил на продажу большей частью кожу и изделия из нее – юфти красные и белые, сафьян, опойки, выделанные кожи бараньи, телячьи, конские, сыромятные, дубленые, сапоги, подошвы и ремни из оленьей кожи.

Восемнадцатый век начался в Вытегорском погосте не сразу, а в 1710 году – с постройки каменных амбаров на Вянгинской пристани в месте у впадения Вянгиручья в реку Вытегру... Впрочем, мы еще доберемся и до амбаров и до пристани, а пока скажем, что за два года до этого в деревне Анхимово, являвшейся административным центром Вытегорского погоста, была построена деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сказать, что она была красивой – значит не сказать ничего. Пять ярусов кокошников и двадцать пять глав. По легенде, а строительство таких красивых храмов всегда обрастает легендами, она была построена по чертежам Петра Великого, но... фактов, подтверждающую эту версию, нет, как нет и подтверждения еще одной легенде, по которой строителями храма были плотники Вытегорского погоста. Доподлинно известно только то, что через шесть лет точно такая же церковь была построена на острове Кижы и то, что через двести пятьдесят пять лет, в октябре 1963 года, вытегорская деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы сгорела дотла¹³.

Газета «Вологодский комсомолец» писала сразу после пожара: «Начальник Вытегорской милиции Волков говорит, что пожар возник в результате несчастного случая. Двое любителей выпивки проникли в церковь через окно и под хмельком случайно подожгли её. Жители Анхимово прямо говорят, что церковь фактически не охранялась. Дверь, правда, запиралась на замок, однако окна не были заделаны, и через них в церковь проникали все, кто хотел. Она захламлялась, стала проходным двором для любителей выпивки. Так, в 1961 году уже был предостерегающий случай, когда в церковь проникли хулиганы – поломали утварь, испортили иконы. Тем не менее, Анхимовский сельсовет не принял действенных мер».

Церковь, несмотря на то что была выдающимся памятником архитектуры восемнадцатого века, несмотря на то что в России к тому времени имелось всего две таких – первая в Вытегорском районе, а вторая на острове Кижы, после известных событий октября девятьсот семнадцатого года была домом без хозяина. У верующих ее, понятное дело, забрали, а государству она... До 1948 года она числилась памятником архитектуры и находилась в ведении районного краеведческого музея и отдела архитектуры Вологодского облисполкома. В сорок восьмом ее решили открыть для верующих, но... не открыли. К счастью, в пятьдесят шестом в Анхимово приехал знаменитый советский реставратор Александр Викторович Ополовников и весь храм тщательнейшим образом обмерил, зарисовал и сфотографировал¹⁴. Как чувствовал...

В шестьдесят третьем, как раз незадолго до пожара, было принято решение церковь отреставрировать. Точнее, в том году был поднят вопрос о ее реставрации. Конечно, не сразу, а как-нибудь потом, когда отреставрируют такую же церковь на острове Кижы, а уж потом непременно. Пока же собирались установить на церковь охранную доску, но не сразу же, а через год, в шестьдесят четвертом. Наверное, и установили бы и, может быть, даже отреставрировали, если бы храм не сгорел раньше¹⁵. К сегодняшнему дню от этого шедевра деревянного зодчества остались только крест, установленный на том месте, где стояла церковь, большой железный ключ, лежащий под стеклом в витрине краеведческого музея Вытегры, и икона Азовской Божией Матери, которую задолго до пожара, еще в тридцать девятом году, перенесли в музей. Примечательна она тем, что написал ее местный священник Климент Макарьев в 1729 году, о чем свидетельствует собственноручная его надпись¹⁶. Написал он ее... и тут мы снова вступаем в область народных легенд, а легенда гласит о том, что Климент Макарьев написал эту икону в память о посещении его дома Петром Великим. Записал эту легенду прослуживший помощником настоятеля Покровской церкви двадцать лет священник Спиридон Партанский в 1871 году и опубликовал в Олонецких губернских ведомостях, а отцу Спиридону, в свою очередь, поведал об этом отец Стефан Смирнов, а отцу Стефану... Бог знает, кто ему рассказал об этом. Народное предание на то и народное, потому что допытаться, кто первым его выдумал из головы, никак невозможно.

Тут мы незаметно подошли к вопросу о том, был или не был Петр Алексеевич в Вытегорском погосте, а если был, то когда, разговаривал ли с крестьянами или просто помахал им из окна кареты, или не махал, а не говоря худого слова приказал всем обрить бороды, не исключая баб и детишек, заготовить лес для строительства кораблей, носить кафтаны иноземного покроя, курить

крепкий немецкий «кнастер», перелить церковные колокола на пушки и поехал себе в Архангельск по делам государственной важности.

Обратимся не к легендам, но к фактам и документам. Доподлинно известно, что в 1710 году Петр послал капитана Джона Перри, шотландца на русской службе, «осмотреть три разных пути от Ладожского озера до Волги». Город Санкт-Петербург рос не по дням, а по часам, и его него нужно кормить, снабжать стройматериалами и всем тем, что бывает нужно новорожденным столицам империи для того, чтобы у них не было задержек в развитии.

В своей книге «Состояние России при нынешнем царе», изданной почти сразу после возвращения в Англию, Перри писал: «Его Величество благоволил послать меня осмотреть три разных пути от Ладожского озера до Волги; мне приказано было снять на чертеж течение нескольких рек, впадающих одна в другую, и проследить до истоков их, чтобы освидетельствовать, где они ближе всего сходятся, и где местность представляет более удобства между ними сообщения». Один из этих трех путей проходил akurat через волок между реками Вытегрой и Ковжей. Перри, поскольку был опытным гидротехником, смог оценить преимущества водного пути через Вытегру, Ковжу, Белое озеро и левый приток Волги Шексну. «...В конце 1710 года я вернулся в Петербург с чертежом и донесением о месте, времени и расходах, относящихся до этого сообщения, с одной стороны посредством Ковжи, Белого озера, Шексны, впадающих в Волгу недалеко от города Рыбинска, а по другому пути посредством реки Вытегры, Онежского озера и реки Свиры, впадающей в озеро Ладожское, где требовалось только поставить 22 водоспуска и прокопать весьма удобоисполнимый канал на протяжении трех английских миль». Три английских мили – это около пяти километров. Если точнее, четыре километра восемьсот двадцать восемь метров. Такой длины должно быть «удобоисполнимый канал» между Вытегрой и Ковжей. «И так, этот край оказался самым низким, т. е. самым удобным уровнем, представлявшим всего менее покатостей, так что тут требовалось меньшее количество шлюзов. Реки Свира и Шексна и более удобные части рек Ковжи и Вытегры были уже судоходны для судов малого размера, которые поднимаются и спускаются по ним в течение целого года, за исключением того времени, когда реки замерзают. Поэтому в донесении моем я указывал Его Царскому Величеству на этот путь, как наиболее удобный для устройства предполагаемого сообщения».

Перри представил царю не только чертежи будущего водного пути из Шексны в Онежское озеро, но и смету расходов. Царь проекта Перри... не оценил. Петр решил направить все силы на улучшение существующей Вышневолоцкой водной системы¹⁷. К тому же в 1710 году началась война с Турцией и стало не до устройства нового водного сообщения между Шексной и Онежским озером. Перри нашли другую работу, а потом он и вовсе вернулся в Англию, обидевшись на то, что обещанной платы он за свои труды так и не получил.

Вернемся к вопросу о том, был или не был Петр Первый в Вытегорском погосте. В 1821 году в одном из номеров журнала «Отечественные записки» была напечатана статья Павла Львова «Петр Первый, творец Мариинского канала». Павел Львов к строительству Мариинской водной системы некоторое отношение имел, поскольку в восемьсот первом году три летних месяца в качестве помощника находился при генерале Деволанте, руководившем строительством Мариинского канала между Ковжей и Вытегрой. Львов утверждал, во-первых, что именно Перри отыскал удобное место для канала между Вытегрой и Ковжей и «сделал оному чертеж», а во-вторых, что Петр Первый в семьсот одиннадцатом году прожил «под листовым кровом из березовых ветвей сплетенного шалаша, претерпевая во всем крайнюю нужду». Жил он «посреди тех мхов зыбучих и дремучих лесов, где Вытегра и Ковжа доселе укрывались, вясь неприметно от исходящих своих по непроходимой дебри». Местный житель – стопятнадцатилетний Пахом из села Верхний Рубеж показал место, где стоял шалаш императора и ~~пень, на котором он каждое утро писал статью о пользе табака~~. Правда, сам Львов Пахома не видел, а рассказ о нем записал со слов Деволанта. Генерал встретил древнего старика в 1792 году, когда сопровождал директора Департамента водяных коммуникаций графа Сиверса в поездке по трассе будущего канала.

Собственно, о Петре Первом и о подробностях его жизни в шалаше Пахом не смог сказать

ничего, но место, где, как пишет Львов, стоял «тот скудный шалаш, многих величественных царских чертогов достопамятный, под которым первый из первых монархов подсолнечной, обладатель полсвета укрывался от трудов в продолжении десяти суток тут проведенных», старик указал и прибавил, что царь пожаловал его отцу серебряный полтинник. Зато о Перри Пахом рассказал много интересного – и то, что тот был слишком тучен, чтобы ходить по местным болотам, и потому его носили на жердях, переплетенных ветками, и то, что англичанин, которого старик называл «немчиною», пользовался «медным блюдцем со сквозными рожками» и «длинным сквозильцем», то есть астролябией и подзорной трубой. Капитан Перри был не один – в поездках его сопровождал главный царский инженер и ближайший сподвижник Петра Великого Василий Дмитриевич Кормчин.

Для того чтобы провести десять суток на водоразделе между Ковжей и Вытегрой, нужно было туда еще добраться из Петербурга. Теперь на это хватит и дня, а тогда... При Петре велись особые походные журналы или поденные росписи, называвшиеся «журналами», в которых отмечались события из жизни царского двора и, само собой, фиксировались передвижения самого государя. В поденных росписях за 1711 год никаких упоминаний о поездке Петра на водораздел нет. В тот год Петру было не до каналов – нужно было готовиться к походу против турок. Петр в начале года уехал в Москву, потом в марте к войскам, потом до конца июля безотлучно находился в войсках во время крайне неудачного Прутского похода, а с конца июля и до конца года разъезжал по Европе. Какая уж там Вытегра с Ковжей...

Теперь о еще одном предании, записанном учителем Вытегорской приходской школы Иваном Дьяковым, в монашестве отцом Феодосием, которое он представил в середине девятнадцатого века в Русское географическое общество. Сам Дьяков, как и Львов, с очевидцами и участниками встречи с Петром Первым не беседовал, но он записал рассказ старого священника, умершего в 1823 году девяноста лет отроду, который... тоже там не был, но его отец как раз на достопамятной встрече присутствовал... или не присутствовал, но рассказал о том, что «на пути из С.-Петербурга в Архангельск Петр Великий переезжал чрез р. Вытегру при дер. Шестовой, чрез которую проходил Архангельский тракт. Жители Вытегорского погоста встретили Государя за две версты от деревни на горе и поднесли хлеб-соль. Разговорившись с крестьянами, Государь узнал, что ниже этого места, в четырех верстах, есть Вянгинская пристань, на которую от р. Ковжи доставляются гужем и отсюда на гальютах отвозятся по побережью Онежского озера, в р. Свирь и далее. Получив такие сведения, Петр Великий отправился на Вянгинскую пристань¹⁸, лично убедился в торговом значении этой местности и вероятно у него тогда явилась мысль о соединении Волги с Невою, чтобы можно было обеспечить Петербург продовольствием и чтобы передавать ему избытки и богатства низовых губерний. Гора, на которой был встречен Петр Первый стала называться с той поры беседною».

Легенды и предания бывают очень живучи, и никакими документами, никакими походными журналами их с места не сдвинуть. На том месте, где мог стоять шалаш, в котором мог жить Петр Первый, если бы приехал в эти места в семьсот одиннадцатом году, установили по повелению Александра Первого обелиск из природного камня¹⁹. Сделали это ровно через сто лет после того, как царь Петр... В конце концов, за триста с лишним лет, которые прошли с этого предполагаемого события, легенда могла стать былью. Тем более, что экскурсоводы в Вытегре уже много лет рассказывают ее туристам.

На вершине Беседной горы в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века поставили часовню в память о предполагаемой встрече Петра Алексеевича с вытегорами. Кстати, с этой встречей связана еще одна легенда. После того, как царь, осмотрев Вянгинскую пристань, остановился в Вытегорском погосте для перемены лошадей, ему на глаза попался местный юродивый Гриша, который, упав перед Петром на колени, стал просить подарить ему красный камзол, с которым к царю подошел денщик. При этом Гриша сказал, якобы следующее: «Себе и тем, кто умнее и добрее, на шапки, а шапки мы не только детям, но и правнукам запасем на память твоей Царь-бабушка милости». И царь заплакал от умиления. С тех самых пор к вытегорам прилепилось про-

звище камзолников. Кое-кто и вовсе утверждает, что царь своего камзола вытегорам не дарил, а они его попросту украли, и рифмует вытегоров с ворами, что конечно же обидно. Особенно если царь Петр мимо не Вытегорского погоста и не проезжал вовсе.

Как бы там ни было, а без Петра Алексеевича дело не обошлось. В 1782 году Вытегорский магистрат представил в Олонецкое наместничество историко-статистическое описание города, в котором, среди прочего, было сказано: «Кто и когда на сем месте, где ныне город, жительство завел, об оном исторического описания не имеется, а из объявлений старожилов за известное почитается, что в сем месте при блаженной памяти Государя Императора Петра Великого населяться начали государственные крестьяне на порожней, государевым лесом поросшей земле, по край реки...».

В 1710 году Вянгинская пристань уже упоминается в документах как перевалочная база грузов, большей частью военных. Оно и понятно – России в очередной раз предстояло воевать со Швецией. В том же описании читаем: «А потом около 708-709 годов, в бывшую со Шведом войну, в оную была поставка с низовых, по Волге стоящих городов, по той реке и Шексне, по Белу озеру и по Ковже реке водяным путем до Бадожской пристани, а от Бадожской пятьдесят верст, где город Вытегра, а тогда еще лесом поросшая и называлась Вянгинская пристань». Надо сказать, что Вянгинская пристань представляла собой уже не просто пристань, на которой перегружались грузы на суда, а, выражаясь языком современным, чем-то вроде порта – рядом с ней построили амбары для временного хранения казенных грузов и эти амбары окружили деревянным острогом. Во время Семилетней войны через Вянгинскую пристань ежегодно отправлялось по полторы сотни галиотов с хлебом, который поступал сюда с низовых волжских городов.

Через пять лет у места впадения Вянгиручь в Вытегру по царскому указу была построена государственная верфь, действовавшая сто тридцать два года. Как писали в Новгородское наместническое правление в своем рапорте вытегорский городничий капитан Тренберг и городской магистрат в ноябре 1781 года: «...верфь началась здесь в Вытегре по имянному Его Императорского Величества государя Петра Великого указу с 1715 году; и для того прислан был тогда в здешнее место лейб-гвардии Преображенского полку подпоручик Шетнев с мастерами парусными, блочными, маштовыми, конопатными и оснастными, где в то время построен был модельно евер²⁰, которой был многое время, а потом, когда ис того обучились ко всему вышеписанному, то после оного ластовые суда²¹ и протчее к ним лежащее строение с того году производилось партикулярное разного звания жителями, и леса заготавлиются по сие число к тому строению по реке Вытегре з горы, с лесов и разных мест за тридцать верст и далее. Оснащаются оные одне всею принадлежностью, ко оным частою покупными в сем Вытегорском и частию в протчих городах, а другия суда, яко то: галиоты²², доншкоты²³ и протчие разного звания – и препровождаются без оснастки в Санкт-Петербург к тамошним пристаням...».

Судостроение для местных жителей было не в диковину. На реках Вытегорского края – Оште, Мегре, Андоме и Вытегре давно уже строили самые различные суда, а по указу Петра стали строить галиоты длиной от пятидесяти до семидесяти футов или, если перевести в метры, от пятнадцати до двадцати одного метра. Суда эти были приспособлены для плавания по беспокойным водам Онежского и Ладожского озер.

Пристань, казенные амбары, окруженные деревянным острогом, верфь, крошечная деревня Вянги, в которой живут плотники, кузнецы, конопатчики, крестьяне, разгружающие с приехавших телег кули из рогожи с зерном, солью, бочки с салом, дегтем, смолой в амбары, а потом перетаскивающие все это из амбаров на пристань, сторожи при амбарах, покрикивающие на крестьян приказчики, купцы, подсчитывающие прибыли, – еще, конечно, не город, но уже его эмбрион, который превратился в город Вытегру через шестьдесят три года – в 1773 году.

Произошло это по утвержденному Екатериной Второй докладу Сената. Указ сам по себе не родился – его инициатором был Новгородский губернатор граф Яков Ефимович Сиверс, предложивший при своем вступлении в должность переустроить губернию и ряд населенных пунктов возвести в ранг городов. По сенатскому указу велено было «учредить вновь на месте Вянгинской

пристани город и назвать его Вытегрою по названию той реки, на которой оный находится будет». Прописали новорожденную Вытегру в Олонецком уезде Новгородской губернии. Город был учрежден в конце декабря, а уже в начале апреля следующего года вновь учрежденный магистрат провел свое первое заседание. Население Вытегры состояло из жителей Вянгинской пристани, переселившихся в город жителей уезда и уже проживавших в городе иногородних, которым в том же 1774 году разрешено было приписываться к вытегорскому купечеству. Такая льгота была дана не просто так. Граф Сиверс, предлагая магистрату разрешить приписку к вытегорскому купечеству иногородних, писал: «Подтвердить, что во всем, до водяной коммуникации касавшемся, старались бы иногородному купечеству сделать вспоможение и оказывать свои услуги и доброжелательство, чтобы тех иногородных купцов к новой дороге приохотить».

Через три года после учреждения город стал административным центром Вытегорского уезда Олонецкой области Новгородского наместничества. Уездному городу полагался уезд. В него вошли поселения Вытегорского и близлежащих погостов – Андомского и Мегорского, располагавшихся по берегам соседних с Вытегрой рек – Андомы и Мегры. Общая численность населения этих погостов составляла немногим менее четырнадцати тысяч человек, тогда как, по губернской реформе Екатерины Второй, численность уезда должна была быть от двадцати до тридцати тысяч человек. По докладу губернатора, к новообразованному Вытегорскому уезду присоединили часть волостей Белозерского уезда и поселения Ошгинского погоста, располагавшихся по реке Ошта, которая, как и реки Вытегра, Андома и Мегра впадают в Онежское озеро. После такого прибавления численность населения Вытегорского уезда составила почти двадцать три тысячи человек²⁴. Все это было сделано еще и для того, «<...> чтоб тот новый город и его уезд против указного нового положения уездов число душ имел для свободы водяной коммуникации и починения архангелогородской большой дороги <...>».

О дорогах в уезде беспокоились мало. Можно сказать, совсем не беспокоились. В 1779 году академик Императорской академии наук Эрик Густав Лаксман предпринял экспедицию в Карелию. Хотел он проехать через Вытегорский уезд на север, к Белому морю, но не смог, потому что «в Вытегорском уезде нет почти ни одной дороги... чрез которые без опасности не только верхом проехать, но и пройти никак не можно».

Герб Вытегра получила через восемь лет после своего рождения – в 1781 году: «В верхней части щита герб Новгородский. В нижней – в золотом поле часть кормы галерной, из которой поставлен распушенный российский купеческий флаг, ибо в сем городе производится строение такого рода судов, и мещане оными торгуют»²⁵. Между прочим, вытегоры не знали о том, что у города есть герб как минимум четыре года. Наверное, могли бы дольше не знать, но в 1784 году городским властям пришлось назначать торговые или ярмарочные дни, а в эти дни полагалось поднимать полотнище с изображением городского герба. Магистрат и обратился к городничему с просьбой сказать, «какой герб сему городу быть следует». Городничий Герценберг, понятия не имевший о том, что из себя представляет герб и есть ли он вообще, обратился к вышестоящему начальству, и двадцать третьего января 1775 года в Вытегру прислали описание герба.

За семь лет до того, как Вянгинская пристань стала городом Вытегрой, ее посетил губернатор Сиверс. «Тут живут многие мещане, занимающиеся земледелием, – писал Сиверс императрице. – После обеда²⁶ я сел в лодку и проплыл пять верст вниз до Вянгинской пристани, где находится также верфь и строятся гальоты; здесь ведется довольно живая торговля, потому, что грузят многие товары для Петербурга, особенно хлеб. Я даже нашел там полотняную фабрику в 32 ткацкие станка, которая заведена назад тому три года. Кроме того, есть два свечные завода. Пристань находится в пятнадцати верстах от Онежского озера <...> Так как в Вытегре, по моему предложению, должна быть учреждена канцелярия, чтоб облегчить судопроизводство для жителей этого отдаленного края, то я думаю, что лучшим местопребыванием для судьи была бы пристань. В таком случае надобно перевести сюда и станцию архангельской дороги; место это лежит почти на половине пути между Ладогой и Каргополом, следовательно, здесь можно было бы учредить и почтамт. Как жаль, что Вытегра имеет такое быстрое течение. Петр Великий думал провести

через нее сообщение между государством и столицей; но он нашел, что течение Вытегры слишком сильно и мелководно <...>²⁷.

Что касается судостроения, о котором упомянул Сиверс, то оно в Вытегре не просто развивалось – оно процветало. Каждый год на местной верфи строились на продажу десятки самых различных судов, большей частью галиотов. Строили их быстро. Если говорить о конце восемнадцатого века, то на постройку галиота уходило от полугода до семи месяцев. Строили его, как правило, четыре плотника, а два или три человека выполняли кузнечные, конопатные и прочие работы. Парусами обеспечивала полотняная фабрика. Обходилась постройка галиота в две сотни рублей, а продавали его в полтора или в два раза дороже. В год основания Вытегры на ее верфи было построено три галиота по заказу из Санкт-Петербурга. Строили не только в Вытегре – в 1788 году, в уезде, на реке Андоме купец Дементий Попов построил три галиота, и еще четыре у него находились в работе. В шести верстах ниже по течению строил галиоты другой купец – Иван Галашевский, ставший основателем целой династии вытегорских купцов. Судостроителями, судовладельцами и первыми вытегорскими купцами были братья Иван и Матвей Галашевские, Лука и Анкудин Мартьяновы, Тит, Григорий и Фадей Рыборецкие, Адриан Невежин, Василий Рябов, Ефим Шалапанов. Иван Галашевский был первым бургомистром Вытегры и в 1787 году построил первый в городе каменный дом²⁸. Второй каменный дом был построен через пять лет купцом Невежиным, а третий Шалапановым еще через четыре года. К концу восемнадцатого века город украсился уже пятью купеческими каменными домами. Некоторые из этих домов до сих пор стоят в самом центре города на Кузнеческом проспекте Ленина.

Судостроением интересы вытегорского купечества не ограничивались. Анкудин Мартьянов владел кирпичными и свечным заводами, полотняной фабрикой, основанной еще в семьсот шестьдесят втором году, а кроме того, половиной стеклянной фабрики в соседнем Олонецком уезде, производившей стекла, штофы и бутылки. Прибавим к этим заводам и фабрикам две купеческих мельницы – мукомольную и лесопильную. Только сальных свечей из местного сырья производили от ста до четырехсот пудов в год. На полотняно-парусных фабриках, которых к семьсот восемьдесят второму году было уже две, работали полторы сотни мещан и вольнонаемных государственных крестьян. Прибавим к ним и шестьдесят семь «малолетних мужеска и женска пола ребят», наматывавших шпульки. Производили равендук, то есть разные сорта парусинной ткани, и фламское полотно – грубый сорт льняного полотна. Пряжу для производства тканей привозили из Костромы.

Продукцию большей частью везли в северную столицу и Кронштадт, а частью продавали в Вытегре. Оборот капитала составлял от двух с половиной до трех тысяч рублей в год. Немалые деньги для конца восемнадцатого века. Нехватка рабочей силы привела к тому, что Анкудин Мартьянов жаловался новгородскому губернатору на Тита Рыборецкого, переманивавшего у него рабочих, суля им большие заработки.

Теперь о торговле. Магистрат на вопрос Олонецкого наместничества, в чем состоят торговля и промыслы, «откуда товары получают, куда свои отвозят, на какую сумму, и другия подробности, к предмету относящиеся, а особливо, в чем главной их промысел или ремесло состоит», отвечал: «Торг и промысел состоят вообще, как у мещан, так и у купцов в малом числе по малоимению товаров. Однако ж хлеба привозится по недостатку хлебородие из городов, состоящих по Волге реке, и Шекснюю, Белым озером и Ковжею до Бадожской пристани, а из Бадожской пристани до города Вытегры перевозится сухим путем, от города Вытегры водяным путем около Онега озера, а Свирию рекою даже и до Санкт-Петербурга. А продция товары, яко то лавочных, из шелковых и прочие, привозятся из Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля, Вологды, а родившиеся в нашем городе – некоторые частию из зверей (белки, лисиц, выдр, заец, медведей), дегодь, смола, ивовая кора. А по большой части строятся морския ластовыя суда, которые отправляются в Санкт-Петербург, а при оных мещане в шипарях и работниках, а большая часть из мещанства трудолюбивыя на хлебопашестве имеются».

Насчет «малоимения товаров» магистрат, мягко говоря, прибеднялся. Каждый год из Вытегры отправлялось более ста судов с пермской солью, рожью, овсом, ячменем, мукой, различными

крупами, салом и тканями. В том же документе написано о том, что для складирования всех этих товаров перед погрузкой на корабли, которые сами же вытегоры и построили, купцы и мещане построили сорок пять амбаров. Нельзя сказать, что Вытегра была просто перевалочной базой для товаров, шедших из центра на север. В самом городе устраивались торговые ярмарки. В первые три года существования города была одна ярмарка, а через три года их стало уже три – в феврале, в августе и в октябре. В Вытегре привозили атлас из Москвы, итальянскую и немецкую тафту, разноцветные шелка, гризет, шелковые и бумажные платки, гарусный товар, ленты, кушаки, нижегородские шляпы, зеркала, обувь и александрийскую пестрядь²⁹. Торговали не только на ярмарках, но и в лавках, работавших круглый год. Местные крестьяне несли скупщикам пушнину, рыбу, грибы, лен и деготь. В 1775 году в стремительно растущей Вытегре проживало двадцать четыре купца, из которых двое принадлежало к первой гильдии, одиннадцать ко второй и столько же к третьей. Не так уж и плохо для города, которому два года отроду.

О самом городе Вытегра в отчете магистрата за 1782 год сказано немного: «Разделяется оной город течением реки на две части, кои название имеют обе Вытегра, реки того имени. И из оных на левой стороне, назначенной по опробованному плану быть соборной церкви и казенному зданию присутственных мест, а партикулярное разночинцов строение на правой стороне жильё находится купеческое и мещанское, построенное более до открытия города, старое, а ныне несколько построено по плану новые дома... Казенных домов по открытию города в построении никаких не имеется, но только состоят прежнего строения казенный под содержание казенной запасной ржи и соли два деревянные анбара да тюремная изба. Из оных соляной анбар и тюремная изба весьма ветхие. Торговые лавки состоят построенные на общественную сумму. Училищ и учения, а равно воспитательного дома и инвалидной больницы, богадельни и, одним словом сказать, кроме вышеписанных, казенного строения никакого не имеется и строением не начато».

На вопрос, «откуда получают нужные для пропитания и для житья вещи, какие овощи у себя, в огородах своих, садят и сеют», магистрат отвечал, что «Для пропитания, то есть рожь, муку и прочие съесные вещи, частью получают ис привозимых с низовых городов <...> а прочие, потребные на платье и обувь, – из привозимых же со около лежащих столичных губерний и уездных городов. А из овощей, то есть капуста, огурцы, лук, чеснок, – из Белозерского города, а малою частью в сем городе живущие в огородах садят капусту, ретьку, свеклу, морковь, чеснок и лук, а вырастают таковые с небольшим прибытком».

Что же до самих горожан, то населена Вытегра «...жителями греко-российскаго исповедания, из оных, кроме разночинцов из купцов и мещан, некоторые состоящие в расколе, из других городов, кроме разночинцов и при должностях состоящих, никого не имеется». Заметим при этом, что большинство вытегорского купечества состояло в расколе, то есть было старообрядцами.

Когда Вытегре исполнилось одиннадцать лет, то есть в 1784 году, она из уездного города Олонецкой области Новгородского наместничества стала уездным городом Олонецкого наместничества. Как раз в это самое время правителем наместничества был назначен Гавриил Романович Державин.

Летом 1785 года он отправился с инспекционной поездкой по наместничеству. Не станем приводить из его «Поденной записки, учиненной во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным» сведения читателю уже известные из отчета Вытегорского магистрата Олонецкому наместничеству. Приведем лишь те, о которых магистрат не сообщил. О самом городе Державин сообщает, что «В длину оный 50 сажен, в ширину 450 сажен, в окружности на 4 версты». Немного, что и говорить. Церковь в городе всего одна, соборная, да и та только строится на деньги, которые пожаловала императрица. Подрядились построить ее за одиннадцать с половиной тысяч рублей. Стройка началась в восемьдесят четвертом году. Выходит, что город был без единой церкви первые десять лет своего существования, что по тем временам довольно необычно. Обывательских дворов шестьдесят семь. Появилось каменное казначейство и двухэтажный каменный дом городского головы длиной десять и шириной восемь сажен. Десять тор-

говых лавок в восемьдесят втором году превратились в тринадцать в восемьдесят пятом. Если в отчете магистрата значится пятьдесят четыре дома, то Державин насчитал уже шестьдесят семь. Все остальное – и количество мельниц, и ткацких фабрик, и кирпичных заводов, а, вернее, заводовиков, и свечных, и строительство галиотов и других судов, и количество ярмарок, и перечень товаров, которыми торговали вытегорские купцы, осталось прежним. Мужчин, записавшихся в мещане, двести семьдесят пять, а женщин на сорок шесть меньше. «Граждане, имеющие достаток, почти все староверы... Жители все трудолюбивы, гостеприимны, но корыстолюбивы...». Насчет корыстолюбия обидно, конечно, но что написано пером...

Теперь об уезде, который во времена Державина простирался в длину на двести пятьдесят, а в ширину до двухсот верст, и по площади был как четыре с половиной Люксембурга. Рельеф местности, как писал Державин, ровный и болотистый. «В водах уезда сего ловится рыба: лососи, судаки, сига, налимы, шуки³⁰, окуни, угри, ерши, ряпуха, салака, ельцы, карпы, караси, язи, лещ и плотва. В лесах растет сосна, ель, береза, ольха. Звери в оных: медведи, волки, лисицы, белки, куницы и зайцы. Птицы водятся в лесах: тетерева, мошники, ряпчики, куропатки и дикие гуси и утки. Поселяне почти все упражняются в хлебопашестве; сеют рожь, пшеницу, ячмень, овес и горох. В плодоносный год рожь урожается сам пять, пшеница сам четверть, ячмень сам четверть и сам пять, горох сам третей...». Мужчин в уезде по последней ревизии проживало немногим больше двадцати трех, а женщин около четырнадцати тысяч³¹.

Державин уехал, не забыв при этом отметить в письме к императрице, что вытегорская городская школа, о построении которой рапортовал олонецкий генерал-губернатор Тутолмин, не была еще даже заложена. В том же году, в середине сентября через Вытегру проехал академик Николай Озерецковский. Ехал он не просто так, а по казенной надобности – Академия Наук отправила его в экспедицию по Ладожскому и Онежскому озерам.

«Сентября 14 дня поутру отправился верхом в город Вытегру через Вытегорский погост, от которого до города вниз по реке Вытегре считают семь верст. Погост оный лежит при реке Вытегре на весьма красивом месте; в нем две церкви – каменная и деревянная; через него идет большая Архангелогородская дорога, которая версты за две от города Вытегры отходит в сторону. На сем протяжении берега реки Вытегры сухи, ровны и для бечевника очень способны; в одном только месте между городом и погостом находится на реке сей порог, который невысок и удобно расчистить его можно. Склоняющиеся к берегам реки косогоры усажены деревьями и окружены красивыми лесами». Если сравнить его описание Вытегры с описанием Державина, то обнаружится, что поэт был куда обстоятельнее ученого. Впрочем, и Озерецковский сообщает подробности, которых нет в записях Державина. Например, он пишет о том, что ткацкая фабрика купца Мартьянова перерабатывает до тысячи пудов пряжи в год, а «из каждого пуда оной вырабатывается кусок ревендука в пятьдесят аршин». В год, если пересчитать на метры, а лучше на километры, выходило тридцать пять с половиной. Пишет, что Вытегорский уезд входит в тройку самых хлебодородных уездов Олонецкой губернии. Не первый, как Каргопольский, но и не третий, как Пудожский.

Теперь о том, о чем у Державина нет ни слова – о металлургических заводах Вытегорского уезда. В Олонецком наместничестве издавна находили признаки железных руд и потому там стали строить металлургические заводы. В Вытегорском уезде их построили два. Первым из этих заводов был, как сообщает Озерецковский, Мегромихайловский железоплавильный завод «компания французов Баралла, Фулона и Шанония построен в 1775 году в Мегорском погосте на левой стороне реки Мегры, вытекающей из Мегрозера и впадающей в Оного. Строения в сем заводе: две домны, молотовая фабрика о двух действующих и об одном запасном молоте, пыльная мельница, кузница, меховая, угольный и лесной сарай, 4 припасные магазина, погреб и 12 жилецких изб».

Берг-коллегия отвела этому заводу двести пятьдесят квадратных сажен земли и сорок два железных рудника, которые сами французы отыскали в округе с таким условием, чтобы через три года завод заработал, и французы, их потомки владели бы им вечно, не забывая при этом в течение десяти лет платить казне положенные налоги. Завод французы построили, но работал он всего три года. Через три года по указу той же Берг-коллегии завод «взят под секвестр за казен-

ную на тех французах доимку». Как это часто бывает у нас с заводами, взятыми в казну, «С того времени остался без действия в казенном смотре; и шихтмейстер Белоносов свидетельствует, что в семилетнее время завода сего запустение все фабрики пришли в ветхость, а наипаче молотовая, которая каждый год весеннею водою на десять вершков подмывается; в рассуждении ж рудников говорит, что их находится 24 в расстоянии от 5 до 35 верст и что руды для одной домны достаточно бы было на десять лет; наконец, что лесов для всех заводских потребностей довольно бы было на 15 лет».

За те три года, что завод работал, «в двух домнах ежегодно выплавлялось до 9000 пудов чугуна, из которого выковывалось до 4300 пудов железа; притом отливались разные в песке и глине чугунные утвари, кои частью продавались в С.-Петербурге вольною продажей».

Судьба второго, медеплавильного, завода могла бы быть более счастливой, но... Его начали строить с разрешения Берг-коллегии неподалеку от Вытегры в Десятинском погосте, через четыре года после французского. Принадлежал он действительному статскому советнику и лейб-медику Карлу Федоровичу Крузе. К заводу приписали шесть железных рудников, но и через шесть лет после закладки завода так он и стоял недостроенным – «сделана только плотина да фабрики – меховая, кузнешная и пыльная, доменная печь складена до половины и кроме сего ничего не начато». Понятное дело, что лейб-медику пришлось объяснять Санкт-Петербургской казенной палате о причинах такого долгостроя. Карл Федорович отвечал, что «убожество руд, к заводу приписанных, и дороговизна вольных работников принудили его от выплавки чугуна отстать и употребить плотину с прочим строением на винный завод или другое какое обществу и казне полезное дело». Конечно, если сравнивать винный завод с медеплавильным по сложности технологических процессов, необходимого оборудования и по прибыли казне, то выходит, что винный по всем статьям... да и обществу, если честно... И все же. Радеющий за дело шихтмейстер Белоносов сообщает Озерецковскому, что «...доменная печь, хотя складена только до половины, но к совершенному ее окончанию припасов заготовлено довольно, что руд, отысканных в разных урочищах, расстоянием от 5 до 35 верст, для одной домны довольно будет на 20 лет и на толикое же время достанет лесов в двух, трех, даже до 20 верст от завода находящихся».

Как бы там ни было, а пока железоплавильный завод работал, приписанные к нему государственные крестьяне и руду добывали, и древесный уголь выжигали, и заготовливали известь, горновой камень, лучину для освещения заводских цехов, деготь для смазки механизмов и огнеупорную глину, которая добывалась здесь же, в Вытегорском уезде, в районе Андомского погоста. Вытегорская огнеупорная глина была товаром ходовым – она поставлялась в конце восемнадцатого и в первой четверти девятнадцатого веков не только на металлургические заводы Олонецкой губернии, но и на столичный Монетный двор, и на Ижорский завод.

Немалая часть крестьянской бедноты уходила из уезда на отхожие промыслы в крупные города – Петербург, Москву, Архангельск, Ригу. К примеру, в октябре 1782 года несколько десятков вытегорских плотников по договору с Петербургской казенной палатой поехали строить казенные суда в Херсоне.

Вернемся в город. В конце ноября 1786 года в Вытегре было открыто малое народное училище. У этого открытия имела своя предыстория, довольно типичная для вновь образованных уездных городов того времени история. Началась она в 1775 году, когда приказом общественного призрения было вменено открыть малые народные училища в уездных городах. Средства на эти училища город должен был найти сам. Мало того, велено было и плату за обучение брать самую умеренную. Четыре года городские власти делали вид, что указа Высочайшего указа они не читали и он вообще их не касается. Через четыре года Новгородский Приказ общественного призрения потребовал от Вытегорского магистрата открыть училище в январе 1780 года. Требовалось заблаговременно прислать список детей от шести до тринадцати лет с пометкой о том, с кого будет братья плата, а кто будет учиться бесплатно, то есть за счет города. Легко сказать – открыть. Для этого нужно было купить или арендовать дом, купить учебники, аспидные доски, мел, чернильницы, стол для учителя, парты, верстаки для занятий столярным делом и многое другое.

Как было указано магистратом ответственному за покупку необходимого для открытия училища: «на первый случай – аспидных досок хоть пять, чернилиц до десяти, столов больших со внутренними ящиками и замками, столярного мастерства, два». И все это за счет города и в счет будущей платы за обучение. По получении этого предписания магистрат немедленно написал в Новгород, что училище открыть совершенно невозможно: «для того, что, если под ту школу нанять у кого дом, то такого пристойного дому здесь приискать совсем ни у кого нельзя, понеже сей город такой маложилой, что не только все служители постоянных дворов себе иметь за малоимуществом не могут и многие для того по деревням стоят; но и судебные места в одном самом узком доме едва помещаются. А коли б еще прибавить число школьников и учителей, то и паче стеснятся здешние городские жители, ибо большая часть сего города граждан жительствоует в разных волостях, а в городе самое малое число, не более как в тридцати дворах; отчего принуждены будут и учителя, и школьники по деревням постоянно искать, да и то не без тесноты. Ближние около города деревни маложилые, а другие далечайшие от города, откуда детскому возрасту ходить будет далеко и не под силу. Вновь построить под школу дом, то здесь еще и самого нужного строения не заведено, как-то: церквей, судебных мест, двух домов под городничего и казначея, а партикулярного хотя и заведено, токмо мало, по причине, что по плану на лучших местах положено иметь каменное строение, а каменного строения здешнее купечество без подмоги казенной строить из своего кошту отказалось. Где школе быть и каким манером ее построить, о том в плане не показано и землемером, при измерении на кварталы города места не назначено. И так поколе церкви и городское строение не возстаноятся, фасону и места, где школе быть не укажется, то до того времени в учреждении и открытии оной школы надо сделать понаровку...».

С одной стороны – самая настоящая отписка, а с другой – описание жизни первых лет города с такими подробностями, которых не найдешь ни в Поденной записке губернатора Державина, ни в отчете академика Озерецковского. В 1782 году дело дошло до сбора пожертвований, и... собрали шестьдесят четыре рубля, из которых двадцать пять внес губернатор Санкт-Петербургской губернии, поскольку с 1781 по 1783 год Вытегра вместе с уездом входили в состав Санкт-Петербургской губернии, купцы Галашевский и Мартьянов дали по десяти рублей, Рыборецкий – пятерку, а остальные по два рубля. Зачем, спрашивается, Титу Рыборецкому давать деньги на училище, пусть и малое, если на его полотняной фабрике работают дети.

Препирательство Переписка с начальством, поиск необходимых средств, подыскивание подходящего дома, наем учителя, сторожа, покупка учебников... все это продолжалось шесть лет. Наконец училище было открыто. Городская дума нашла помещение, оплатила из городского бюджета отопление, освещение, аренду дома, жалованье учителя, составлявшее полторы сотни рублей ассигнациями в год и тридцать пять рублей, тоже ассигнациями, за наем сторожа. Все содержание училища обходилось Вытегре в четыреста рублей в год, но... гладко было на бумаге. На практике Городская дума задерживала выплату жалованья учителю, а деньги на учебные пособия и на другие школьные нужды у нее приходилось буквально выпрашивать. Первый вытегорский учитель Новиков писал в Думу: «<...> того ради реченную городскую и шестигласную думу прошу о выдаче вышеозначенного количества денег учинить жалостное решение...». Внук первого учителя вспоминал: «Новиков был учителем народной школы в Вытегре и умер в 1808 г., лет сорок с небольшим отроду. Одной из причин его ранней смерти, может быть, чрезмерные труды, неразлучные в то время, при скудости содержания, со званием учителя.

Училище, бывшее под надзором городского головы, помещалось в низенькой лачужке с четырьмя окнами. Кроме кухни, тут была перегороденная комната, в одной половине которой учились, а в другой помещался учитель с семейством.

Учебный курс разделялся на четыре парты (класса), т.е. учащиеся были разделены на четыре разряда, из которых каждый сидел у особого стола. И так в маленькой учебной комнате, в два окна, помещалось у одной стены четыре стола с скамейками, а в противоположной стене (перегородке) была дверь в комнату учителя. С одной стороны, вдоль двери стояли скамейки, с другой – доска. За доской лежали: мокрая тряпка для стирания, розги, собака учителя и мешок с горохом.

Классы начинались в седьмом часу утра и продолжались до десятого; потом ученики уходили обедать, приходили снова в час и занимались летом до шести, а зимою до четырех часов.

Ученики являлись в класс в чем попало, босые, в тулупах и проч. Класс начинался молитвою: “Преплагий Господи”, после чего учитель спрашивал заданные уроки, а потом задавал новые. Во время уроков происходила обычная забавная сцена. Каждый из учащихся приносил с собою в класс чего-нибудь съестного и клал обыкновенно с книгами в один из ящиков, устроенных в столах. Учитель был очень строг: отвечавший не смел моргнуть даже глазом; этой удобной минутой пользовался Барсук (имя собаки), лежавший около доски; он спокойно вставал, подходил к месту отвечавшего и прехладнокровно вытаскивал оттуда кусок пирога или чего-нибудь другого. Ленивцы наказывались, смотря по мере вины. Учитель или запаливал им несколько ударов по руке линейкой, или приказывал спустить брюки ниже колен и ставил голыми коленями на горох, или же сек виновного, на спину и на ноги которого садились верхом его товарищи. Новиков в особенности не любил одного смельчака, который, когда ставили его на горох, понемногу съедал его.

После обеда учитель очинивал всем перья; после чего ученики, разложивши прописи, принимались за чистописание, а потом за приготовление уроков к следующему дню. Утомленный учитель обыкновенно в это время отдыхал на скамейке. Ученики до того были нашколены, что соблюдали приличный порядок и тишину даже в присутствии спящего учителя, если даже он выходил зачем-нибудь в другую комнату, то тишина не нарушалась и тогда. Каждый из учеников знал, что в перегородке просверлены два отверстия для педагогических наблюдений. В узаконенный час учитель пробуждался, читалась молитва, и ученики расходились. В 11 часов благодарные ученики, выходя из класса, брались за ушат и приносили в кухню учителя ежедневную порцию воды. В двенадцатые праздники ученики собирались рано утром в училище и следовали за учителем в церковь.

Жалко было положение этого учителя. Обремененный огромным семейством, он получал всего сто рублей жалованья в год ассигнациями. Бедность заставляла его исполнять обязанности сторожа, который полагался при училище. Он вставал очень рано, шел на рынок за провизией, потом зимой колол дрова и топил печи, летом взрывал гряды в своем маленьком огороде. От метения полов его освобождали ученики. Кто приходил раньше других, тот брал стоявшую в углу метлу и выметал класс.

Учитель зимой и летом носил один байковый сюртук, вместо чулок обертывал ноги бумагой, но нельзя сказать, чтобы он вовсе чуждался духовных интересов, хотя это могло быть в его тяжелом состоянии. Он был приятелем с городским протопопом, и они часто беседовали между собою, за чашкой чая, по латыни. Часто засаживался он за чтением и много писал (что, не известно). Каждый праздник ученики отправлялись к своему меценату, городскому голове, и приветствовали его стихами, сочиненными на этот случай учителем. При посещении училища визитатором, младший из учеников говорил приготовленную речь. По смерти учителя остались жена, пятеро детей и наследства пятак меди».

Оставим училище и учителя Новикова. Обратимся к плану застройки Вытегры, который императрица утвердила в августе 1776 года. Через девять месяцев после этого утверждения присяжный землемер Келер «упражнялся в разбитии по ордеру его превосходительства господина действительного статского советника и правителя Олонецкого наместничества Гаврилы Романовича Державина на кварталы города». Территорию города разбили на сорок два прямоугольных квартала, за исключением кварталов по течению реки. По плану, который представил Екатерине еще новгородский губернатор Сиверс, на правом берегу реки Вытегры предусматривалась торговая площадь, одна церковь на правом берегу, а другая на левом. Обе части города должен был соединять мост. Центр города должны были построить каменными зданиями, а в остальных кварталах дозволялась деревянная застройка. Крепостные стены в те времена уже не возводили, но с четырех сторон город окружался земляным валом и рвом.

Разбивку территории пришлось совместить с вырубкой леса и выкорчевыванием пней. Тут же выяснилось, что некоторые уже построенные дома в план не вписываются и их нужно переносить

в другие места, что вызвало недовольство горожан³². Вслед за кварталным планом городским властям прислали образцы планов и фасадов домов. Правду говоря, вытегорские строители этих образцовых планов и фасадов не придерживались, что и выяснилось, когда через год с инспекцией в Вытегру приехал генерал-губернатор Тимофей Иванович Тутолмин. После того как он уехал, из Олонецкого наместнического правления пришел указ с требованием исправить фасады городских домов в соответствии с чертежом образцового фасада. Прошел еще год, и побывавший в Вытегре советник наместнического управления докладывал начальству о том, что указ не выполняется и фасады не исправляются. Вышел еще один указ, предписывающий вытегорам покрасить дома, дополнить фасады фронтонами, балюстрадами и прокопать в городе каналы. Советник уехал и... все на первых порах осталось по-прежнему, но постепенно при строительстве новых деревянных зданий фасады стали все более и более походить на образцовые, а новые каменные здания строились исключительно по утвержденным планам и фасадам.

В последние четыре года восемнадцатого века в городе был построен Воскресенский собор. Деньги на его строительство собирали горожане – по два рубля с окладной души. Крупные суммы пожертвовало вытегорское купечество – Иван и Козьма Галашевские, Василий Викулин и другие. В 1800 году закончили все работы по отделке интерьеров, через два года городские власти смогли собрать средства и нанять мастеров для изготовления иконостаса, работы по которому были завершены еще через три года.

Первым каменным культовым сооружением Вытегры был, однако, не он, а церковь Сретения Господня, построенная в 1788 году. Судьба ее тоже была непростой, но по другой причине. Вскоре после освящения храма на стенах и сводах появились трещины. Службы в нем стали проводиться редко, а через девять лет после постройки и вовсе прекратились. Еще через четыре года его разобрали, а на его месте построили новую церковь на гранитном фундаменте. Правда, построили не сразу, а через семьдесят два года. Она до наших дней дошла в неизменном виде. Если первый Сретенский храм был построен, судя по описаниям, в стиле позднего барокко, то второй – типичная эклектика. При Советской власти кресты с куполов сбили, все что смогли вынести – вынесли, и в 1926 году устроили в церкви краеведческий музей. Теперь Сретенская церковь снова передана церковным властям.

В конце восемнадцатого века на торговой площади Вытегры построили двухэтажный каменный Гостиный двор. Обычная прямоугольная в плане постройка в стиле русского классицизма, окруженная галереей по периметру. Построили Гостиный двор не сразу. Добраивали его уже в начале девятнадцатого века. В 1810 году в центре Торговой площади возвели каменную башню важни – дом над весами. Позднее над этим домом возвели вышку пожарной каланчи. Летом 1909 года перед зданием важни построилась с красным знаменем в сверкающих на солнце касках, в мундирах, с медалями на кителях вся пожарная часть города Вытегры. Рядом поставили выкрашенные красной краской пожарные насосы, локомобиль, выдвинули в небо пожарную лестницу, и все это великолепие сфотографировал Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Если доведется вам увидеть эту фотографию, помните, что второй слева, с массивной цепью и медальоном городского головы – Владимир Вениаминович Шаров, а шестой слева – Евгений Оскарович Шульц³³, начальник вольной пожарной команды уездного города Вытегры, статский советник и инженер путей сообщения.

Прежде чем перейти к рассказу о девятнадцатом веке Вытегры, вернемся к водному пути из Шексны в Онежское озеро. После Петра поиски новых, более удобных путей не прекращались. В документах можно найти упоминания об экспедиции секунд-майора Лихачева в 1774 году, шлюзового мастера Свендсона и инженер-майора Баркляя де Толли, старшего брата фельдмаршала. В июле 1785 года, почти в то самое время, когда Державин осматривал вверенную ему Олонецкую губернию и город Вытегру, обер-прокурор Вяземский получает высочайшее повеление: «В виду ожидаемой великой пользы и для доставления местным жителям занятий, командировать двух опытных людей для исследования проекта Вытегорского канала, поставив об этом в известность генерал-губернатора Олонецкого и Архангельского».

В Вытегру отправились сразу три специалиста: инженер генерал-майор де Витте, капитан Фергюзль и прапорщик Экспарре. По окончании изысканий они представили план, смету и подробную записку об устройстве нового канала. По смете, представленной правительству де Виттом, выходило, что на устройство водного сообщения между Ковжей и Вытегрой, всех необходимых шлюзов, которых набралось более десятка, двух дамб при впадении Вытегры в Онежское озеро, поскольку там была отмель, плотин и прочих сооружений необходимо было потратить без малого два миллиона рублей. В 1787 году Екатерина выделила, как мы бы теперь сказали, первый транш в размере полумиллиона рублей на прорытие Вытегорского канала, и казалось, что наконец начнется... но не началось. Эти деньги, спустя пять месяцев, были перенаправлены на финансирование строительства дорог между Петербургом и Москвой и между Петербургом и Нарвой.

В конце восемнадцатого века произошло неожиданное событие – при разборе бумаг Петра Первого был найден отчет Перри с набросками плана по соединению рек Ковжа и Вытегра. В 1798 году на водораздел отправился сам граф Сиверс, возглавлявший в то время департамент водяных коммуникаций империи. Сиверс представил Павлу Первому доклад о необходимости как можно скорее соединить каналом Ковжу и Вытегру. В скобках заметим, что Сиверс считал необходимым прорыть канал не там, где предлагал де Витт, а там, где наметил еще Перри. Павел согласился с доводами Сиверса, но одного согласия императора было мало – нужно было придумать, где взять деньги на это строительство. Павел придумал.

В январе 1799 года графу Сиверсу был дан указ: «Приняв с особенным благоволением Нашим представлением Ея Императорского Величества, яко Главнначальствующей над воспитательными домами обеих столиц о заимствовании из сохранный казны здешнего Воспитательного дома 400000 руб. в год на скорейшее построение Вытегорского канала, Нашему Государственному Казначей барону Васильеву, повелели мы, принимая сумму сию заимообразно из онаго места на надлежащих условиях, приобщить отпуск ея к прочим суммам, по водяной коммуникации ассигнованным. Усилив таким образом средства к успешному произведению работ по сей части, повелеваем вам, сочинив план и сметы сего построения, представить к Нашему утверждению; несомненно, надеясь от ревности вашей скорого окончания сего канала, который отныне, во изъявление признательности нашей к таковому споспешествованию Ея Императорского Величества и на память потомству, соизволяем мы именовать Марьинским». Почему Марьинским? Потому, что жену императора звали Мария Федоровна и деньги на строительство канала Павел взял из кассы воспитательных домов обеих столиц, начальницей которого она являлась. Какое Мария Федоровна имела отношение к Вытегорскому каналу? Известное какое – была женой императора.

Немедля после указа утвердили штат на производство работ и начальником строительства назначили инженера генерал-майора Деволанта. Через три года после начала работ, в 1801 году, канал прокопали и на нем устроили восемь из первоначально предусмотренных проектом двадцати шести шлюзов. Еще через семь лет из Ковжи в Вытегру пришло первое груженое судно с осадкой аршин и шесть вершков, то есть метр без двух с половиной сантиметров. В этом же году Деволант официально уведомил директора Департамента водных коммуникаций графа Румянцева об окончании строительства. Одновременно с этим уведомлением он представил полное штатное расписание команды, необходимой для поддержания канала и всех шлюзов в рабочем состоянии. Вышло около трехсот человек, на содержание которых ежегодно требовалось пятьдесят тысяч рублей. Все строительство Мариинской водной системы обошлось казне в два миллиона семьсот семьдесят одну тысячу рублей и двадцать копеек. Деволант составил и первую инструкцию о порядке плавания по Мариинской водной системе. Здесь мы не будем подробно описывать какие шлюзы для чего предназначались и в каком месте были устроены. Скажем только, что один полушлюз, представлявший собой водоспуск на канале в верховьях Вытегры, был назван «Деволантом» в честь строителя Мариинской системы инженера генерал-майора Деволанта. Обидно, что лишь полушлюз, но... хорошо, что весь полушлюз, а не створку ворот от него.

В сентябре 1812 года, как раз в то самое время, когда ожидали, что Бонапарт двинется на северную столицу, из Петербурга, на двадцати двух ластовых судах, то есть на небольших баржах,

в Вытегру отвезли часть произведений искусств и драгоценностей Эрмитажа и императорского кабинета. Для охраны ценностей был послан флотский караул из нескольких матросов и офицеров во главе с чиновником императорского кабинета Карabanовым. В Вытегре даже построили специальные склады для хранения царских сокровищ.

За несколько дней до прихода барж из столицы в Вытегру приехал перепуганный насмерть крестьянин и сообщил, что на город идут несметные полчища французов, которых он видел своими глазами. Подробностей он сообщить не мог, а только сказал, что от пеших и конных пыль стоит столбом. За первым крестьянином приехал из той же стороны второй, подтвердивший известие. Тут уж местные власти встревожились не на шутку. Начальник вытегорской инвалидной команды семидесятипятилетний капитан Смирнов, служивший еще при Екатерине, принял команду над наспех составленным отрядом ополченцев. Вооружили их тем, что было под руками – кому-то достались ружья, кому-то рогаины, кому-то вилы и дубины народной войны. К ополчению присоединили шесть десятков человек инвалидной команды, вооруженных одними тесаками, поскольку тогда инвалидным командам ружей не полагалось. Мост через Вытегру был поднят, чтобы французы не смогли по нему перейти в город, и весь отряд под барабанный бой с тесаками наголо двинулся навстречу неприятелю. Не успели они пройти и полверсты, как встретили крестьянина, едущего в город за покупками. Ехал он с той стороны, с которой должно было наступать войско Бонапарта. Крестьянин на расспросы о французах отвечал капитану Смирнову, что никаких французов не видел и не слышал. Оказалось, что у страха глаза велики – за полчища неприятельских солдат напуганные слухами крестьяне приняли несколько десятков пеших и конных мужиков из разных деревень, шедших косить траву на болоте. Пешие несли косы, сверкавшие на солнце. Их-то и приняли за ружья. Сразу после того, как недоразумение выяснилось, война с французами в Вытегорском уезде закончилась, но не закончилась для четырех вытегорских мещан, избранных на общем городском собрании в июле двенадцатого года в Олонецкое народное ополчение. Родион Зайцовский, Прокофий Кириллов, Яков Нефедов и Денис Степанов в составе ополчения вошли в корпус графа Витгенштейна, не пустившего Бонапарта к Петербургу. Кроме того, после манифеста шестого июля о защите Отечества граждане Вытегры собрали на военные нужды более четырех тысяч рублей.

Несколько слов о вытегорской демографии первой четверти девятнадцатого века. Население города и уезда на три четверти составляли крестьяне и бобыли. Дворян проживало менее двух процентов³⁴, купцов и мещан чуть более двенадцати процентов. Остальные проценты делили между собой священнослужители, военные, приказные и прочие. Средний возраст населявших Вытегру и уезд мужчин был немногим более двадцати пяти лет, а женщин немного не дотягивал до двадцати семи. Средняя продолжительности жизни мужчин составляла почти тридцать пять лет, а женщин на год меньше. Недолго жили, что и говорить. Сорок процентов смертей приходилось на туберкулез, остальные на оспу и кишечные инфекции.

Первая половина девятнадцатого века была временем расцвета Вытегры. Как только заработала Мариинская водная система, пусть и несовершенная, поток грузов через город увеличился многократно. Только за первые два года работы Мариинской системы к Петербургу прошло чуть более двух тысяч судов с грузом от двух с половиной тысяч до десяти тысяч пудов.

Главным товаром был, конечно, хлеб, который скупали в низовьях Волги и в Рыбинске. Продавали его частью в Вытегре, частью в городах Олонецкой губернии, а более всего везли в северную столицу. Годовой оборот хлебной торговли вытегорских купцов в начале сороковых годов девятнадцатого века составлял четыреста тысяч рублей серебром. В году устраивалось три ярмарки продолжительностью две недели каждая. В среднем оборот только одной ярмарки доходил до полутора сотен тысяч рублей. Одних только бумажных, шелковых и полушелковых тканей и изделий из них привозили на сумму восемьдесят тысяч рублей на каждую ярмарку.

В поисках заработка вытегорские купцы смотрели не только по сторонам, но и под ноги. Купеческая вдова Марья Климова в 1826 году стала производить по собственной технологии мел из известняка, добываемого в Андомской волости Вытегорского уезда. Известняк разбивали на

куски, размалывали в порошок на обычных мукомольных мельницах, отмучивали в воде от частиц песка, железа и глины, сушили и продавали. Уже через год в Петербург было привезено три тысячи пудов вытегорского мела, который был, как минимум, в три раза дешевле продаваемого там датского. Только в 1839 и 1840 годах из Вытегры частью в Петербург, а частью в другие города Олонецкой и близлежащих губерний, было отправлено триста тысяч пудов мела. Вытегорский купец Алексей Свириков, много лет занимаясь торговлей огнеупорной андомской глиной, мелом и охрой, отыскал в той же Андомской волости залежи железной руды в 1845 году и через четыре года смог отправить в Петрозаводск, на Александровский чугунный завод пятьдесят тысяч пудов этой руды на переплавку. Между прочим, в 1851 году Александровский завод принимал участие на Первой Всемирной выставке в Лондоне и на ней представил образцы вытегорских железных руд.

Вернемся из Лондона в уезд. Дегтя из казенных лесов выкуривалось по уезду в сороковых годах девятнадцатого века шесть с половиной тысяч ведер или почти восемьдесят тысяч литров. К мелу, железной руде и дегтю прибавим пять мельниц, производящих пшеничную муку тонкого помола – крупчатку. Эти мельницы перемалывали в год около восьмидесяти трех тысяч четвертей закупаемой в Нижегородской и Орловской губерниях пшеницы, что в переводе на наши килограммы и тонны составляет почти пятьдесят тонн.

Если сложить вместе все эти тысячи пудов мела, огнеупорной глины, железной руды, тонны муки, тысячи литров дегтя, хлебную и иную торговлю, строительство галиотов, доншкотов, барж, проведение судов по Мариинской системе, то выйдет, что Вытегра самый первый город в Олонецкой губернии по всему и даже по географическому положению, потому как она, в отличие от Петрозаводска, находится практически в центре губернии.

Разговоры о переносе центра губернии из Петрозаводска в Вытегру начались еще в самом начале девятнадцатого века. В 1803 году сделать Вытегру губернским городом предложил Олонецкий гражданский губернатор Ушаков, через двадцать один год с таким же предложением обратился к правительству Олонецкий губернатор Рыхлевский. Ни Ушаков, ни Рыхлевский поддержки своим инициативам в Петербурге не нашли. В июле 1827 была сделана третья попытка, и снова Олонецким губернатором – Тимофеем Ефремовичем Фан-дер-Флитом. В документе, представленном министру внутренних дел, губернатор писал: «По причине удаления от торговых сообщений и от большой почтовой (Архангельской) дороги, город Петрозаводск беден, малолюднен и худо обустроен. <...> По сим уважениям, с давнего времени существовало предположение перенести губернский город в другое выгоднейшее место, а именно в Вытегру. Сие последнее предположение уже многими из прежних начальников признано за основательное. Вытегра счастливо расположена у ключа Мариинской системы, на большой Архангельской дороге и близ озера Онеги. Нет сомнения в том, что город сей, став губернским, в короткое время будет богат и хорошо обустроен <...>». План Фан-дер-Флита предусматривал, кроме перенесения центра губернии в Вытегру, присоединение Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии к Олонецкой. До нового губернского центра в Вытегре они отстояли бы всего в двух сотнях верст, а не в шестистах от Новгорода. Все это привело бы к увеличению количества жителей малолюдной Олонецкой губернии и, как следствие, к уменьшению подушной подати. Новгородский губернатор, которому была послана выписка из этого документа, отвечал, что он не только не против отдать два уезда в соседнюю губернию, но даже считает это полезным, поскольку при таких расстояниях от Новгорода «нельзя видеть и в самых необходимых случаях того скорого исполнения, как бывает в уездах, расположенных вблизи». Шестеренки бюрократической машины завертелись быстрее, и министр внутренних дел предложил генерал-губернатору Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний Миницкому рассмотреть предложение Олонецкого гражданского губернатора и посчитать, во что обойдется перевод всех присутственных мест в Вытегру, не будет ли каких возражений со стороны помещиков и казенных крестьян при проведении новых границ и сколько жителей проживает в Вытегорском уезде. Генерал-губернатор сам, конечно, ничего считать не стал, а перепоручил подсчеты гражданскому губернатору Олонецкой губернии,

а тот, в свою очередь, перепоручил их губернским архитектору и землемеру. Считали полгода и... не посчитали. Отчасти потому, что задача была сложной, а отчасти потому, что и архитектор, и землемер терпеть не могли нового гражданского губернатора Лачинова. Губернский землемер в ответ на новое предписание ускорить работу писал: «Город Вытегра, будучи уездным городом, расположен по числу и величине кварталов весьма в малом пространстве и ныне почти уже весь застроен, то для сделания онаго губернским городом будет недостаточно, по причине, что при переводе с губернским городом, губернских чиновников и канцелярских служителей, населенность онаго увеличится; Приняв во уважение сие обстоятельство, необходимо надобно будет увеличить пространство г. Вытегры», но как и насколько нужно будет это пространство увеличить, он не написал.

Уже и Николай Первый стал интересоваться, «в каком положении находятся строения в Петрозаводске для губернских мест и что примерно стоил бы перевод оных в Вытегру», а расчетов все не было. Наконец они появились. Из расчетов, которые сделал губернатор Лачинов, следовало, что денег на перенос уйдет без малого два миллиона восемьсот тысяч, что выгоды сомнительны, что чиновников из Петрозаводска, уже построивших там свои дома, будет трудно... В Вытегру послали двух чиновников министерства внутренних дел для независимой оценки стоимости перевода. Выяснилось, что денег нужно почти в шесть раз меньше, что можно и еще сэкономить, если выкупить для губернатора дом купца Галашевского. Уже и в министерстве финансов нашлись сторонники переноса центра губернии, уже и совет при министерстве внутренних дел признал полезным и даже необходимым, уже и генерал-губернатор Милицкого известили о том, что следует приостановить постройку новых зданий «впредь до рассмотрения дела о переводе», уже и министр внутренних дел направил дело на рассмотрение Комитета министров, но... Комитет решил, что выгоды от переноса сомнительны, что Петрозаводск, лишенный статуса губернского города, захиреет совсем, что нанимать квартиры чиновникам в Вытегре дорого, что толку от присоединения новых уездов к Олонецкой губернии будет мало, а напротив, увеличит земские повинности оставшихся уездов Новгородской губернии... Тут еще и министр финансов Канкрин высказался против перевода, посчитав его очень дорогим и неоправданным, и в дополнение ко всему генерал-губернатор Милицкого уволили от должности «за предосудительные и пользам службы несоответственные поступки». В марте 1830 года император утвердил решение Комитета министров, и дело о переводе центра губернии из Петрозаводска в Вытегру было окончательно закрыто.

Казалось бы, во всей этой истории самим Николаем Первым была поставлена большая жирная точка, но через восемь лет еще один олонецкий губернатор Дашков представил в министерство внутренних дел записку, в которой к старым аргументам за перенос прибавил еще один: «начальству удобнее будет распоряжаться особенно по продовольствию губернии, что составляет одну из первых обязанностей гражданского губернатора». Снова неудача. После Дашкова уже ни один олонецкий губернатор о переносе центра Олонецкой губернии в Вытегру не заикался.

Остается только добавить, что последним, кто решил напомнить о давно умершем проекте, был бывший олонецкий губернский прокурор Пузан-Пузыревский, который в 1886 году направил в министерство юстиции записку... Не будем подробно разбирать прокурорскую записку, поскольку Вытегра как была уездным городом – так им и осталась, и жила самой что ни на есть уездной жизнью³⁵.

В 1809 году малое народное училище было преобразовано в уездное. Первый класс от уездного училища отделили и образовали из него приходское. Наверное, этого не случилось бы, если бы не настойчивость губернатора Мертенса. Губернатор, как писали Олонецкие губернские ведомости, основываясь на документах Вытегорской Думы за 1804 год, «предлагал и требовал, по получении указа собрать общество и отобрать от него: какое может оно давать ежегодно пособие на содержание уездного училища, назначить сроки взноса денег, а равно доставить сведения о доходах и расходах города и по содержанию училища за предыдущие четыре года и все это доставить к нему немедленно». Это «немедленно» растянулось на пять лет. Все упиралось в нежелание родителей отдавать детей учиться и, как следствие, нежелание городских властей давать деньги

на наем здания, на жалованье учителям, сторожу, свечи, бумагу, дрова... Переписка между губернией и Вытегорой могла продолжаться еще дольше, но не выдержал вытегорский городской голова купец Невежин и согласился «за себя и за преемников быть смотрителем училища и на жалованье учителю выдавать триста рублей». О том, как хотели вытегоры учить своих детей, красноречиво говорят цифры. При открытии малого народного училища в 1787 году в нем обучался двадцать один ученик. Через двадцать два года в нем обучалось всего одиннадцать детей, и это при том, что проживало тогда в городе немногим менее двух тысяч человек. В 1825 году в уездном училище обучалось двадцать пять детей, а в приходском тридцать. Проживало в Вытегре в том году чуть более двух тысяч человек. К концу первой половины восемнадцатого века население Вытегры увеличилось по сравнению с 1825 годом... на шесть человек. В уездном училище к тому времени – тридцать восемь учеников, а в приходском – сорок три. Конечно, это прогресс. Не бог весть какой, но все же. И еще о прогрессе. И при уездном, и при приходском училищах были организованы библиотеки, в которых насчитывалось более трехсот томов. Это были первые, пусть и детские, вытегорские библиотеки. Через пятьдесят пять лет библиотека при уездном училище станет публичной, но... подписчиков в ней будет всего десять человек. Скажем и о качестве обучения. В 1836 году в Вытегру с проверкой приезжал инспектор казенных училищ Санкт-Петербургского учебного округа, который посчитал, что Вытегорское уездное училище находится в неудовлетворительном состоянии, хотя, по его мнению, «в Вытегре, как в торговом городе, должно стоять на лучшей степени устройства во всех отношениях <...> нет единства в направлении к образованию детей <...> Из Закона Божия дети почти ничего не знают».

В год начала войны с Бонапартом в Вытегре появилась больница на дюжину коек. Пациентами в ней могли стать не все – принимала она главным образом военных и чиновников. Исключение иногда делалось для арестантов местной тюрьмы. Власти больницу не финансировали – она существовала за счет платы, взимаемой за лечение и за счет пожертвований частных лиц. Видимо, эти денежные потоки, а точнее сказать, ручейки, часто пересыхали и потому больница была оборудована плохо и в ней постоянно не хватало медикаментов. Конечно, у больницы был специальный совет, ею управлявший. Состояли в этом совете и уездный судья, и исправник, и начальник военной команды, и городской голова, и врач, заведовавший больницей, но толку от этого... Что же до жителей города и тем более уезда, то они лечились подорожником, чесноком, липовым цветом, малиновым вареньем, святой водой и, конечно, водкой с перцем. Кроме того, в шаговой доступности были знахари, лечившие заговорами, лечебными отварами, наговоренной водой и наложением рук.

В июле 1819 года через Вытегру и уезд проехал Александр Первый. Приехал он под вечер и, приняв от горожан хлеб-соль, с которым они ждали императора с раннего утра, отправился на ночлег в дом купца Шалапанова. Само собой, перед домом собрался народ и царю пришлось три раза выходить на балкон и раскланиваться с народом, который непрестанно кричал «ура». Дом этот и сейчас стоит, и даже балкон, на который выходил Александр, сохранился. Правду говоря, выглядит дом не очень, но если его подштукатурить и подкрасить, то хоть сейчас можно приглашать... На следующий день, в одиннадцать утра император уже уехал из города, по пути осмотрел несколько шлюзов Марининской водной системы, дал шлюз-вахтеру Сергееву на шлюзе св. Натальи сто рублей, дал еще сто пионерам³⁶, состоявшим при шлюзе и покотил дальше, в Архангельск.

Ровно через четверть века через Вытегру проехал, путешествуя по Олонецкой губернии, великий князь Константин Николаевич и снова остановился в доме купца Шалапанова. В отличие от Александра, он прибыл в город водой, на пароходе. Программа пребывания великого князя в Вытегре была, так сказать, более насыщенной, чем у старшего брата. Он и молебн в городском соборе отстоял, и шлюз св. Сергия осмотрел во всех деталях и даже собственноручно поднял правый клинкет, чтобы воду из наполненного водой шлюза спустить в реку. В присутствии Константина на шлюзе св. Натальи была спущена через шлюз большая белозерская двухмачтовая лодка. Потом снова осмотр различных сооружений Марининской водной системы, потом осмотрobeliska, воздвигнутого Петру Первому на том месте, где стоял легендарный царский шалаш, потом

по десять рублей каждому из команды на шлюзе, потом лощанам, сопровождавшим пароход от Лодейного поля до Петрозаводска и оттуда до Вытегры двести рублей и две пары золотых часов.

Не будем, однако, забегать вперед. В описании Олонецкой губернии, составленном в 1842 году, читаем о Вытегре: «Город расположен по обеим сторонам реки Вытегры... Сама собою она не судоходна, но усилиями искусства доведена до возможности носить на водах своих все суда, идущие по Мариинскому водному пути... Берега – местами высоки, а местами низки; в самом же городе – ровные по обеим сторонам, обложены, от шлюза св. Сергия до пристани, булыжником и насыпью песка и чурь³⁷; устроен также бечевник³⁸... Рыбы мало, но водятся раки. Суда не строятся. В черте города устроен деревянный шлюз св. Сергия³⁹, и при нем такая же плотина. Пристань деревянная на сваях, и на ней деревянные одноэтажные анбары, для складки привозимого из Рыбинска хлеба и других товаров. Пристань и анбары принадлежат гражданам города. В Вытегру впадает ручей Вянг, протекающий через весь город: на ручье за городом выстроена водяная мукомольная мельница, а чрез реку в самом городе – подъемный мост. Здесь оканчивается шлюзовая система Мариинского судоходства... Вытегра улучшается во всех отношениях; теперь она ни своею наружностью, ни благосостоянием жителей, нисколько не уступает губернскому городу... Домов в городе 281; в том числе каменных 10, деревянных 271. Из сего числа принадлежат: Правительству – один каменный дом, в котором помещается уездное казначейство; обществу – один деревянный, где градская дума, магистрат и полиция; ведомству Путей Сообщения – два деревянных, определенных для нижних чинов; остальное количество принадлежит обывателям. В городе есть каменный гостиный двор, принадлежащий частным лицам; в нем 14 лавок сквозных. Другой корпус – общественных лавок, с 12-ю лавками. Сверх того, находятся: деревянный корпус общественных лабазов с 10-ю лавками, каменная общественная важня, деревянная общественная бойня; казенные магазины: винный и соляной, оба деревянные <...>. Вытегра не отличается ни величиною, ни великолепием своих зданий; зато она может похвалиться приятною физиономиею своих домов, их постоянною чистотою и опрятностию. Лучшие здания занимают по найму ведомством Путей Сообщения; после них – общественные и некоторые из принадлежащих купечеству. Церковь в городе одна, соборная, каменная, во имя Воскресения Господня, построенная в 1797 году, еще при самом начале города и потому бедная наружностью; теперь церковь эту поддерживают доходами и усердием обывателей. Кроме нее есть еще две часовни: одна каменная, другая деревянная <...>. Сверх того, находится два кладбища, огороженные деревянными бревенчатыми заборами. В городе есть приходское училище и прекрасно устроенная градская больница».

Что касается больницы, то на ее счет имелись и другие свидетельства, но оставим больницу, к которой мы еще вернемся, а теперь, вооружившись очками и увеличительным стеклом, от подробного описания города перейдем к еще более подробному рассмотрению городского бюджета, сверстанного буквально за год до выхода из типографии описания Олонецкой губернии.

В доходной части арендная плата с пахотных и сенокосных земель, мельниц, заводов по производству мела, общественных лавок в гостинном дворе, общественной важни с весами, скотобойни, открытых в городе гостиниц, мастеровых, питейного откупа, налоги с градского общества⁴⁰, иногородних купцов и ремесленников, производящих в городе временную торговлю, купеческих капиталов и торгующих крестьян, с протеста векселей и предъявления заемных писем, казенные деньги, которые город одолжил государству на устройство и содержание временной и постоянной тюрем, деньги за содержание в городской больнице военных, деньги, возвращенные помещиком Горловым, которые он взял взаймы у города, на содержание в больнице его девки Авдотьи Никитиной. Всего городских доходов около пяти тысяч рублей. Из них самая большая часть... не налоги, не аренда всего, что есть у города, а деньги, которые казна платила Вытегре за содержание в больнице военных – почти тысяча рублей. Помещику Горлову тоже пришлось раскошелиться за лечение Авдотьи Никитиной – он заплатил около ста тридцати рублей. Арендная плата за пахотные и сенокосные земли принесла городу пятьсот рублей, столько же дохода получилось от лавок возле гостинного двора, арендная плата за важню около шестисот рублей, доход от купеческих ка-

питалов и торгующих крестьян – около четырехсот рублей. Иногородние купцы и ремесленники дали около двухсот рублей, а все остальные статьи дохода, даже если их просуммировать, дали около шестисот рублей.

Город сэкономил на содержании в городской больнице двадцать шесть рублей, на воспитании «несчастно-рожденных детей», то есть подкидышей, семь рублей, на ремонте городских зданий полсотни рублей, на починке дорог и мостов сто двадцать рублей, на выпуске газет и объявлений два с полтиной, на содержании городской полиции и пожарной части около сотни, и еще двадцать рублей осталось от суммы, назначенной на непредвиденные расходы.

Теперь о расходах. Самая большая статья расходов – городская больница, на которую ушли почти все деньги, полученные от казны за лечение военных – около девятистот рублей. Второе место в расходной части бюджета занимает содержание канцелярии городского магистрата и Слоvesного суда – шестьсот сорок два рубля, на украшение городской церкви – двести пятьдесят семь рублей, содержание полиции и пожарной части обошлось в сто восемьдесят один рубль, на городское училище город потратил около полутора сотен, на жалованье священнику – сто тридцать шесть рублей. На остальные статьи расходов пошло по несколько десятков рублей на каждую – на содержание канцелярии Думы и Сиротского суда, на наем квартир служащим Второго Округа Путей Сообщения, на отопление домов, содержимых за счет города, на наем амбаров для казенного провианта инвалидной команды, на покупку гирь для важни... Меньше всего истрачено на починку городских зданий – около семи рублей. Столько же ушло на наем сторожа к городской церкви, а на последнем месте – содержание несчастно-рожденных детей. На это выделили четыре рубля тридцать копеек. Еще и сэкономили на их содержании семь рублей... Правда, на следующий год запланировали на подкидышей истратить тридцать рублей и «на призрение в больнице имущих и неимущих разного звания лиц, в случае возможности с возвратом или без оного» – пятьдесят рублей.

Теперь отложим в сторону увеличительное стекло и возьмем микроскоп. Посмотрим, что в это время писали Олонецкие губернские ведомости о жизни в самой Вытегре в первой половине девятнадцатого века.

В начале февраля 1838 года ведомости писали о том, что вытегорский купец Михаил Снопов и крестьянин Иван Снопов подрядились доставить транспорт с оружием с Ижевского завода в Санкт-Петербург и за них поручились ни много ни мало, а сто восемьдесят семь крестьян. Всего нужно было перевести около восьми сотен ящиков. Перевезли половину, и тут у подрядчиков кончились деньги. Ящики застряли на зимовку в деревне неподалеку от Ладожского озера. Через газету их предупредили о том, что если они немедленно не перевезут оставшиеся ящики, то Артиллерийский департамент наймет других перевозчиков, и тогда все издержки будут отнесены на счет поручителей. Начальник Олонецкой губернии через газету потребовал, чтобы поручители оказали Сноповым немедленное содействие в перевозке груза. Сноповы решили не доводить дело до содействия поручителей и остатки груза перевезли сами. Олонецкие губернские ведомости объявили об этом поручителям публично. В ноябре того же года в газете был напечатан выговор членам Вытегорского земского суда: старшему непременно заседателю Богданову, секретарю Подшивалову и бывшему в должности станового пристава Гаврилову за волокиту в делах, за «безплодную преписку» и за «медленность в производстве» дел. Через месяц новый выговор, но уже строгий и с «занесением в книгу» вытегорскому городничему майору Блау за четырехкратное невыполнение требований городского магистрата и предписаний Губернского правления «о взыскании с вытегорского мещанина Фомина должных ярославскому купцу Щепеникову за товар денег». В январе 1839 года губернское начальство объявило еще один выговор заседателю Богданову, секретарю Подшивалову и становому приставу Брашу, но уже с занесением в книгу за неправильные действия в ходе описания имения помещицы Сверчковой, не выплачивающей вовремя ни долг, ни проценты по нему в Опекунский совет. В ноябре 1843 года в присутствии Вытегорского Уездного суда состоялась публичная продажа пустопорожного планового места мещан Соколовых, оцененного в пятьдесят рублей серебром. Продавали его по решению

Правительствующего Сената потому, что Василий Соколов, в бытность его сборщиком казенных денег, растратил более четырехсот рублей. При самом большом увеличении можно рассмотреть, что в марте 1841 года в городе Вытегре был утерян отставным пионером Григорием Михайловым Зуевым паспорт об отставке, выданный из Канцелярии Второго Округа Путей Сообщения, в июле 1847 «при проходе судов через шлюзы в каналах в Вытегорском уезде, нечаянно упали в воду и утонули: работник судна крестьянин Рязанской губернии Петр Григорьев и находившийся на шлюзе св. Алексея для пропуска судов рядовой Янкель Белогляд», а в октябре 1848 года в Вытегре скоропостижно скончался рядовой Козьма Полосухин.

Вернемся на уровень города. К сороковым годам девятнадцатого века в Вытегре закрылись ткацкие фабрики, не выдержав конкуренции с более крупными и лучше оснащенными предприятиями в столице. Закрылись две свечные фабрики и казенная верфь, бывшая градообразующим предприятием на протяжении более ста лет, но... город развиваться не прекратил. Мариинская водная система тянула Вытегру вперед. К сороковому году в городе работали пивоваренный завод, два медеплавильных и два кирпичных завода. Кирпич шел на местные нужды, но с каменным строительством в городе дело обстояло плохо. После тридцатого года оно почти прекратилось. Хорошо еще, что кирпичные заводы были маленькими и кризиса перепроизводства не случилось. В сороковом году в Вытегре открылась окружная школа кантонистов Ведомства путей сообщения. В трех классах обучалось русскому языку, арифметике, геометрии, черчению, чистописанию и, конечно, закону Божьему, сорок человек. Тех, кто успешно окончил курс обучения, брали на работу в Ведомство путей сообщения кондукторами и писарями. Через пять лет при Вытегорском приходском училище открылось специальное отделение для девочек. Девочкам в дополнение к предметам, которые преподавались мальчикам, добавлялось рукоделие.

Немного статистики. В 1843 году от разных нечаянных случаев умерло в Вытегре три человека. От «болезненных припадков» умер один. Столько же утонуло. В уезде «найденно младенцев живых» двое. Что касается грабежей и разбоев, то в городе был всего один, а на дорогах и в жилых местах в Вытегре и в уезде – два. Сгорело в уезде домов казенных крестьян и помещичьих, а также фабрик, заводов и мельниц – пятнадцать⁴¹.

Дополним портрет Вытегры середины девятнадцатого века сведениями из описания города, составленного учителем вытегорского уездного училища Иваном Лабардиным в 1846 году. Если исключить то, что мы уже знаем из других источников, то останется вот что: «Чрез город Вытегру в истекшем 1846 году прошло судов: 2124; на которых провезено разного сорта кладей в С. Петербург, как-то: (муки, зерна, семени льняного, сала, чугунных и железных вещей, мела, дегтю, черной и белой глины и лесу,) на 13669062 рубли 33 коп. <...> Главные занятия жителей города Вытегры состоят в том, что многие из них, имея разной величины суда, привозят на них разного рода кладу из низовых губерний Волги, а более из Рыбинска Ярославской Губернии. В самом городе многие торгуют хлебом, и отправляют оный в Губернский город Петрозаводск, и Уездные города: Повенец и Пудож, но более всего в С. Петербург. Состоятельные купцы немало имеют выгод от того, что, закупая в довольно большом количестве пшеницу в низовых губерниях, перевозят оную часто на своих судах и перемальвают в крупчатку на своих заводах, вблизи города устроенных. Многие получают хорошие выгоды от дегтя, который предварительно скупают от крестьян, и потом доставляют в Петербург. Многие занимаются торговлею в самом городе в гостином дворе, товарами: шелковыми, бумажными, суконными, пушными; также чаем, сахаром и кофе. Кроме сего некоторые занимаются в уезде очищением охры, мела, белой и черной глины, доставляя потом в С. Петербург. Что касается до среднего и низшего класса жителей, то первые большею частью находятся приказчиками или у купцов в своем городе, или в С. Петербурге; вторые занимаются отчасти хлебопашеством, но более всего летнею порою перегрузкой с судна на судно кладей, и выгрузкой с судов в анбары и обратно. Ближайшие жители к пристани получают хорошие выгоды от содержания судовщиков с работниками, которых в 1846 году находилось в продолжение лета: 17280. Вообще из всех городов Олонецкой Губернии в жителях города Вытегры приметна особенная деятельность и промышленность. Число жителей, обою пола: 2200.

Относительно настоящих можно сказать то, что они на предков своих походят только немногими признаками: волосами русые, лицом белые, ростом средние, в некоторых замечательна беспечность, а в низшем сословии неопрятность»⁴².

Рукопись Ивана Лабардина с описанием Вытегры датирована концом января 1847 года, а ровно через семь месяцев в Вытегре случился страшный пожар. Августовской ночью загорелась прачечная изба при доме чиновника Альбова. Олонецкие губернские ведомости сообщали, что «при сильном юго-восточном ветре пламя быстро распространилось на плановой дом Альбова и соседственные дома. Никакие усилия пожарной команды и граждан не могли остановить пожара, жертвою коего сделалось 135 домов со всеми службами. Общественный дом, занимаемый городскими присутственными местами, также сгорел до основания. Большая часть жителей города, в котором считалось не более 300 домов, осталась без крова, в самом бедственном положении».

Оставим Вытегру и обратимся к Мариинской водной системе, с которой Вытегра неразрывно связана. Сразу после начала ее эксплуатации обнаружилось два существенных недостатка, мешавших ее работе: недостаток рабочей силы по причине малолюдности этих мест и три озера – Белое, Онежское и Ладожское. Не столько сами по себе озера, сколько сезонные ветры и штормы, делающие судоходство по ним трудным и опасным. Приходилось постоянно перегружать грузы с судов, которые шли по спокойным каналам, на суда, которым предстояло пересекать огромные неспокойные озера. С одной стороны, жители Вытегры были постоянно обеспечены работой по разгрузке судов, шедших из Рыбинска, в амбары и из амбаров на суда, идущие в столицу, а с другой судовладельцы терпели огромные убытки от гибели судов. В августе 1832 во время бури возле истока Шексны из Белого озера погибло и было повреждено шестьдесят два судна. Убытки были миллионные. В 1830 году вытегорскому купцу Василию Столбкову была дана привилегия на пароходство по Онежскому и Белому озерам. Он построил два парохода мощностью сорок пять и пятьдесят лошадиных сил, которые занимались буксировкой по озерам. Если бы Столбков не ломил огромные цены за свою буксировку, то, может, ею и пользовались бы охотнее, но...

Обонежский обводный канал начали строить еще в 1818 году. Как всегда, не хватило денег и смогли сделать только треть от необходимого объема работ. Через двадцать семь лет решили удлинить канал еще на треть и удлинили бы, если бы работы на канале не приехал инспектировать главноуправляющий путями сообщений граф Клейнмихель, приказавший вести канал до истоков реки Свирь, то есть полностью исключить Онежское озеро из Мариинской водной системы. Работы по устройству Обонежского канала были закончены в 1852 году. Параллельно прокладывали канал вокруг Белого озера. Там работы закончились на шесть лет раньше. Теперь путь из Рыбинска в Петербург через Вытегру стал действительно безопасным и более или менее благоустроенным. Кроме того, весенняя навигация могла начаться раньше, поскольку лед в каналах таял куда быстрее, чем на озерах, особенно на Онежском.

Строительство Обонежского канала вместе с опустошительным пожаром сорок седьмого года привело к тому, что основную перевалочную базу для грузов, следующих из низовых волжских городов в столицу и обратно, перенесли из Вытегры в село Вознесенье, стоящее у места впадения в Онежское озеро реки Свирь, соединяющей Онежское и Ладожское озера. В Вытегре пристань была упразднена. Для города это был удар, поскольку торговые операции перемещались на Вознесенскую пристань, теряли работу грузчики, ненужными становились склады, теряли деньги те, кто сдавал жилье судовым командам, лоцманам и шкиперам на время перегрузки, наконец, теряли выручку хозяева кабаков и трактиров, в которых матросы пропивали заработанные деньги. Всего этого не могли не видеть губернские власти, предложившие ввести особый налог на все сделки, осуществляемые на Вознесенской пристани с тем, чтобы он поступал в казну Вытегры, но... дух коммерции дышит, где хочет, и предложение властей, никем не поддержанное, было благополучно забыто.

Как бы там ни было, а жизнь в городе продолжалась. В октябре 1854 года в Вытегре праздновали окончание строительства казармы для Вытегорской инвалидной команды. Конечно, это не казармы лейб-гвардии Конного полка в Петербурге, но в масштабе уезда... Построил выте-

горскую казарму на свой счет крестьянин Петр Таразанов, и поселились в казарме около сотни холостых и шесть семейных нижних чинов. Пусть она и была деревянной, зато с отдельной кухней и погребом. За все Таразанов заплатил из собственного кармана три тысячи рублей серебром. Праздновали с чувством, толком и расстановкой: отслужили молебен, окропили казарму святой водой, провозгласили, как писал вытегорский корреспондент губернских ведомостей учитель Троицкий, многолетие «Государю императору, всему Августейшему дому, христоробивому победоносному всероссийскому воинству и строителю здания». Потом всех присутствующих на торжестве начальник инвалидной команды пригласил на завтрак. Не станем перечислять тосты, произнесенные за завтраком, и сообщать читателю, что нижние чины были угощаемы пирогами и водкой, а только процитируем окончание заметки в Олонецких губернских ведомостях: «Пусть же ведают хитрые заморские враги, как благоденствуют у нас Русские мужички, как любят они матушку Россию, своего Батюшку – Царя, и как готовы жертвовать своим достоянием на пользу общую. Хвала тебе добрый, достойный сын дорогой матери России! При взгляде на казарму невольно приходят на мысль слова из письма Господина Военного Министра к Таразанову: “Да порадуетса каждый верный сын Христоробивой России твоим достохвальным поступком”».

С одной стороны, хорошо, конечно, что у такого количества нижних чинов инвалидной команды появилась крыша над головой и отдельная кухня с погребом, а хитрые заморские враги, проведая про новую казарму для инвалидной команды в Вытегре, благоденствие русских мужичков и готовность жертвовать своим достоянием на общую пользу, поймут, что бомбардировать Севастополь себе дороже, но с другой... выходит, что радоваться нужно при взгляде на казарму.

Через пять лет после постройки казармы через город проехал Александр Второй. Именно проехал без остановки на ночлег, хотя и приказал кучеру ехать тихой рысью. Все же, хлеб-соль на вызолоченном серебряном блюде от городского головы купца Говорухина принял и, как писали губернские ведомости: «поблагодарил голову за выраженное им верноподданническое пожелание счастливого пути <...> У городской черты Государь заметил тамошнего городничего, прапорщика Бенедиктовского, следовавшего до этого места впереди Царского экипажа, приказал остановиться и удостоил городничего милостивыми словами: “как фамилия, какой губернии, где и в каком полку служил, в каком деле оторвало ногу, давно ли служит городничим?”».

В ноябре пятьдесят девятого года произошло событие, никак не связанное ни с военными, ни с императорами – домашняя учительница Розалия Зук с разрешения помощника попечителя Учебного округа открыла первую в городе частную школу для детей обоего пола. Школа была небольшой, если не сказать очень маленькой – при открытии пришло в нее учиться два мальчика и пять девочек. Преподавали им Закон Божий, русский язык, арифметику, чистописание, языки французский, немецкий, а девочкам еще и рукоделие. Обучение всем предметам, кроме языков, обходилось родителям детей в три с половиной рубля в год. За один иностранный язык добавляли пятьдесят копеек. Потом к этим предметам добавились история и география. Обучение всем предметам и двум языкам стоило четыре с половиной. Для многих горожан, а тем более для жителей уезда, это были очень большие деньги, но, видимо, Розалия Зук все посчитала заранее и недостатка в учениках у нее не было.

В том же году, по распоряжению начальника Второго Округа путей сообщения, инженер-полковник Лебедев был приведен в порядок бечевник в черте города. Один из первых вытегорских краеведов Константин Михайлович Петров писал: «Бечевник этот до настоящего года был в плохом положении и ужасно уродовал пелогие берега Вытегры. Весной вода подмывала его все более и более, рвала куски земли, чтобы с новой весной оборвать еще большие, затопляла огромное пространство и даже дома не оставляла в покое. Теперь бечевник возвышен и украшен откосами; бедные путинные⁴³ не будут больше вязнуть в грязи, не будут обходить опасных мест, а смело пойдут вперед». Конечно, устройство бечевника – это не устройство гранитной набережной с ажурными чугунными перилами, променадами и каскадом лестниц, но если возвести в губернскую или в столичную степень уездный вытегорский бечевник, то и получится гранитная набережная с лестницами и даже с каменными сфинксами на постаментах. Кстати, о набережной. Она в Вытегре была, пусть и не гранитная. Летом по ней прогуливались под звуки оркестра, кото-

рый играл три раза в неделю. В скобках заметим, что теперь в Вытегре есть прекрасная набережная с красивым фонтаном и променадами, но оркестр, увы, не играет.

В 1860 году в городе открыли телеграфную станцию для внутренней корреспонденции на русском, французском и немецком языках. Телеграфный провод через реку провели по дну. Не станем ворчать, что в те времена вода в Вытегре была мокрее, а трава зеленее. Вода и сейчас очень мокрая, трава и сейчас зеленее некуда, а беспроводной телеграф и вовсе у каждого, включая малых детей, в кармане, но с внутренней корреспонденцией на французском и немецком языках все обстоит совсем не так хорошо, как раньше.

В начале шестидесятых годов позапрошлого века по числу обучающихся в различных учебных заведениях Вытегра занимала второе место в Олонецкой губернии после Петрозаводска. Если же посмотреть на отношение числа учащихся к общему числу горожан, особенно девочек, то и вовсе первое место в губернии. Быть первым в губернии на поприще народного образования совсем не то, что быть первым в производстве сальных свечей или винокурении. К тому времени в городе уже было две библиотеки – одна при уездном училище, а вторая при приходском⁴⁴. Ту, что находилась при уездном, сделали публичной. Правда, в читатели записалось всего десять человек.

Конечно, проблемы были. Олонецкие губернские ведомости в своем историко-статистическом обзоре Вытегры писали: «Заметно также, что большая часть учеников оставляет училище не окончив курса. Причина этого заключается в самом обществе: бедность родителей заставляет брать из училища еще неразвитых и малограмотных детей и делать их помощниками в семье. Чрез Вытегру проходит Мариинская система сообщения и от города тяга судов производится уже лошадыми. Чтобы не занимать рук взрослого, часто берут мальчика из училища и делают из него погонщика. Случаются даже такие факты, что с закрытием навигации погонщик-ученик снова является в школу и сколько дурного он несет с собою. Кончают курс дети мало-мальски состоятельных родителей (купцов и редко мешан и чиновников). Последние для получения свидетельства с правами для службы <...>». Число окончивших курс училища и поступивших после этого в гимназии очень мало. За шестнадцать лет с 1848 года по 1864 год всего восемь человек. Для того чтобы поступить в гимназию, детей после окончания училища готовили дома или в частной школе уже известной нам Розалии Зук.

В уезде к концу шестидесятых годов было тридцать три училища, в которых обучалось около восьмисот детей, но проблем было куда больше, чем в учебных заведениях Вытегры. Не хватало аспидных досок, учебников и денег на их приобретение. Читению учились по тем книгам, которые учитель мог достать – кто по Псалтыри, кто по Часослову, кто по книге «Чтение для солдат», а те, кому повезло, – по гражданскому букварю. Из тридцати трех уездных училищ укомплектованы всем необходимым было всего шесть. Олонецкие губернские ведомости в 1868 году просили желающих помочь Вытегорским училищам и «адресовать свои приношения в г. Вытегру, на имя председателя Вытегорского уездного училищного совета». При всех успехах народного образования в уезде по данным земской статистики в 1869 году обучалось грамоте четыре процента мальчиков и девять десятых процента девочек.

Обучать детей и в городском, и в уездных училищах было непросто не только по причине нехватки учебников, аспидных досок или бедности их родителей. Во-первых, ученики в школу поступали тогда, когда их туда приводили родители в течение всего учебного года. Вот и обучай одновременно тех, кто пришел первого сентября и тех, кто пришел десятого января. Во-вторых, как следует из документов учебных заведений, обучению мешало крайне нерегулярное посещение занятий уже поступивших в школу учеников, которые постоянно прогуливали уроки по неуважительным причинам. Иногда они делали это по собственной инициативе, а иногда, как писали Олонецкие губернские ведомости, «сами родители без ведома обучавших отвлекали своих детей от классов на домашние работы, а иногда даже и без уважительных причин, по одной лишь неуважительной нежности родителей дети оставались в своих домах несколько дней сряду». В 1864 году из общего количества в пятьдесят мальчиков, обучающихся в Вытегорском уездном училище,

каждый день приходило на занятия не более тридцати. Неудивительно, что при такой дисциплине некоторые дети сидели в двухклассном училище по четыре года.

Оставим народное образование и обратимся к прозе непарадной вытегорской жизни середины девятнадцатого века, не лишенной, впрочем, удовольствий, пусть и маленьких, пусть и провинциальных, но все же удовольствий. Олонецкие губернские ведомости в первом номере газеты за 1865 год напечатали письмо своего вытегорского корреспондента, которые мы здесь приведем почти полностью.

«Если многие индивидуальные особенности возбуждают интерес публики, то может быть и особенность нашего города Вытегры не останется без внимания читателей. “Но, спросите вы, что же за особенность такая ваша Вытегра? – Город или лучше сказать, городок, как и все другие: весною грязь на улице, летом облака пыли, около кабаков – толпа пьяниц; а общество? Как и везде: сплетни кумушек, ссора мужей, скука – да и только”. – Все это так в других местах, быть может – у нас иначе. Вот особенности Вытегры: город после пожара 1847 года страдал долго, но понемногу строился: дома и домики чистенькие с приятно наружностью, в домах чисто, опрятно, даже редко где встретишь традиционного таракашика; улицы прямые, широкие, с мостками вместо тротуаров; порядок в городе примерный, а против воров и недобрых людей есть у нас свои ночные соловьи, поют, да и только, словно весною. Дело в том, что для безопасности жителей, по инициативе нашего начальника губернии, учреждена здесь ночная стража со свистками, звук которых точно соловьиный напев. Украшением города служит подъемный мост и шлюз на реке Вытегре, в самом центре города. При шлюзе на острове, небольшая роща и вокзал, в котором летом играет музыка.

Есть у нас выбор отличных книг по разным предметам, все русские журналы⁴⁵, некоторые заграничные и клуб. Но что же и тут удивительного, скажете, где ныне клубов нет! Правда. Но у нас клуб как бы собрание одной семьи – все знают друг друга, да, кажется, и любят друг друга; скандалчиков не бывает, игр азартных нет, а играя по четверти копейки point, столько напориться и насмеяться, как и при дорогой игре, или, лучше сказать, чего при дорогой игре не бывает, а результат тот, что вечер после служебных трудов проведешь весело и дружно. По воскресеньям в клубе бывают семейные вечера, и мужья охотно приводят дорогих половинок своих, потому, что у нас не требуется роскоши в туалете, не считают сколько раз одно и то же платье надето. Общество наше составляют почти исключительно инженеры путей сообщения и местные чиновники. Но этому отрадному согласию и соединению общества мы обязаны почитаемому всеми начальнику Второго округа путей сообщения. Имеющему здесь пребывание. Недавно состоялись у нас выборы градского головы. Выбор сделан удачный и предварительно одобрен посещавшим в то время наш город начальником губернии. Избран молодой почетный гражданин И.М. Манин, человек умный и с благородной душой <...>».

Иван Михайлович Манин был действительно человеком умным и с благородной душой. Одним из первых его дел на посту городского головы... Нет, народное образование нас не отпустит. Так вот, одним из первых дел Манина на посту городского головы стало открытие женского училища. Сделано было это в рекордные по тогдашним, да и по сегодняшним временам, сроки. В феврале 1865 года городское общество, как писал анонимный вытегорский корреспондент в губернские ведомости, «в знак глубокого уважения и благодарности к своему голове, собрало по подписке пятьсот рублей и десятого февраля дало обед благородному, купеческому и мещанскому обществам». На этом обеде была объявлена подписка в пользу женского училища. Сам городской голова пожертвовал триста рублей. Начальник Второго Округа путей сообщения генерал Лебедев дал сто рублей. Не остался в стороне его помощник и «тоже сделал немалое пожертвование. Доверенные купцов Гладина и Громова подписали крупные цифры. Инженеры путей сообщения, чиновники, купцы и некоторые из мещан принесли в жертву делу женского образования посильные лепты». Буквально за полчаса было собрано чуть больше тысячи рублей. К этой тысяче прибавим пожертвования Олонецкого губернатора, чинов уездного полицейского управления, уездного казначейства и земского суда. В конце сентября того же года Вытегорское второразрядное училище имени великого князя цесаревича Николая Александровича было открыто.

Удержимся от того, чтобы ворчать на тему о том, что раньше благотворительность была куда благотворительнее, но не преминем заметить, что немного было в России середины девятнадцатого века уездных городов с населением около двух с половиной тысяч человек, которые так заботились об образовании своих детей. Во вновь открытом женском училище начали обучаться шестьдесят три девочки, а через год, когда был открыт третий класс, учениц стало на восемнадцать больше. Преподавали русский язык, арифметику, русскую историю, географию, чистописание, рукоделие, Закон Божий, французский и немецкий языки. Два раза в неделю были уроки церковного пения. Старшеклассниц обучали кройке и шитью белья и платья. За отдельную плату обучали музыке. Учиться в Вытегру приезжали девочки из ближних и дальних уездных городов Олонецкой губернии – Пудожа, Каргополя, Лодейного поля, Белозерска и даже из самого Петрозаводска. Оно и понятно – вытегорское женское училище было в то время единственным на всю губернию. Просуществовало училище пять лет и было преобразовано в женскую трехклассную прогимназию.

Добавим к открытию женского училища открытие в 1870 году двухклассного училища в Кондушской волости Вытегорского уезда, земской общественной библиотеки в Вытегре и перейдем к делам уездного вытегорского здравоохранения, с которыми все обстояло совсем не так хорошо, как с образованием.

Сначала о состоянии здоровья жителей Вытегры в 1870 году. В журнале Вытегорского уездного собрания за этот год читаем: «Состояние здоровья жителей г. Вытегры в течение последних восьми месяцев, начиная с 1-января по 1-е сентября, к крайнему прискорбию нельзя признать удовлетворительным. Эпидемических болезней хотя и не существовало, но зато, характер болезней, появившихся спорадически, как например, кори, скарлатины, рожи и тифозной горячки был очень тяжелый; причинами этого были неблагоприятные климатические и гигиенические условия, т. е. быстрый переход сильных северных весенних ветров в жаркое лето и недостаток питательной пищи»⁴⁶ вследствие дороговизны предметов первой потребности. Сифилитические, ревматические, воспалительные, цинготные и нервные болезни появлялись в малом количестве, зато вкоренившийся недуг человечества – безобразное пьянство, как причина многих физических и нравственных болезней, со своим крайне плачевным исходом, существовал и существует по-прежнему в громадных размерах, и, люди увлекшиеся этой сладостью и равнодушные к гибельным последствиям пьянства, по привычке ли к оному или вследствие употребления непитательной и неудоbarer пищи, лишеной азота пищи, пьют вино, воображая, что для их организма нужно гораздо более горячих материалов, чем для других <...>».

В списке болезней поступивших в городскую больницу пациентов лидировали горячки – катаральные, гастрические и ревматические. За ними, если расположить их по убыванию, шли болезни венерические, ревматизм и ломота, тиф и тифоидальная горячка, цинга, хронический катар кишечника, воспаления легких, воспаления сердца и сосудов, кровавый понос, водянка, худосочные язвы, переломы, умственные расстройства, запои, маразм, старческий антонов огонь и в самом конце геморрой, запор, желтуха, рак, воспаление печени, нервные головные боли, выпадение прямой кишки, приливы крови к голове, нарывы, холера и бугорчатка, которая есть не что иное как золотуха.

Смертность тех, кто поступил в больницу, была довольно высокой – умирал почти каждый пятый. Причиной тому «большой недостаток фельдшеров в уезде, так что зачастую заболелые крестьяне, и преимущественно судорабочие, лишены первоначального медицинского пособия; привозятся в больницу уже безнадежные к выздоровлению, собственно говоря, для того только, чтобы столкнуть больного со своих рук в больницу, а не для подачи ему помощи. Подобные случаи были не редко; в прошлом году был случай такого рода: крестьяне привезли на больничный двор мертвого человека и настаивали, чтобы его принять непременно в больницу; несколько недель тому назад больной умер на дороге, две версты не могли его довести до больницы; многие из умерших жили в больнице только по несколько часов, предсмертная агония не позволила даже им дать лекарства».

Сама же городская больница в 1870 году, судя по описанию в журнале Вытегорского уездного земского собрания, представляла собой если и не ад, то как минимум чистилище. «Успешному лечению чрезвычайно мешает тесное и во всех отношениях неудобное помещение. Больные тифозною горячкою помещаются в общих палатах и неоднократно случалось, что лежащие рядом с ними больные заражались этой болезнью; по той же самой причине умалишенные своим беспрепятственным криком приводят больных в беспокойство, а слабонервных в истерическое состояние. Операции, делаемые в тех же палатах, наводят панический страх, а иногда и ужас на окружающих больных; наконец, если к описанной выше картине присовокупить еще сжатый воздух, страшное зловоние от ретирадных мест, расположенных у парадного входа, недостаток хирургических инструментов, разного рода аппаратов, отдельной комнаты для вскрытия мертвых тел, а также неопрятность и нечистоту, которые собственно зависят от крайне стеснительного помещения, так что зритель больницы, при всем своем хорошем направлении, доброй нравственности и сознании важности своей обязанности, не может ничего поделать и исполнить добросовестно свои обязанности – то состояние больницы ясно обрисуетя».

На всех жителей уезда и города, а их в то время было в общей сложности около сорока тысяч, приходилось всего два врача, четыре фельдшера и один аптекарь⁴⁷. Болезни жителей уезда мало чем отличались от болезней горожан, с той лишь разницей, что на первом месте был тиф, на втором простудный кашель, на третьем – кровавый и обычный поносы, а за ними следовали по пятам катаральная горячка, чесотка, простудная горячка, ревматизм, простудная лихорадка, сифилис, цинга, язвы желудка, золотуха, нервная болезнь поясницы и сибирская язва.

Последняя уносила в могилу не только и не столько людей, сколько животных. Эпидемии сибирской язвы свирепствовали в уезде и в городе каждый год. За три года уезд потерял свыше полутора тысяч лошадей, не считая коров и овец. Лошади были основной тягловой силой на Мариинской водной системе, их в навигацию пригоняли из разных мест и умирали они сотнями. Правда, не только от сибирской язвы, но и от истощения. Берега канала были усыяны могильниками, в которых зарыты сотни и тысячи лошадиных останков⁴⁸. То есть сначала это были гниющие трупы лошадей и тысячи мух, которые совсем не улучшали эпидемиологическую обстановку в городе и уезде, а уже потом могильники. Лоцманы бросали суда, а коноводы угоняли лошадей подальше от очагов заразы. Торговля несла огромные убытки, а потерявшие лошадей крестьяне теряли возможность пахать землю и выращивать хлеб⁴⁹.

Раз уж зашла речь о торговле, то скажем и о ней, а заодно и промышленности города и уезда. Сначала о ярмарках, которых, как уже упоминалось, в Вытегре проводилось три в году. Более всего торговали, как и пятьдесят, как и сто лет назад, зерном, привезенным с низовых волжских городов. К зерну прибавим ржаную муку, овес, лен, картофель, лук, огурцы, выделанные и сырые кожи и изделия из них, деревянную, глиняную, фарфоровую и фаянсовую посуду, железные и медные изделия, мебель, шорный товар, сено и лошадей, мясо, рыбу, рябчиков, коровье масло и рыбу. Все это, впрочем, продукция местная, производимая в Олонецкой губернии или в Вытегорском уезде. Привозили же шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные ткани и изделия из них, меха, овчины, чай, сахар, мыло, мед, изюм, чернослив, печенье, свечи, галантерейный товар, семгу и треску. Рябчиков привозили мало. К примеру, на Рождественской ярмарке, проходившей с 25 декабря 1869 года по 6 января 1870 года, было продано всего семь пар за семь рублей, зато рыбы продали четыреста пудов на почти тысячу рублей, масла сливочного триста пудов, а говядины более пяти тысяч пудов, то есть около восьмидесяти двух тонн на десять с лишним тысяч рублей. Приезжали торговать купцы из Ярославля, Нижнего Новгорода, Москвы, Владимира, Пудожа, Белозерска, Каргополя и, конечно, местные, вытегорские. Народу понаехало двенадцать тысяч человек. Из того, что на ярмарку не привозят, упомянем лес, торговля которым после хлебной занимает второе место по значимости, и винокурение.

Там, где есть хлеботорговля, – там, как правило, появляются мукомольные и винокурные заводы. Так случилось и в Вытегорском уезде. В памятной книжке Олонецкой губернии за 1869

год упомянуты два крупчатно-мукомольных завода купца Караваева из Фридрихсгама, два завода вытегорского первой гильдии купца Манина. Кроме пшеницы молили рожь и горох, но в гораздо меньших количествах. Все эти предприятия получали пшеницу зерном для размола из Рыбинска и отправляли муку в Петербург. На заводах купца Манина кроме собственного хлеба, купленного в Рыбинске, для размола брали и чужое зерно. По тем временам это были довольно крупные предприятия. Например, на одном из заводов Караваева работало по данным губернского статистического комитета сорок человек – пятнадцать мастеровых, полсотни чернорабочих и пять мальчиков. Отдельной строкой указано, что «все они русские, вольнонаемные». В год на каждом из таких заводов перерабатывались сотни тонн зерна на суммы в десятки и сотни тысяч рублей серебром. В отчете уездного исправника указывалось, что за год в уезде размалывалось пшеницы и ржи на восемьсот тысяч с лишним рублей.

Купец Манин владел и винокуренным заводом, располагавшимся в четырех верстах от Вытегры. В год на винокурение уходило до полтонны ржаной муки, из которой выкуривали безводный спирт. В пересчете на водку сорокапроцентной крепости получалось около тридцати шести с лишним тысяч ведер или четыреста пятьдесят тысяч литров⁵⁰. В 1876 году Манин получил премию за отправку спирта за границу. Памятная книжка Олонецкой губернии за 1869 год сообщает: «На заводе один винокур из евреев, один мастер и восемнадцать рабочих – русские вольнонаемные».

Неподалеку от манинского винокуренного завода стоял его же завод по выплавке чугуна. С чугуном все обстояло куда скромнее, чем с мукой и спиртом. На заводе работали один мастер и три рабочих. В 1867 году чугуна, который покупали в Петербурге, отлили в разные изделия две с половиной тысячи пудов на сумму четыре с половиной тысячи рублей. Вся продукция шла на другие заводы Манина, расположенные в Вытегорском уезде.

Лесопильных заводов в уезде было три, причем принадлежали они не вытегорам – один тихвинскому помещику Уньковскому, а два – бежецкому купцу Неворотину. Напиленные доски продавались на месте в Вытегре и отправлялись в свободную продажу в Петербург. Обороты у лесопильных заводов были, конечно, больше, чем у чугуно-литейного, но куда меньше, чем у мукомольных или винокуренных. Куда меньше значит на сумму в сто шестнадцать тысяч рублей.

Можно было бы, конечно, не упоминать о заводах свечных, кирпичных и тех, которые производили мел, чтобы не нагонять тоску на читателя, но без них обзор промышленности будет неполным, и потому сообщим, что свечных, кирпичных, пивоваренных и кожевенных заводов в уезде было по одному. Известно, что в 1867 году завод вытегорской мещанки Зининой произвел мела на шестьсот двадцать рублей, а на какую сумму произведено свечей, кирпичей и кож – неизвестно. Видимо, обороты этих заводов были еще меньше и губернские статистики не сочли нужным их привести. К тому, что производилось в уезде, прибавим ископаемые железные руды, месторождений которых было в уезде много, андомскую глину и мел. Почти все это отправлялось в столицу и приносило в год тридцать пять тысяч рублей. Если все сложить, получится около миллиона. Не так уж и мало.

Несмотря на то, что добыча полезных ископаемых в уезде приносила мало денег, но на Всероссийской мануфактурной выставке, проходившей в 1870 году в столице, были представлены и андомская глина, и произведенные из нее кирпичи для футеровки печей, и горновой камень, и пушечные руды. Кроме ископаемых чугуно-литейный завод купца Манина представил печные дверцы, вьюшки и другие изделия из чугуна.

Теперь об охоте и рыболовстве. Охотой в уезде занимались в 1870 году 165 человек. Добыли они за год шесть медведей, дюжину волков, одиннадцать оленей и лосей, восемнадцать куниц, сорок три лисицы, почти девятьсот зайцев и четыре тысячи двести пятнадцать белок. Всего на сумму 675 рублей с копейками серебром⁵¹. Еще 155 человек занимались ловлей птиц и добыли три с лишним тысячи пар рябчиков. Если сложить вместе зайцев, медведей, волков, белок и рябчиков, то выйдет, округляя до рублей, 1859 рублей серебром. Рыбы выловили в 1870 году в уезде 3058 пудов на сумму в 3757 рублей серебром. Все эти охотничьи трофеи и уловы скупали оптовые торговцы и везли в Петербург. В нынешних ценах это составило бы несколько миллионов, но как тогда, так и сейчас в тех местах охотой и рыболовством прожить было нельзя.

Оставим эти скучные экономические материи и посмотрим на хронику происшествий за 1870 год в городе и уезде, которая регулярно публиковалась в Олонецких губернских ведомостях. «Двадцать седьмого апреля по Пудожскому тракту близ города Вытегры найден мертвый неизвестный человек мужского пола, который приметями: возраста между тридцатью и сорока годами, росту два аршина и пять вершков, телосложения крепкого, волосы на голове тёмно-русые, на усах светло-русые и на подбородке имеется клочок светло-русых волос, одет в синие холщовые набивные с полосками подштанники, в изорванной ситцевой рубашке и опоясанный бумажным поясом. Публикуется о разыскании родственников этого человека.

Двадцатого мая крестьянка Вытегорского уезда Бадогской волости деревни Морозовой Степанида Морозова нанесла побои тупым орудием по голове финляндской уроженке Марье Хаккарайнен.

В городе Вытегре в ночь на двадцатое сентября неизвестно кем похищена денежная кружка, находившаяся у ворот ограды местной приходской школы. Похищение произведено посредством отомкнута замка ключом и снятия оковки; самый же замок оставлен на месте преступления». ⁵²

По ведомости о числе насильственных и случайных смертей в Олонецкой губернии за 1869 год убийств в городе Вытегре было одно и в уезде одно. В городе человек был застрелен, а в уезде убит каким-то другим способом. Сгорел в уезде один человек, утонул в реке Вытегре один, умер от пьянства один, задавлен и упал с высоты один, умерло от других случайностей двадцать четыре. Тихо жили, спокойно, несмотря на близость Мариинской системы. Правда, в то, что в уезде на тридцать восемь тысяч жителей от пьянства умер всего один человек, верится с трудом.

От уголовной хроники и перейдем к культурной. В феврале 1872 года стараниями Александра Петровича Нордштейна, инженер-полковника и в то время помощника начальника Второго Вытегорского округа путей сообщения, взявшего на себя все хлопоты по устройству сцены и режиссуре, были поставлены четыре пьесы: «Комедия в окне и на балконе», «Полюбовный дележ, или Комната с двумя кроватями», «Привыкать надо!» и «Тетушка-болтушка, или Олицетворенная мельница». Олонецкие губернские ведомости, освещая это событие, писали: «Исполнение этих пьес довольно удачное, что уже и слишком много, тем более, что участвующие большей частью любители и новички на театральных подмостках; а мы ведь часто видим, что и настоящие артисты своей игрой терзают слух и зрение, и если у нас сойдет хоть сколько-нибудь гладко, то нельзя и требовать большего от уездного города, подобного Вытегре». На масленицу, писал вытегорский корреспондент губернских ведомостей, погода «воспрепятствовала нашим вытегорам совершать свое обычное гуськом катание, чем, конечно, большинство недовольно, тем более, что развлечений у нас не было никаких, кроме двух или трех танцевальных вечеров и вчерашнего спектакля, состоявшего из двух пьес: «На бойком месте» Островского и «Провинциального бала» Федорова... После пьес было пропето несколько русских песен, из которых особенно понравилась публике «Ты поди, поди моя коровушка домой» пропетая с участием хоров г. М-вой, заслужившая дружный аплодисмент и повторенная ею по требованию публики два раза. В заключение же был прекрасно пропет мужским и женским хорами гимн «Боже, Царя храни»».

Из письма в редакцию Олонецких губернских ведомостей от 26 июля 1872 года: «В последнее время любителями сценического искусства в Вытегре дано было два спектакля: один в конце июня, в пользу библиотеки при земской управе, другой 2-го июля в пользу общественного клуба. В первый спектакль шли водевили «Булочная», «Вспышка у домашнего очага» и «Тетушка-болтушка» (в третий раз); во второй: «В чужом пиру похмелье», комедия в 2-х действиях, соч. Островского и водевили: «Довольно!» и «Зачем иные люди женятся». При всей добросовестности исполнения ролей, спектакли были неудачны – осталось много неразобранных билетов. Приписать эту неудачу, конечно, нужно было жару, которая действительно невыносима <...> На Вытегорской любительской сцене идет сверх ожидания хорошо Островский. Обе его комедии: «На бойком месте» (шла зимою) и «В чужом пиру похмелье» сошли очень хорошо <...> Жаль, что у нас слишком мала сцена, а то можно было бы дать и другие комедии Островского. Говоря

о любительских спектаклях, нельзя умолчать о трудности поставить ту или иную пьесу. Нужно очень хорошо знать все условия жизни в уездных городах, чтобы поверить всем тем препятствиям, которые приходится преодолевать лицу, взявшему на себя заботу распоряжаться устройством спектакля. Нужно очень и очень любить сцену, чтобы устроить ее, собрать играющих, уладить тысячи мелких, незаметных препятствий. Если в Вытегре усиленно идут любительские спектакли, то это благодаря стараниям и любви к сцене всеми уважаемого А.П. Нордштейна. Только с его терпением и можно взяться за это дело и доводить его до конца. Нам рассказывали, что в первое любительское представление девять лет тому назад, положительно невозможно было уговорить вытегорских барынь и барышень играть на сцене. Спасибо гувернантке – выручила, а то хоть отказывайся от любительских спектаклей!»

Спектакли, данные в пользу библиотеки при земской управе, принесли около сорока рублей. Жители города отнеслись к открытию библиотеки скептически, говоря о том, что «подписчиков не наберут и книг читать не будут». Тем не менее библиотека была в 1870 году открыта. Инициаторы открытия принесли в дар библиотеке 361 том разных сочинений на сумму более пятисот рублей. За два года работы библиотеки в нее поступило четыреста с лишним рублей от подписчиков. Всего подписчиков набралось сто восемь человек. Не так уж и мало на 2880 человек городского населения при том, что годовая плата за подписку была довольно большой – пять рублей. Читали вытегоры более всего романы и повести – они составляли половину от всех взятых для чтения за год из библиотеки книг. За ними шли различные журналы, за журналами – издания по естествознанию, потом исторические, потом политико-экономические, и в конце списка находились справочники.

Теперь обратим свое внимание на собственно город, в котором есть уездное училище, окружная школа кантонистов ведомства путей сообщения, второразрядное училище для девочек, кирпичный и пивоваренный заводы, частная школа Розалии Зук, три ярмарки в год, вольная аптека, городское собрание, набережная, по которой можно было прогуливаться, духовой оркестр, игравший три раза в неделю, клуб, гостиница, городская больница, где умалишенные «своим беспрестанным криком приводят больных в беспокойство, а слабонервных в истерическое состояние», любители театра, ставящие водевили и комедии Островского, скотобойня и библиотека земской управы с сотней читателей, более всего читающих романы и повести.

К началу семидесятых годов девятнадцатого века в городе было четыре площади, из которых только одна была торговой. Все четыре были немощеные. Один подъемный мост через Вытегру и девять мостов через ручьи. На реке выше подъемного моста находился шлюз св. Сергия – последний на шлюзованной части Мариинской водной системы. Между подъемным мостом и шлюзом был разведен сад, в котором и играл в летнее время оркестр, который содержал городской клуб. Две церкви, одна из которых каменный Воскресенский собор, а вторая деревянная кладбищенская во имя Всех Святых. Казенных каменных домов всего один. Частных – одиннадцать. Казенных деревянных домов семь, а частных – около четырехсот. Казенных магазинов четыре. Общественных – один. Двадцать четыре лавки, принадлежащих городу, и сто одна частная. В среднем одна лавка приходилась на двадцать три человека. Основная часть населения города была православной. За православными шли католики, за католиками иудеи, за иудеями протестанты, и замыкали список раскольники, вернее, раскольницы, которых было всего шесть человек. По ссловам граждане Вытегры делились следующим образом: немногим более половины – мещане. Вторая по численности группа – отставные солдаты, солдатские жены и дочери. За ними в порядке убывания личные дворяне, за личными дворянами государственные крестьяне, кадровые военные, нижние чины, находившиеся в отпусках, купцы, купеческие жены и купеческие дети, солдатские сыновья, иррегулярные войска, то есть ополчение и милиция, потомственные дворяне, православное белое духовенство, потомственные почетные граждане, разночинцы, иностранные подданные, бывшие помещицы крестьяне и личные потомственные граждане, которых проживало в Вытегре трое.

Работы в городе, несмотря на близость Мариинской водной системы, было не так много, и часть мещан уходила из города на отхожие промыслы. Рыболовство и охота, как мы уже увидели,

источником основного дохода служить не могли. Еще одна часть мещан занималась хлебопашеством, но оно, как и рыболовство с охотой, годилось только на то, чтобы быть одним из источников дохода, поскольку Олонецкая губерния не Курская и не Тамбовская. Со скотоводством у жителей Вытегры дело обстояло не лучше, чем с охотой и хлебопашеством. Одна корова приходилась на четырех жителей, одна лошадь на восемь с половиной, а одна свинья и вовсе на сорок два горожанина. На весь город было дюжина овец и три козы. Ремесленников в городе проживало более полутора сотен. Больше всего сапожников – тридцать шесть. Вместе с сапожниками в первую тройку по численности входили двадцать девять портных и двадцать восемь булочников. Хлебников имелось всего восемь. Из ремесленников первой необходимости проживали в Вытегре одиннадцать кузнецов и слесарей, десять печников, пятнадцать столяров и девять маляров. Из тех, которые нужны во вторую и в третью очереди – один коновал, три модистки, четыре медника, один шорник, два часовщика и два серебряных дел мастера. Ко всему этому прибавим, что жители города выписывали пятьдесят восемь различных наименований журналов и без малого триста экземпляров газет. Как писали Олонецкие губернские ведомости: «цифра довольно почтенная, свидетельствующая о том, что умственной пищи у вытегорцев имеется вдоволь».

В октябре 1872 года наконец-то состоялось освящение нового здания городской больницы на шестьдесят четыре койки. Сначала искали дом, который можно нанять и приспособить под больницу, потом, когда такого дома не нашлось, решили купить, но по разным причинам не купили и, наконец, решили построить больницу на земле, пожертвованной купцом Маниным. Строить за очень скромные деньги, фактически себе в убыток, взялся гласный земства купец Матвеев. Правду говоря, никто, кроме Матвеева, за подряд на постройку больницы и браться не хотел. Последний не просто взялся, а еще и предложил уменьшить смету строительства на почти шестьсот рублей. К октябрю 1872 года большая часть работ была выполнена. Олонецкие губернские ведомости по этому поводу писали: «Итак, благодарение Богу, Вытегорское земство имеет теперь собственный больничный в г. Вытегре новый дом, в котором поместится 64 кровати со всеми необходимыми удобствами. Палаты делятся на мужские и женские и особо для сифилитических больных и умалишенных; есть комнаты для аптеки, ванны, приемной, операционной; есть и офицерские палаты; все вообще комнаты просторны, светлы, коридоры удобные и теплые; всех палат и комнат в обоих этажах здания 16, коридоров со стеклянными дверями четыре и четыре теплых с печами ретирадных помещения. В одном из флигелей отдельные: квартира для смотрителя, двух фельдшеров и фельдшерских учеников; в другом – комната для сторожей, кухня, баня и комната для часовни. Последний флигель соединен с главным зданием больницы глухим светлым коридором, представляющим большое удобство для разноски из кухни пищи и для хождения больных в баню. Кроме сего, отдельно устроены кладовые и ледник, и сделан навес для складки дров. Все эти здания застрахованы». Правда, к моменту открытия больницы оставались еще мелкие доделки вроде покраски полов и крыш, но молебны отслужили, все палаты окропили, протоиерей Вытегорского собора произнес речь в честь знаменательного события, городской голова, уездный исправник, начальник Второго округа путей сообщения, инженер, наблюдавший за работами, и купец Матвеев перешли в палату, где был «на скорую руку приготовлен скромный завтрак, за которым были произнесены тосты за здоровье Государя Императора, потом за г. начальника губернии, преосвященнейшего епископа Ионафана и, в заключение, за прееспяние, на пользу и благо общества, Вытегорского земства; начальнику губернии и епископу Ионафану посланы были телеграммы, на которые сряду же получены были в самых теплых выражениях ответы»⁵³.

Для Вытегры, если вспомнить, какой была городская больница до нового здания, это было грандиозное событие. На фоне его открытие Вытегорского городского общественного банка в феврале 1872 года выглядит гораздо скромнее, хотя и тут не обошлось без завтрака, тостов за здоровье императора и за начальника губернии. Основной капитал банка составил десять тысяч рублей. В первый же месяц банк получил от вытегорцев вкладов на четыре тысячи с лишним рублей.

Вот таким или почти таким город Вытегра стал к своему столетнему юбилею. Городская дума учредила особую комиссию, представившую программу торжества. В Петрозаводск, Петербург

и другие города разослали более трехсот пригласительных билетов. Двадцатого декабря, в тот самый день, когда деревню Вянгй вместе с пристанью было решено сделать городом Вытегрой, освятили один из приделов вновь строящегося каменного Сретенского собора. Освящению предшествовал крестный ход, который в половине десятого утра двинулся из Воскресенского собора в Сретенский. Первым шел полицейский надзиратель, за ним нижние чины уездной воинской команды, за нижними чинами шли учащиеся школы кантонистов, женской прогимназии, уездного и приходского училищ. Вслед за детьми несли церковный фонарь, а за фонарем шел крестный ход с хоругвями и иконами, духовенство, певчие, представители городской и земской управ, уездный исправник и «прочие начальствующие лица всех ведомств и народ», как написано в сборнике, изданном в Петрозаводске в память о праздновании столетия Вытегры. Вслед за крестным ходом прибыл епископ Олонецкий и Петрозаводский Ионафан, который и совершил торжественное освящение. После литургии все из новой церкви тем же крестным ходом, но уже вместе с епископом Ионафаном и двенадцатью священниками двинулись обратно в Воскресенский собор. «Благоприятная теплая погода (три градуса холода), торжественность духовной процессии, имевшей во главе преосвященного архипастыря и массы народа, тянувшегося густою сплошной цепью от новой церкви до собора на расстоянии двухсот сажен, представляли картину полную умиления и восторга». В соборе протоиерей Мишурин произнес речь, кратко рассказав об истории города, потом епископ Ионафан отслужил молебен с провозглашением многолетия императору, августейшему дому, святейшему Синоду, епархиальному архиерею, начальнику губернии и всем обывателям города Вытегра. Выйдя из церкви Ионафан благословил расставленных в несколько рядов учащихся вытегорских учебных заведений. Мальчиков отвели после этого в училища, девочек в прогимназию и там угощали десертом, а народ толпами двинулся на рыночную площадь, к городской важне, где для него было приготовлено обычное у нас для народа угощение – по чарке водки и по булке. Уездный исправник Иванов «разъяснив цель празднования, провозгласил тост за городское общество и народ с восторженным «ура» принял предложенное ему угощение».

Вечером был дан обед и бал в залах общественного собрания. Как только губернатор Григорьев провозгласил первый тост за здоровье императора, все закричали «ура» и хор певчих с музыкальным сопровождением исполнил «Боже царя храни». Городской голова Василий Иванович Говорухин провозгласил тост за здоровье губернатора, епископа Ионафана и супруги губернатора, к которой немедленно была отослана приветственная телеграмма. В ответ на это губернатор провозгласил тост «за здоровье городского общества, за процветание города Вытегры и за его достойного представителя В. И. Говорухина».

На обеде помощник начальника Второго округа путей сообщения Нордштейн обратился к присутствующим с речью: «У нас в России часто слышатся сетования, что уездные города наши расположены на местах, совершенно невыгодных для промышленности и торговли. Город Вытегра составляет счастливое исключение. Еще и до существования Мариинского водного пути здесь был сухопутный «волоок» для перевозки кладей с р. Шексны и Ковжи на Вянгинскую пристань р. Вытегры. С открытием же искусственного водяного пути торговое движение значительно усилилось... теряю направление к мелочным оборотам, а обращалось все более и более к большим торговым делам. Доказательство этому мы видим теперь, потому что граждане города Вытегры, купеческое и мещанское сословия и даже торгующие крестьяне не являются доверенными лицами больших и богатых торговых домов Петербурга и Рыбинска. Это приучило их к делу больших торговых операций, и естественно надеяться, что все граждане вытегорские сделаются скоро сами главами богатых торговых домов, а город Вытегра поднимется до степени Одессы, Риги и других значительных торговых мест».

Одновременно с этим обедом в гостинице купца Сафронова был дан обед для мещан на шестьдесят человек. Деньги на этот обед собирали по подписке, объявленной мещанским старостой. Приветственных телеграмм по случаю юбилея было получено более десятка – от петрозаводского городского головы, от председателя казенной палаты и от начальника одного из е

отделений, от инспектора народных училищ, от советника губернского правления, от начальника губернского жандармского управления, от вытегорских почетных граждан, от инженеров путей сообщения, от рыбинских купцов, из Тихвина из Лодейного Поля, из Каргополя и из Петрозаводска от супруги Олонецкого губернатора Григорьева⁵⁴.

В девять вечера начался бал, который открыл полонезом олонецкий губернатор. Залы были украшены портретами Александра Второго, Петра Первого, Екатерины Второй, графа Сиверса и генерала Деволанта. Танцевали до трех часов ночи. Земство на юбилей ассигновало триста рублей, а город дал четыреста. Олонецкие губернские ведомости писали о празднике: «По всей набережной на поставленных шестах, вроде телеграфной линии, был протянут шнур, на котором висело до 500 разноцветных горящих фонарей. Таким же образом фонари развешены были и перекрестно через дорогу, где выходили боковые улицы, и, наконец, еще до 100 фонарей на мосту. На площади горели бенгальские огни и раздавались выстрелы из небольшого оружия».

Вытегорская городская дума для увековечения столетнего юбилея города постановила... нет, не поставить конный памятник Петру Первому или бронзовый бюст городскому голове, а содержать двух стипендиатов на средства города в учебных заведениях, преимущественно технических. Необходимые на стипендии сто пятьдесят рублей внесли в смету расходов на следующий год и постановили впредь ассигновать ежегодно. Кроме того, решили ходатайствовать перед правительством об открытии в Вытегре, когда представится возможность, реального училища, назначив на его содержание от города тысячу рублей в дополнение к пятистам рублям, уже ассигнованных земством, и тем средствам, которые будут выделены казной.

Впрочем, и без всякого юбилея власти Вытегры не оставляли своими заботами народное образование в городе и уезде. В апреле того же года собрание гласных Вытегры постановило каждый год выделять из городского бюджета, очень и очень скромного, по тысяче рублей на содержание мужской прогимназии, которую правительство решило открыть в городе. Это несмотря на то, что Вытегра уже ассигновала пятьсот рублей ежегодно на нужды женской прогимназии. Губернские ведомости сообщали, что в 1873 году в городе и уезде обучалось 1113 человек, из них 847 мальчиков и 266 девочек. «За всем тем в земскую управу беспрестанно поступают самые убедительные просьбы об открытии школ в таких местностях, где не так еще давно боялись и школ, и грамотности, как сибирской язвы».

Юбилейный год в Вытегре и уезде был наполнен событиями. В селе Девятинах неподалеку от Вытегры прошел Второй съезд учителей сельских школ Олонецкой губернии. Первый съезд состоялся в 1872 году и был съездом сельских учителей только Вытегорского уезда. Губернское земство, разглядев в этом начинании пользу, решило распространить опыт вытегорцев на всю губернию и выделило тысячу рублей на проезд и проживание сельских учителей в Девятинах. Съезд проходил три недели – несколько дней было посвящено чтению отчетов о состоянии народных училищ, а потом проводились практические занятия с учениками и обсуждение этих занятий.

В 1873 году на территории уезда образовалось «Товарищество вытегорских горных заводов», имевшее своей целью постройку чугуноплавильного и железоделательного заводов. Компания принадлежала петербургскому купцу Кухнову. Владельцами паев в том же году был построен «пародействующий» чугунолитейный завод в восьми с половиной верстах от Вытегры на реке Сараже. Завод был построен по последнему слову тогдашней техники. Часть заводского оборудования была доставлена из Англии. Привезли химическую лабораторию, пожарную трубу, три паровика, каждый по пятьсот пудов весом, локомобиль, около десяти тысяч штук огнеупорных кирпичей, листовое железо, чтобы покрыть им крышу, толь, который тогда был в диковинку, и многое другое. Губернские ведомости писали: «Из всех исчисленных принадлежностей, при доставке к заводу с Вытегорской пристани паровиков, предстояло более всего затруднений; их привелось перевозить в осеннюю распутицу, приспособлять особую телегу, под которую нужно было каждый раз подпрягать до тридцати лошадей и иметь до тридцати рабочих для сопровождения до места, так что говорят, провоз паровиков от Вытегорской пристани до завода на расстоянии десяти верст, чуть ли не равняется с издержками на провоз от Англии до Вытегры». Вслед за оборудованием

приехал выписанный из Германии инженер химик-технолог, под руководством которого устроили печи для выкуривания смолы и скипидара из полученных от казны за небольшие деньги пней и корней. Он же наладил и производство древесного угля для нужд чугунолитейного производства. Готовились основательно – хозяева завода построили двухэтажный дом для инженера, два двухэтажных дома для технического персонала, пять домиков для семейных рабочих, каждый из которых был поделен на два двухкомнатных отделения, баню, казарму на шестьдесят рабочих, мастерскую, где стоял локомотив, продуктовую лавку, и другие хозяйственные постройки. Только устройство пятикилометрового участка дороги от Вытегры до завода обошлось в две тысячи с лишним рублей. Уже при первой плавке получился чугун отличного качества. Доверенное лицо купца Кухнова и управляющий конторой Товарищества крестьянин Сермягин нашел в Вытегорском уезде четыре месторождения железной руды⁵⁵. Правда, качество железной руды, добываемой в уезде, оставляло желать лучшего, и «Товарищество вытегорских горных заводов» вскоре переключилось на заготовку леса, с качеством и количеством которого проблем не было. Раз уж зашла речь о лесе, скажем и о лесопильном заводе немецкой лесопромышленной компании Брандта, построенном в юбилейном году. На заводе установили две привезенных из Германии пилорамы. В масштабе уезда и даже губернии это было крупное предприятие – на нем работало семьдесят пять человек. К заводу компании Брандта прибавим лесопильный и, как тогда говорили, вододействующий завод торгового дома вытегорских купцов братьев Гладилиных, построенный на реке Ковже, в семидесяти двух верстах от Вытегры и еще один лесопильный, но паровой завод подпоручика Бенардаки.

От промышленности перейдем к обязательным постановлениям для жителей города Вытегры, составленным в юбилейном году Вытегорской городской думой. Касались эти постановления правил городской жизни. Конечно, требовать от обывателей сегодня, чтобы они обязались возле своих домов своих домов содержать «улицы в постоянной исправности и чистоте, осушая их и исправляя в них, великие повреждения» или чтобы каждый напротив своего дома устраивал тротуары, посыпая их песком во время гололедицы, не получится, но и сейчас лучше «не курить табаку в конюшнях, сеновалах, торговых лавках, складочных амбарах, чердаках, на пристани и вообще в тех местах, где сие запрещено». Табак не велено было курить и во время погрузки-выгрузки судов на пристани. Вытегорам запрещалось «для предосторожности от бедственных случаев, могущих произойти от пороха, изготовлять самим порох и делать фейерверки, а также стрелять из огнестрельного оружия во дворах, на улицах и площадях». Не забыли и о санитарных нормах. Домовладельцам вменялось в обязанность, «чтобы на улицах и на дворах не было ничего такого, чтобы могло заражать воздух». Вытегоров обязали: «Падший скот не оставлять на улицах, площадях, дворах, но вывозить на указанные управой места и в определенном месте зарывать не менее, как на двухаршинной глубине... Всем, занимающимся продажей съестных припасов, на рынках, ларях и лавках, следить за тем, чтобы все припасы были свежие, для здоровья не вредные; затем воспрещается продавать: дурной, худо испеченный хлеб, испорченные мясо и рыбу, масло, овощи и тому подобное. Запрещается продавать мясо скота палого и большого <...>». Что касается скотины здоровой, то ей запрещалось бродить по улицам города. «За неисполнением сего скот будет забираем на полицейский или пожарный двор, а хозяева подвергнутся взысканию». Не забыли даже указать, «чтобы квас не держался в бочонках, к коим приделаны медные краны». О посуде для приготовления пищи было сказано: «обращать внимание на состав, из коего делаются сосуды, употребляемые для варенья, приготовление пищи и питья, чтобы оные не сообщали им вредного свойства». Определен был порядок действий в случае возникновения эпидемии. Обращаться нужно было в первую очередь совсем не к врачам. «Хозяин дома, управляющий оным, смотрители казенных зданий, а также содержатели гостиниц, постоялых дворов и других заведений... узнав о появившейся в том доме или заведении горячек пятнами, или другой прилипчивой болезни, обязаны доносить о том немедленно полицейскому начальству и городской управе. Равным образом, во время повальной болезни, всякий обязан давать знать об оказавшемся в его жилище новом больном,

хозяину дома или городской полиции и управе». В довершение ко всему обывателям запрещалось засорять реки и ручьи.

После перечисления всех этих многочисленных обязанностей, запретов и приказов было сказано: «Вместе с сим городская дума надеется, что все жители города, проникнутые чувством долга, исполнят все требования закона и желанием общественного благосостояния, будут исполнять не только настоящие обязательные постановления городской думы, но и все то, хотя и не заключающееся в настоящих постановлениях, но что может клониться к общественному благоустройству, предохранению города от пожаров и от зарождения и развития в нем заразительных болезней». Чем-то все это неувлочно напоминает моральный кодекс строителей коммунизма. Видимо, в те времена городские думы еще могли надеяться, что все жители города, проникнутые чувством...

Чтобы картина вытегорской жизни в юбилейный год была полной, обратимся и к уголовной хронике. «Двадцать четвертого апреля, в г. Вытегре найдено в р. Вытегре близ пристани, между амбарами мертвое тело младенца мужского пола, положенного в воду, очевидно тотчас после рождения и пробывшее в ней довольно значительное уже время. В ночь на двадцать пятое апреля в г. Вытегре у купца Василья Матвеева похищено шесть пудов вяленой говядины. В краже сознался крестьянин Макачевской волости. Пятого мая в г. Вытегре исполняющий должность фельдфебеля уездной команды Александр Демин, в 10 ½ часов утра выйдя из казармы, застрелил себя из пистолета. Четвертого июня Вытегорского уезда в Патровской волости смотрителем Патровских хлебных магазинов крестьянином Андреем Патровым замечено в одном из магазинов похищение ржи, совершенное через вынутые бревна из стены магазина. Количество украденной ржи еще не определено. В краже подозреваются два крестьянина Патровской волости. В ночь на двенадцатое июня Вытегорского уезда, в Патровской волости у крестьянина Кирилловского уезда Петра Никонова, прибывшего туда на лодке для продажи муки, украдено из шкапулки, находившейся в лодке, посредством взлома замка, кредитными билетами пятьсот рублей. В краже подозреваются двое крестьян этой волости».

Юбилейный год закончился и снова началась обычная провинциальная жизнь. На Рождественской ярмарке, которая проходила в конце декабря 1874 года и в начале января 1875 годов, продали семьсот аршин холста, двести десять пудов рыбы, двадцать кушаков, восемьсот пудов сена, на двести рублей колониальных товаров, шестьсот сорок пудов мяса, шестьдесят мер овса, деревянную посуду, овощи, гвозди, меха, полсотни лошадей, бакалею, меха и прочего на общую сумму в десять тысяч с лишним рублей. Все как в прошлый, так и в будущий раз. Белинского и Гоголя мужик с вытегорского базара не понес. Блюхера с глупым милордом тоже. Впрочем, и Блюхера, и «Английского милорда» продавали только в поэме Некрасова, на ярмарке в селе Кузьминском, а не на ярмарке в Вытегре.

В журналах Вытегорской городской думы за декабрь 1874 года читаем, что купец Василий Матвеев избран членом попечительского совета Вытегорской женской прогимназии, что губернатор удовлетворил ходатайство купца Молявина «о предоставлении ему права на ношение мундира по должности члена попечительского совета Вытегорской женской прогимназии и при отставке», что по болезненному состоянию девицы Барабаншиковой поручить городской управе выдавать ей пожизненно пособие в сумме полтора рубля в месяц, крестьянину Лапину разрешено открытие в 1875 году ренского погреба «с распивочною и на вынос продажей», что городскому секретарю и служащим городской управы разрешено выдать в награду из остатков по смете 1874 г. пятьдесят рублей, что купцу Горину... вот купцу Горину в его просьбе отпустить три десятка бревен для постройки трешкоутов отказано. Разрешили ему купить сто штук кокор, то есть нижних, комлевых частей деревьев с корнями, по тридцать три копейки за каждую кокору. В январе 1875 года городская дума распорядилась выдать крестьянину Кузнецову из остатков по смете за прошлый год около сорока рублей для ремонта общественной скотобойни и назначить пособие из городских доходов в сто двадцать рублей певческому хору при Вытегорских церквях, а в мае дочери священника Елене Егоровой по старости и бедности назначили пожизненно пособие в один рубль ежемесячно, оставили без удовлетворения просьбу секретаря предыдущей городской думы Аврамова о выдаче ему заштатного содержания, в виду того, что Аврамов с преобразованием

прежней городской думы сразу же избран секретарем думы настоящего состава с значительной прибавкой содержания.

С одной стороны, представишь себе этого Авраамова, который, скрипя пером, обмакнутым в чернилницу с залетевшей туда мухой, записывает в журнал Вытегорской городской думы все эти бесконечные решения о выдаче пособий в рубль или полтора, о тридцати трех копейках за одну кокору, о ренковом погребе с продажей распивочно и на вынос, о сорока рублях для ремонта городской скотобойни – и такая тоска возьмет, что хоть садись немедленно на трешкоут и плыви по Вытегре и каналам в Петербург, а с другой... В мае от выловленной корюшки пахнет свежими огурцами на всю Вытегру. Она и сейчас в реке водится, и даже в черте города. Местные жители клянутся, что за одну ночь можно в начале мая, когда корюшка идет на нерест, наловить ее килограмм тридцать или даже сорок, а уж полтора века назад... Какой-нибудь Прохор-буфетчик в клубе или такой же Никифор в гостинице Сафронова нажарит вам целую сковороду этой корюшки, или, по вытегорскому рецепту, зальет ее молоком, прокипятит в нем минут пять – и готово, а к корюшке подаст запотевшего бутылку светлого «Баварского», которое только вчера привезли из северной столицы по каналам Марииинской водной системы, или графин беспохмельной Вытегорской горькой настойки, настоянной на полыни, корне калгана и черном перце, да к настойке принесут вам огромный рыбник с запеченным внутри целым лососем, который еще утром плавал в Онежском озере, да к рыбнику янтарной ухи из судака, окуня, ерша и сига... Потом можно и в преферанс по четверти копейки в вист, или в бильярд, или вздремнуть, прикрывшись Олонецкими губернскими ведомостями, а не то пойти прогуляться по набережной, послушать духовой оркестр, посмотреть как открывают и закрывают ворота шлюза при проходе барок, ун-жаков и трешкоутов, как причаливает к пристани пароход «Вытегра», купленный городом в 1878 году для того, чтобы ходить между Вознесенской пристанью и Вытегрой. Вечером можно пойти в городское собрание на водевиль «Дочь русского актера», который дает заезжая труппа провинциальных актеров. В антракте «пение артистами разных пьес и чтение сцен из народного быта». Те, кому не хочется идти в театр, могут пойти на охоту, на медведя или на волка. Их в окрестных лесах видимо-невидимо. В семьдесят восьмом году, как писали Олонецкие губернские ведомости, в девяти верстах от Вытегры медведь напал на крестьянку Прасковью Буланову из деревни Палозеро, когда она возвращалась из лесу с полной корзиной ягод. Прасковья не оплошала, затаила дыхание и притворилась мертвой. Зверь ее не тронул, но перед тем, как уйти в лес, ушиб ей ногу и разорвал одежду когтями. В каком, спрашивается, Петербурге или Вологде, или даже Москве вы найдете вместе и рыбник с целым лососем, и Вытегорскую горькую настойку, и уху со свежывловленным сигом, и медведя в шаговой доступности? Нечего и говорить о медведе. Поэтому на трешкоут не садимся, в столицу не плывем, а возвращаемся к журналам Вытегорской городской думы и мелочам вытегорской жизни.

Вот, к примеру, думское распоряжение от восьмого июля 1875 года о том, что «Сын умершего купца Обрядина Андрей и мещанский сын Александр Орлов избраны с согласия родителей стипендиатами при Череповецком техническом училище». Здесь все для нас удивительно – и то, что городская дума занимается избранием стипендиатов, и то, что с согласия родителей. Это еще не все удивительное. В журналах думы за тридцатое октября того же года записано: «Сопровождавшему стипендиатов в Александровское техническое училище в г. Череповце, служащему в управе Яковлеву выдаются в награду оставшиеся у него, из выданных на путевые расходы денег 8 руб. 98 коп.». Наверное, можно начать проводить параллели с сегодняшним днем вологодской Вытегры или костромского Галича, или вовсе подмосковного Зарайска, но мы не будем. Заходите – сами проведете⁵⁶. И последнее о мелочах из того же октябрьского журнала: «Вследствие ходатайства городской думы и последовавшего по оному разрешения г. министра внутренних дел, постановлено: поместить на приличном месте в зале присутствия городской думы портрет его превосходительства г. начальника губернии, почетного гражданина города Вытегры, тайного советника Григория Григорьевича Григорьева». Теперь, конечно, все проще – ни ходатайства, ни разрешения министра внутренних дел не нужно, да и приличного места... Впрочем, это уже параллели, а мы их решили не проводить.

Нужно сказать, что Вытегорская городская дума хотя и повесила на приличном месте портрет губернатора, но перечить губернским властям не боялась. К примеру, 15-го сентября 1877 года на предложение Олонецкого губернского правления «об определении в г. Вытегру второй повивальной бабки с содержанием от города» Вытегорская городская дума ответила решительным отказом.

Поговорим теперь о серьезных, в масштабе уездного города, событиях. В конце августа 1875 года в Вытегре открыли учительскую семинарию, в которой стали готовить учителей приходских и уездных училищ. Событие это было даже не уездного, а губернского масштаба, так как семинария была первой в Олонецкой губернии. Город для нее долго не выбирали – большинство высказалось за Вытегру, хотя и были голоса, поданные за Петрозаводск. На выбор повлияло удобное положение города, в который могли приезжать учиться и олончане, и жители северной части Новгородской губернии. Кроме того, вытегорское земство обязалось ежегодно давать на содержание пятьсот рублей, в то время как земства других уездных городов Олонецкой губернии готовы были выделить куда меньшие суммы. Кроме того, Вытегорское городское общество и Вытегорское земство приняли на себя значительную часть расходов по содержанию начального училища при семинарии, а земство в дополнение к этому согласилось выделить деньги на выплату двух стипендий. Губернские ведомости писали: «Семинария открыта именно в Вытегре, в городе, который имеет все задатки к тому, чтобы поддержать это новое благотворное для нашего края заведение, который вскормит будущих руководителей нашего народного образования». На праздник открытия семинарии, совпавший с днем императорского тезоименитства, из Петрозаводска приехал губернатор, вечером город был иллюминирован, на главной площади был устроен фейерверк. Новоиспеченные семинаристы, приглашенные на вечерний чай к директору семинарии, и любители пения «составили хор и весьма удачно пели “Слався, слався, наш Русский Царь”, “Боже, царя храни!” и некоторые из простонародных хоровых напевов». Все закончилось балом в общественном собрании, на котором присутствовал губернатор и все вытегорское общество. Ко всему сказанному о семинарии добавим только, что в 1889–1892 годах в ней преподавал в приготовительном классе все предметы не кто-нибудь, а будущий декадент и символист Федор Сологуб, тогда еще Федор Тетерников⁵⁷.

Раз уж зашла речь о праздниках, то расскажем и о праздновании в Вытегре в том же году победы русских войск под Плевной. Отслужили благодарственный молебен, палили из пушек, звонили в колокола, церковный староста собрал пятьдесят рублей в пользу Красного Креста, в здании городской управы накрыли столы для бедных мещан и угощали их водкой, уездный исправник предложил тост за здоровье императора, кричали «ура», певчие пели гимн и закончили день танцевальным вечером в клубе.

Вытегоры не только праздновали победу русского оружия в войне с турками, но и помогали армии чем могли – теплыми вещами для больных и раненых солдат, например. В уездном, конечно, масштабе. Городской голова предложил послать раненым вместе с другими пожертвованиями находящиеся в городской управе два тулупа, предназначенных для постовых, поскольку городу в них нет надобности. Вытегорский купец Василий Матвеев отдал в комиссию по приему лошадей собственного девятилетнего жеребца, а от полагающихся ему денег отказался, пожертвовав эти полторы сотни рублей на военные нужды. Город отдал в войска трех лошадей из числа общественных пожарных. Денег за них, по решению думских гласных, брать не стали. То есть сначала все же решили за одну деньги у казны все же взять, чтобы купить пожарным новую лошадь взамен отданной, но потом *уосвестились* подумали еще раз и от денег отказались. Тем более что одну из лошадей забраковали, другую определили в обоз, а третью оставили в запас на случай недобора, но впоследствии взяли служить в артиллерию. Помогали вытегоры и семьям тех, кто ушел на войну. В одном из журналов городской думы есть запись «о благодарности, изъявленной городскому обществу возвратившимся из службы ратником государственного ополчения мещанином Николаем Яковлевым за призрение его семейства во время службы».

От дел военных перейдем к уголовной хронике семьдесят пятого года. 26 октября 1875 года крестьянину Василию Мишину из деревни Мостовой Шильдской волости Вытегорского уезда при выходе из дома крестьянина Кузнецова «неизвестно кем нанесен в голову сильный удар камнем, отчего образовалась опасная рана. Подозрение заявлено на трех местных крестьян». В самой Вытегре седьмого ноября волостной старшина Овчинников, находясь в гостинице Сафронова, подал буфетчику за водку фальшивый двугривенный, который и был изъят.

В конце декабря 1876 года Вытегорская городская дума в очередной раз избрала единогласно своим городским головой купца второй гильдии Василия Ивановича Говорухина, находившегося в этой должности почти бессменно тридцать шесть лет. Перед открытием собрания городской мящанский староста Фокин поднес городскому голове адрес от лица мящанского общества. Из экономии места мы здесь не будем приводить все содержание приветственного адреса, но ограничимся небольшими из него выдержками.

«Ваше степенство, многоуважаемый наш городской голова Василий Иванович! Мы, нижеподписавшиеся мящане г. Вытегры, глубоко проникнутые чувством беспредельной признательности и благодарности вам, за понесенные вами труды в деле общественного управления, осмеливаемся по этому случаю сказать вам несколько слов... Вашему ходатайству об открытии в г. Вытегре... общественного банка, который со времени своего открытия в 1872 году, благодаря распорядительности вашей и других деятелей по его управлению, принес те плоды, о которых, при скудных капиталах города, общество не смело и думать. Кроме того, на пустопорожней и почти не приносящей никакого дохода земле города, выстроен на выгодных для общества условиях пародействующий лесопильный завод, от которого, кроме уже получаемой платы за землю, далеко превысившей желания, общество в будущем, чрез поступление завода в пользу города будет получать без сомнения еще большие выгоды... Наконец во внутреннем управлении города мы видели и видим вас неуспно трудящимся на пользу общественную; особенно обращает на себя внимание постепенное увеличение городских доходов и экономическое их расходование, из которых большая часть идет на благоустройство города и содержание учебных заведений, в которых наши дети наравне с детьми состоятельных родителей получают тоже образование; и затем в день столетнего юбилея города Вытегры <...> благодаря мысли вашей и других почетных граждан, учреждены две стипендии в Александровском техническом училище г. Череповца для беднейших детей из граждан города. Одна эта, истинно высокая цель, исторгает у нас слезы умиления <...>. Причем молим мы Всевышнего продлить старческую, но бодрую еще драгоценную жизнь вашу, для блага нашего родного города и для исполнения благих предначертаний Благоверного Государя нашего Императора Александра Николаевича, от которого вы уже за усердие Всемилоостивейше пожалованы золотою медалью».

Почти в каждом журнале Вытегорской городской думы можно встретить записи так или иначе касающиеся образования. Городская дума в ноябре 1877 года в ознаменование столетнего юбилея в бозе почившего Александра Первого постановила «поместить одного бедного мальчика из городского сословия для обучения в Вытегорскую учительскую семинарию с начала будущего учебного года, необходимую на этот предмет сумму взнести в дополнительную смету будущего 1878 года... Уступить безвозмездно Вытегорской учительской семинарии под постройку семинарского дома участок земли в размере трех десятин <...>. Отпускать из городских сумм на наем помещения для Вытегорского уездного училища на случай преобразования его в городское по 250 р. ежегодно... А как в уездном училище обучается большая часть мальчиков из крестьянского сословия, то просить Вытегорское земство об ассигновании на этот предмет той же суммы».

Теперь не о просвещении, а о делах религиозных. На том же заседании думы сделано поручение городской управе «пригласить в присутствие ея купца Дмитрия Горина и потребовать с него завещанные в пользу церкви родственницею его Вешняковой деньги, и если он, Горин, таковых не уплатит, то уполномочить городского секретаря Абрамова взыскать эти деньги судебным порядком». Нет, в том же году директор Вытегорского тюремного отделения уездный исправник Ханенев попросил у городских властей разрешения построить церковь при городской тюрьме, не

требуя на это ни пособия от государства, ни от городских властей, и помимо Ханенева на строительство церкви пожертвовали деньги и лес купцы Веретенников, Матвеева и Букин, но каков Горин... Через четыре месяца Вытегорская городская дума постановила «Уполномочить г. секретаря думы Абрамова получить исполнительный лист из съезда мировых судей Вытегорского округа и затем произвести по нем взыскания, установленным порядком, присужденных с г. Горина денег 381 р. 9 к. и судебных пошлин 4 р. 11 к.». То ли Горин не пришел в присутствие, как его просили, то ли пришел, но сказал, что деньги он вложил в дело и отдаст, как только сможет, то ли они были еще на прошлой неделе, но... сейчас их нет.

В феврале 1878 праздновали заключение мира с Турцией. В селе Тихманга Вытегорского уезда как получили с проходящей почтой телеграмму – так сразу начали ее переписывать, чтобы распространять, и праздновали по обычной схеме – сначала благодарственный молебен, потом провозглашение многолетия государю, царствующему дому, вечной памяти православному воинству и всем, кто за веру и отечество свои животы положил, потом дети из Тихмангского училища, встав лицом к портрету императора, пропели гимн и сатирические куплеты о победе над турками, потом ученикам выдали пряники и отправили домой, а всем присутствующим при молебне были предложены чай и водка. Первый тост был предложен за царя, а второй за Великих князей главнокомандующих. Интересно то, что почти также в Тихманге праздновали день, когда был получен царский манифест о начале войны с Турцией – и молебен отстояли, и троекратно «ура!» кричали, и гимн пели, и без водки, конечно, дело не обошлось.

В том же году, как писали губернские ведомости, 21 февраля двое крестьян Вытегорского уезда деревни Кузнецовской нанесли побои крестьянину деревни Федосьевской Василью Докучаеву и отняли у него пять рублей. В ночь на 28 февраля в Вытегорском уезде, при возвращении крестьянина деревни Сойдозеро Ивана Ульянова домой из деревни Замошье на него напали двое неизвестных людей и сняли овчинный тулуп, стоящий двадцать рублей. 22 июля в деревне Сагармино у крестьянина Тихона Степыгина, в отсутствие его дома, похищено со взломом денег шестьдесят рублей, в чем заявлено подозрение на одного крестьянина. В ночь на 10 октября шестеро крестьян Вытегорского уезда Чернослободской волости из деревни Корбозеро произвели буйство в доме крестьянина Воеводина и при этом разбили все стекла, а уже днем десятого крестьянин деревни Крюково Вытегорской волости, придя в питейное заведение крестьянина Потанина, потребовал водки и, когда ему отказали, схватил медный подсвечник ценою в полтинник и... скрылся.

В 1878 году Императорское общество содействия русскому торговому мореходству предложило начать сбор народных средств для покупки быстроходных судов, которые после вооружения могли бы в военное время использоваться как крейсера для борьбы с судоходством противника. Ждали войны с извечными недоброжелателями – англичанами, эскадра которых базировалась в Мраморном море и угрожала русскому Причерноморью. В марте учредили Главный комитет для организации Добровольного флота, и начался сбор денег. Вытегра и уезд в стороне от покупки судов для Добровольного флота не остались. Купец первой гильдии Матвеев дал пятьсот рублей, лесничий Стацевич двадцать пять, лесничий Гемельман пять рублей, чины Вытегорского полицейского управления пожертвовали пять рублей с копейками, пристав Вытегорского уезда Николаевский восемь рублей без гривенника, жительницы Вытегры Тришова, Иванова, Рябова, Елькина по двугривенному, Варшакова и Осейкова пятьдесят копеек, а священник Иоанн Лядинский собрал с разных лиц семнадцать рублей. В июне в городе заезжей труппой провинциальных актеров был дан спектакль в пользу крейсеров Добровольного флота. Вытегорам представили водевиль «Цирюльник из Рогожской и парикмахер с Кузнецкого моста», дивертисмент «Шестнадцатилетняя кокетка, или 1001 урок мужьям», «предшествуемый хорошо пропетым девичью Ярославцевой, молодой красивой блондинкой, романс “Стрелок»”. Собрали около восьмидесяти рублей.

Вытегоры и вообще были людьми отзывчивыми. Особенно когда это касалось образования и всего того, что с ним связано. К примеру, член попечительского совета Вытегорской женской

прогимназии потомственный почетный гражданин Иван Михайлович Манин пожертвовал на обувь бедным ученикам сорок пять рублей, купеческая жена Авдотья Ивановна Матвеева пожертвовала девочкам на платья сто сорок восемь аршин ситцу. Так и хочется сказать, что и сейчас есть бедные ученицы, и сейчас им нужна обувь и платья, вот только... Нет, раз уж мы решили не проводить параллели, то и не будем.

В сентябре 1879 года в Вытегре было открыто двухклассное городское училище, преобразованное из уездного. Позднее оно станет трехклассным. Тут бы нужно сказать еще о торговле, которая продолжала развиваться и рассказать о том, что на Рождественской ярмарке 1878 года было продано пятьсот пудов рыбы, а три года назад всего двести десять, холста тысячу двести аршин, а три года назад всего семьсот, мяса две с половиной тысячи... но не будем утомлять читателя этими скучными цифрами. Скажем только, что девятикратно возрос спрос на кушаки – их продали на Рождественской ярмарке сто восемьдесят против двадцати три года назад. Бог его знает почему.

Снова об образовании. В восьмидесятом году праздновали двадцатипятилетие царствования Александра Второго. Городская дума по такому случаю постановила: «<...> повергнуть к стопам Его Величества выражения верноподданнических чувств граждан Вытегры». Само собой, отслужили благодарственный молебен, поставили на площади угощение нижним чинам местной команды и бедным гражданам, воспитанникам учебных заведений раздали пряники, конфеты, а самым бедным были выданы от города денежные пособия. Гуляли три дня, дома разукрасили флагами и иллюминировали. Во многих домах в окнах зажгли свечи. Перед домом городской управы горели смоляные бочки. В обычном уездном городе этим, скорее всего, и закончилось бы, но не в Вытегре. Городская дума постановила «в ознаменование двадцатипятилетия царствования Государя Императора учредить одну вечную стипендию в Череповецком Александровском техническом училище, заменяя ее детьми преимущественно бедных граждан города Вытегры, и ходатайствовать о названии сей стипендии “Александровскою”». Об отношении вытегорцев к образованию говорит смета городских расходов и доходов за восемьдесят второй год. На «пособие учебным, благотворительным и общепольным учреждениям» тратилось 2183 рубля и 6 ½ копеек. Это вторая по величине статья в городском бюджете. Больше ее только статья расходов на содержание городского общественного управления – 3111 рублей и 90 копеек. Все остальные статьи расходов существенно меньше. Содержание полиции обошлось за год в девятьсот рублей, почти столько же истратили на содержание городских общественных зданий и имущества, на поддержание в порядке улиц, мостов, тротуаров и освещения истратили две сотни, на городские церкви – триста с небольшим. Наем трех трубочистов обошелся городу в пятьсот сорок рублей. Содержание пожарной команды и пожарного обоза – тысячу семьсот, а воинский постой и содержание тюрьмы... Не будем, однако, утомлять читателя скучными подробностями. Вернемся лучше в восьмидесятый год и посмотрим на некоторые, как нам кажется, менее скучные подробности жизни Вытегры.

В январе купеческая вдова Авдотья Ивановна Матвеева желая увековечить память своего супруга, пожертвовала городу свой дом под богадельню и обязалась при этом, «для образования неприкосновенного капитала богадельни, пожизненно и ежегодно вносить в городской банк сумму, сколько найдет возможным, для приращения процентов, но с тем, чтобы деньги эти были по жизни ее неприкосновенны в городском банке, и чтобы ей предоставлено было право пожизненно занимать одну кровать. По смерти же ее капитал, сколько его окажется, наименовать Матвеевским капиталом и проценты с оного обращать на содержание богадельни». В апреле по приглашению уездного исправника местные домовладельцы приобрели сорок фонарей для освещения города. Из этого количества двадцать восемь фонарей их хозяева подарили городу и передали, как сказали бы сейчас, на баланс городской управы. Всего же в Вытегре уличных фонарей в восьмидесятом году было шестьдесят шесть. В августе заложили часовню в четырех верстах от Вытегры, на Беседной горе, в память об императоре Петре Великом. В том же месяце в уезде на озимые посевы напал хлебный или мучной червь и начал их истреблять. Напал так неожиданно и вероломно, что напуганный уездный исправник в панике отбил телеграмму губернатору, а губернатор

предложил выслать для исследований по экземпляру... Воля ваша, но нашествие хлебных червей еще скучнее, чем статьи городского бюджета и количество фонарей на улицах города. С другой стороны, пусть черви, а не летучие польские гусары, или литва, или шведы, или закованные в латы тевтоны, или вовсе марсиане, как в Лондоне. Провинция... С червями воевать все проще, чем с марсианами. Власти распорядились на зараженные поля выпускать ночью баб и детишек с ведрами, в которых на дне налито немного воды, и в эти ведра собирать червей, выходящих ночью из земли. Бабам и детишкам велели выдавать фонари, чтобы было видно кого собирать.

Не будем отвлекаться от скучных подробностей. В ноябре приглашенный в собрание мещанского общества Вытегры купец Веретенников по просьбе общества согласился уступить ему полсотни кулей ржаной муки лучшего качества под обеспечение билетов Вытегорского общественного банка. Мещане города Вытегры из этой муки решили выпекать хлеб и продавать его бедным жителям города по цене три с половиной копейки за фунт, что на копейку меньше рыночной цены.

Неиссякаемым источником скучных и не очень подробностей о жизни Вытегры являются журналы городской думы, содержание которых регулярно публиковалось в Олонецких губернских ведомостях. Вот лишь некоторые записи из этих журналов, сделанные в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века. Не то чтобы они были удивительными, но...

27 марта 1881 года дума постановила: «Благодарить городского голову В.И. Говорухина и членов городской управы за их аккуратное и экономическое распоряжение городскими суммами и представленные отчеты о приходе и расходе городских сумм за 1880 год утвердить». 3 марта 1882 года: «Отчет городского общественного банка за 1881 год утвердить, выразив директору банка П. Киселеву и товарищам его Н. Шаркову и А. Москвину глубочайшую благодарность за их безвозмездную и полезную для общества деятельность». 2 июня 1882 года: «Благодарить городского голову В. И. Говорухина, а также председателя и членов сиротского суда за их сочувствие городским нуждам и желание продолжать безвозмездную службу по городским выборам». Прилагательное «безвозмездную» не то чтобы удивляет, но...

Василий Иванович Говорухин в тот год попросился в отставку по болезни. Городская дума сделала уходящему городскому голове, проработавшему в этой и других общественных должностях почти сорок лет, подарок – «Бывший огород воинской команды передать в пользование г. городскому голове В. И. Говорухину на 12 лет безвозмездно». Подарком этим он почти не успел воспользоваться – через год после отставки скончался. Благодарные вытегоры назвали его именем улицу в центральной части города. Теперь она называется улицей «25 лет Октября». В последнем как раз ничего удивительного, увы, нет.

Удивительное есть в постановлении городской думы от 30 июня 1883 года, которое лучше процитировать полностью: «По выслушании просьбы крестьянина Прядыльниково о разрешении открыть ему питейные заведения в гор. Вытегре во второй половине 1883 года, постановлено: при малочисленности жителей гор. Вытегры, существующих в настоящее время 23 различных заведений для раздробительной продажи крепких напитков чересчур много и потому невольно приходится задать вопрос: имеют ли виноторговцы возможность покрывать продажу водки свои обыкновенные расходы, как-то: на наем помещения, содержание сидельца, на патент, содержание самого содержателя с семейством, обстановку заведения и другие? Если же не имеют, то из каких источников покрывают все эти расходы и получают еще барыш. Главнейшее для народа зло от пьянства заключается не столько во вредном его влиянии на организм, сколько в тех материальных и нравственных последствиях, какие оно оставляет в народе. Таким образом, чем менее побуждений будут иметь виноторговцы прибегать к помощи недозволенных законом средств для успешного сбыта своего товара и извлечения возможно больших выгод, тем менее пагубные будут последствия пьянства в народе. На основании всех этих данных городская дума в заседании 31 мая, озабочиваясь о благосостоянии жителей города, постановила не разрешать более существующего количества заведений для раздробительной продажи питей. Но губернское по городским делам присутствие постановление это со всеми последствиями отменило, посему городская дума

полагает: поручить городской управе обжаловать настоящее решение губернского присутствия в Первом департаменте правительствующего сената, а Прядыльникову, согласно определения присутствия, разрешить открытие во второй половине сего года питейных заведений в гор. Вытегре». Воздержимся от того, чтобы проводить параллели, а только представим себе, как сегодня какая-нибудь мэрия, вовсе и не Вытегорская, на предложение открыть... еще и обжалует решение областного начальства на самом верху... Нет, даже и представлять не станем.

Большое место в работе городской думы занимало выделение различных пособий малоимущим горожанам. Вот только несколько записей за первые четыре года восьмидесятых: «Отпустить мещанской вдове Марии Горской из городских средств двадцать рублей на отправку сына ее Федора Горского в Череповецкое техническое училище для поступления в оное стипендиатом от города, с тем, чтобы она сына своего отправила не позже 8 августа. Городской управе поручить, в случае, если Горский будет принят в училище, взнести за него следующие за первое полугодие учебного года 90 р. и одновременно 20 р. Горский по окончании курса в училище должен принести своими знаниями пользу городу, на основании постановления думы 8 июля 1875 года. Назначить из городских средств мещанской девице Настасье Осиповой Япишиной, 76 лет, по бедности и болезненности ее, пособие по 2 р. в месяц. Назначить мещанской вдове Ряхиной по бедности ее пожизненное пособие от города в размере 27 рублей в год. Пособие унтер-офицеру Петру Юркевичу на воспитание двух сыновей производить по три рубля в месяц. Согласно ходатайства мещанского старосты об отпуске из прибылей общественного банка суммы на уплату за лечение бедных мещан г. Вытегры, городская дума постановила: при распределении прибылей общественного банка за настоящий 1883 год отчислить Вытегорскому мещанскому старосте, согласно его ходатайству, на уплату за лечение бедных мещан в больницах за 1882 и 1883 гг. 200 р., а затем на будущее время из того же источника и на тот же предмет отчислять ему по 100 р. ежегодно». Кто-то скажет, что два рубля в месяц не деньги, а насмешка, но, во-первых, те два рубля были не в пример нынешним двумстам и даже двум тысячам, во-вторых, бюджет уездного города Олонецкой губернии, которая вовсе не Московская, не Казанская, и тем более не Санкт-Петербургская, вовсе не бюджет Москвы, Казани и тем более Санкт-Петербурга, в-третьих, если отступить от правила и провести параллель...

Прежде чем от пособий горожанам перейти к здравоохранению и народному образованию в Вытегорском уезде, а без этих сведений наш рассказ не может считаться настоящим краеведческим, скажем, что в 1881 году в Вытегре появилась метеостанция, а первый, посвященный Вытегре, фотоальбом был издан в 1884 году. Назывался он «Виды города Вытегры и ея окрестностей». В нем были снимки обоих городских соборов – Воскресенского и Сретенского, Воскресенского проспекта, летнего Вытегорского общественного клуба, разводного моста через Вытегру, кладбищенской церкви, часовни в трех верстах от города в том самом месте, где отдыхал царь Петр по пути в Архангельск, шлюза Св. Натальи у деревни Марковой, берега Онежского озера у подножья горы Андома, сделанные фотографом Яковом Пекарским. Справедливости ради нужно сказать, что это не самые старые фотографии Вытегры и окрестностей – в 1865 году вышел альбом с видами Мариинской системы, в котором, конечно же, были и фотографии Вытегры.

И последнее о 1884 году в истории Вытегры и уезда. В тот год в селе Коштуги в семье урядника Алексея Клюева и сказительницы Прасковьи Клюевой родился будущий поэт Николай Клюев, и это было событие не уездного и не губернского, а всероссийского масштаба.

Ну, а теперь о здравоохранении и народном образовании в уезде и городе. О народном образовании долго распространяться не станем – и без того, рассказывая о Вытегре и уезде в девятнадцатом веке, так или иначе рассказываешь то о народных училищах, то о стипендиях малоимущим ученикам, то о пожертвованиях вытегорского купечества на обувь и одежду ученицам женской прогимназии. Скажем только, что к середине восьмидесятых годов девятнадцатого века в городе и уезде на сорок пять тысяч населения приходилось ни много ни мало, а тридцать пять школ, исключая учительскую семинарию.

Со здравоохранением все обстояло не так хорошо, как с образованием. На средства уездного земства содержались один врач, десять фельдшеров и пять повивальных бабок. Проживало в то время в уезде около сорока четырех тысяч жителей. В эпидемиях недостатка не было. Только за период с восьмидесятого по восемьдесят первый год натуральная оспа приходила восемь раз, возвратный тиф восемь раз, скарлатина три раза и один раз коклюш. Бичом уезда был сифилис, постоянным источником которого была Маринская водная система. Сифилисом болели даже дети. Наиболее распространенными среди крестьян болезнями кроме оспы, тифа, скарлатины и коклюша с сифилисом были золотуха, чес и чесотка, острое и хроническое воспаление грудных и брюшных органов, нарывы, вереда, то есть фурункулез, ногтеода, язвы, перемежающаяся лихорадка и ревматизм во всех его разновидностях. Нельзя сказать, чтобы с эпидемиями оспы не боролись. Оспу детям прививали изо всех сил, но, как писали губернские ведомости, «Успеху оспопрививания противодействуют многие родители, не давая прививать оспенную материю из чувства ложной жалости к своим детям при ощущении малютками боли от укола или надреза. Другие из родителей отказываются от прививки потому, что ожидают в свое семейство “Божью оспу”, как желанную и долгожданную гостью, надеясь чрез нее “избавиться от лишнего рта”, хотя и детского, убыль которого из многочисленного семейства имеет большое значение при настоящей дороговизне хлеба».

От здравоохранения перейдем к событиям театральной жизни Вытегры второй половины восьмидесятых годов. Можно перед театральной хроникой оживить повествование хроникой уголовной и различными происшествиями тех лет, но посудите сами – разве оживишь его тем, что в уезде, в деревне Аннинский погост Бадожской волости зарезался отставной фельдшер Голубев или в деревне Савиной Вытегорской волости по подозрению от поджога сгорел кожевничья завод крестьянина Ивана Иудина, в деревне Усадьбы Бадожской волости от неумеренного употребления водки скоропостижно умер крестьянин Захар Тимофеев, а в деревне Даниловской Вытегорской волости от того же самого скоропостижно умер крестьянин Иван Доронин, в деревне Прокшиной Чернслободской волости по подозрению от поджога сгорел оwin крестьянина Кононова, в Вытегре застрелился старший топограф, и у запасного фейерверкера Егора Ильина, жившего на квартире трубочиста Мартына Кыша, украли кошелек с шестью рублями... Нет, эти ми скучными подробностями⁵⁸ не оживишь, а потому мы перейдем к театральной хронике.

В январе восемьдесят седьмого года в город приехала театральная труппа из Петербурга, руководил которой Николай Иванович Соболевичков-Самарин. Мы бы, может, о приезде этой труппы и не вспоминали бы, кабы ее руководитель на старости лет, в конце пятидесятых годов не написал воспоминаний о времени, проведенном в Вытегре. Правду говоря, аттестовал он Вытегру не самым лучшим образом, но из песни слов не выкинешь, а потому мы все же приведем здесь касающийся Вытегры отрывок из его мемуаров.

«Дело было к вечеру. Город точно вымер. В темных, узеньких проулках, по которым мы проезжали – ни души. Нас встретил непрерывный злой собачий лай, раздававшийся из каждой подворотни. Все окна были закрыты ставнями. На улочках – ни одного фонаря. Ну, кажется заехали куда Макар телят не гонял <...>. Наутро наш администратор – он же первый комик А.В. Ильин помчался по делам, а весь наш коллектив направился осматривать город и его достопримечательности. Но никакого города не было. Не то забытый всеми на свете поселок, не то небольшое село. Два-три двухэтажных каменных здания выделялись на фоне незатейливых, некрашенных домов. Невзрачная церковь. Обледенелые дощатые мостки служили тротуаром. На улицах ухабы и горы снега, который очевидно, никогда не убирался. В центре была базарная площадь. От нее шло несколько проулков, за которыми невдалеке виднелись пустынные снежные пространства. Какие-то люди вяло бродили по базару. Редко и погребально ударял церковный колокол. Центр жизни Вытегры был тут, на базаре, а в смежных улочках и днем невидно было прохожих. Да и не удивительно – во всей Вытегре, оказалось, было всего две тысячи жителей <...>. Зашли в клуб, где нам предстояло показывать свое искусство. Он помещался тут же, на базаре, на втором этаже кирпичного нештукатуренного дома. Заглянули в зал и ахнули. Он мог вместить человек

сто, сто двадцать пять, не больше. Жалкая миниатюрная сцена состояла из временных скрипучих подмостков с чудовишно намалеванной лесной декорацией. За ней помещалась всего одна довольно большая, но сырая, со стенами, покрытыми плесенью, комнаты – артистическая уборная <...>. Опять пришлось побывать у исправника – он <...> был большим любителем театра <...>. Мало того, он был и драматургом – написал два водевиля, очень скучных, и мы должны были их играть. Злополучные актеры, побывавшие в Вытегре до нас, также не избежали этой участи. Публика знала их почти наизусть и до поднятия занавеса на водевиль дружно покидала зал. Любовь этого исправника к театру выражалась еще и в том, что они никому не позволял поднять и опустить занавес, а всегда проделывал это сам, собственноручно <...>. Типографии в Вытегре не было. Мы всем скопом садились за стол и писали афиши от руки <...>. Дела наши были плохи; мы задолжали за квартиру, побывали по этому поводу и у мирового судьи, а затем судебный пристав описал у нас все движимое имущество, включая и театральные гардероб <...>. В далекую глушь, в маленький захудалый городишко, к темным, невежественным, одичалым людям мы все-таки донесли еле мерцающий светоч культуры. И другим, заброшенным сюда неудачникам или загнанным произволом деспотической власти людям, задыхавшимся в этой трущобе, мы внесли струю чистого воздуха. С маленьких подмостков нашей сцены звучали страстные зажигательные речи Шиллера, жестоко, едкой сатирой, бил по самодержавному строю великий Гоголь, говорил о самодурах и угнетенных Островский и зло высмеивал человеческие пороки и слабости Мольер. Неужели мы не заронили и крупницы из прекраснейших мыслей этих великих писателей в мозг и сердца зрителей нашего маленького театра в Вытегре? Не может этого быть! А если так, значит мы делали нужное дело. Эти мысли помогли нам переносить лишения. И, действительно, очевидно, какой-то добрый след мы оставили в сердцах тех, кто смотрел наши спектакли и смотрел нашу работу. Какая-то группа “неизвестных” уплатила наш долг, и арест с имущества был снят».

Сделаем поправку на то, что гастроли в Вытегре не задались и закончились тем, что судебный пристав описал все имущество труппы. Еще одну и, быть может самую существенную, поправку сделаем на то, что писались воспоминания Соболяшкова-Самарина в те годы, когда было принято огульно ругать все то, что было до семнадцатого года. Уж и темные вытегоры, и невежественные, и одичалые, и неудачники, и задыхаются в трущобе. На их счастье приехала столичная труппа и давай ставить Шиллера, Гоголя, Мольера и едкой сатирой бить по самодержавному строю, но... оказалось, что в Олонецких губернских ведомостях публиковались все объявления о спектаклях, сыгранных труппой Соболяшкова-Самарина. Оказалось, что ни Шиллера, ни Гоголя, ни Мольера храбрый задним числом старик не ставил, а играла его труппа во множестве комедии, оперетты, фарсы, водевили с переодеваниями и без, водевили с пением, душещипательные драмы, комические квартеты и разнохарактерные дивертисменты. Неувязка получилась с еле мерцающим светочем культуры⁵⁹. Фонари, как мы уже раньше писали, в городе имелись, и не один, а около семи десятков. Каменных домов было куда больше, чем... Нет, оправдываться в мелочах не станем. Скажем только, что в одном Соболяшкова-Самарина память не подвела – уездный исправник Николай Андреевич Ханенев был большой любитель театра и писал пьесы под псевдонимом Горемыкин. Написал они их не две, а куда больше. Через два года после неудачных гастролей труппы Соболяшкова-Самарина в Вытегре, в Нижнем Новгороде вышел из печати первый том собрания пьес Ханенева, среди которых была фарс-комедия в двух действиях «Расчет, или Перелетные пташки», действительно сыгранная, как следует из заметки в Олонецких губернских ведомостях, на сцене Вытегорского соединенного собрания. Кто знает, может быть и не один раз. В конце концов, никому не запрещено писать комедии, хотя бы и уездному исправнику. Между прочим, Николай Андреевич был еще и старшим директором Вытегорского тюремного отделения, и старостой теремной церкви, которая была построена лишь потому, что он смог, не требуя от города и казны ни копейки, собрать деньги на ее постройку. Согласитесь, что любой другой старший директор городского тюремного отделения и уездный исправник в истории города могли бы оставить после себя одно, в лучшем случае, два пустых места, а не комедии.

Отложим в сторону увеличительное стекло и от личности уездного драматурга и исправника перейдем к событиям городского масштаба. В ноябре 1887 года исполнилось сто лет со дня основания Вытегорского народного училища. В Вытегре такое событие незамеченным пойти не могло. Празднование перенесли на начало следующего года. Утром третьего января ученики и преподаватели отправились в городской собор к литургии. Туда же пришли все городские власти – городской голова, председатель земской управы, мещанский староста, исправник, учебный персонал Вытегорских учебных заведений, городское духовенство и другие приглашенные горожане. Из Петрозаводска приехал директор народных училищ, в свое время и сам служивший в Вытегорском училище. Литургию пел певческий хор городского училища, состоящий из учеников и любителей. За литургией духовенство отслужило панихиду по основательнице училища – Екатерине Великой. Потом все проследовали в училище. Там снова отслужили благодарственный молебен, директор училища прочел историческую записку о состоянии и преобразованиях училища за минувшее столетие, читали приветственные телеграммы, училищный хор исполнил гимн, пили шампанское за здоровье царя, взрослых пригласили к завтраку, а детям раздали десерт. Во время завтрака пили за здоровье министра народного просвещения. На этом... ничего не закончилось. Директор училища дал обед у себя в квартире, на котором присутствовал он сам с супругой, инспектор училищ, городской голова, председатель земской управы, служившие в училище из живущих в Вытегре, настоятель градского собора и весь учебный персонал Вытегорских учебных заведений. Пили за здоровье преосвященного епископа Павла, приславшего приветственную телеграмму училищу, губернатора и всех приславших поздравления училищу с днем юбилея.

Вечером для учащихся устроили елку на деньги, собранные горожанами. Детей угощали чаем с пирогами, булками, десертом и раздавали бонбоньерки с конфетами. Сожгли десять комнатных фейерверков и бенгальские огни. Почетный смотритель училища купец Веретенников раздал нуждающимся ученикам пальто, верхние рубашки, сапоги и материю для пошива одежды, пожертвованную некоторыми горожанами. Вытегорская городская дума в стороне не осталась и постановила для увековечивания юбилейного дня ежегодно вносить в пользу бедных учеников, в распоряжение педсовета училища, по пятьдесят рублей. Воля ваша, а Соболичкова-Самарина за его «маленький захудалый городишко» и «темных, невежественных и одичалых людей» хочется просто...

К тому времени, как Вытегорскому народному училищу исполнилось сто лет, в городе уже существовало Общество вспомоществования бедным ученикам Вытегорского уезда, открытое за год до юбилея. Кому-то из бедных учеников выдавались ежемесячные пособия, кому-то сшили сапоги, а кому-то дали три рубля на пальто. Сельским школам просто давали деньги по заявкам. Подробные отчеты о деятельности общества печатались в Олонецких губернских ведомостях, и там с точностью до копейки можно было узнать обо всех тратах общества. На пальто было выдано ровно три рубля и ни копейкой меньше.

Снова о благотворительности. В 1890 году основано Вытегорское благотворительное общество, находившееся, как это тогда было заведено, в ведении Министерства внутренних дел. В уставе общества было записано, что оно «имеет целью доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных г. Вытегры». У общества имелась столовая, выдававшая обеды взрослым, детям и тем, кто предъявлял специальные билеты. Об этих билетах написано в отчете благотворительного общества за 1893 год следующее: «Доброхотные деятели из местного населения отозвались на приглашение общества и стали подавать просящим вместо милостыни вышеназванные билеты, стоимость которых (по одной копейке за билет) не могла обременить милостивцев, получавших в то же время уверенность, что поданная ими лепта пойдет на действительную нужду просителю, которому за восемь предъявленных билетов предоставится даровой обед в столовой общества». Такие билеты можно было только проесть, но не пропить. Обеды в благотворительной столовой состояли из «порции мясных шей, ухи, или гороху; порции пшённой каши с маслом коровьим или постным и из порции хлеба (взрослым по 2 фунта, а

малолетним по 1 ½ фунта)». Часто в столовой раздавались частные приношения от граждан Вытегры в виде пирогов, булок, кренделей, молока, сахара и чая. На содержание столовой собирали деньги по подписке от горожан, от служащих грязечерпательной машины, со сборов от благотворительных спектаклей и даже штрафы от мирового судьи, присужденные им при разборе одного дела по желанию сторон в пользу столовой. Обедов в разное время выдавали около полусотни в день. Приходили за ними не только горожане, но и жители уезда. Занималось общество не только обедами. В отчете за 1891 год читаем: «В 1891 году по ходатайству членов совета, один из призреваемых, отставной рядовой П., помещен на призрение в Петрозаводскую богадельню; четыре мальчика из шатающихся по городу нищих детей: В. К. Л. и П. помещены в начальную школу при Вытегорской учительской семинарии и им – с 1 октября 1891 г. производится выдача даровых обедов при бесплатной столовой благотворительного общества; вместе с тем они снабжены необходимой носимою одеждою – частью купленной на счет общества, частью из пожертвованных вещей. При богадельне Евдокии Ивановны Матвеевой помещены на постоянное жительство на счет благотворительного общества два мужчины и две женщины, Вытегорские мещане И. Д. О. и К., пользующиеся даровыми обедами и ужинами из бесплатной столовой общества; предварительно помещения означенных четырех лиц на постоянное жительство в доме богадельни на счет общества, приобретены железные кровати, суконные одеяла, постельники, наволочки для подушек, простыни и необходимые для обстановки столы и табуреты... На минувший праздник Рождества Христова шестидесяти лицам, получающими ежедневно даровые обеды в столовой, были розданы в виде подарков готовые, сшитые для женщин, ситцевые платья, для – мужчин рубашки и кальсоны, для детей – костюмы, материал на каковые был куплен на счет сумм общества и частью пожертвован разными лицами».

В 1890 году, в январе, Вольное пожарное общество праздновало образование вольной пожарной команды, а в мае оно же праздновало годовщину собственного существования. Рассказывать о праздниках вольных пожарных обществ в уездных городах тех лет довольно скучное занятие. Обычно все начиналось с молебна, потом окропляли святой водой все пожарные насосы, трубы, бочки и топоры с баграми, потом ходили, сверкая начищенными до блеска касками, по главной улице с оркестром, кричали ура, потом пожарный обоз на рысях проходил по тем же улицам, потом пили за царское здоровье и снова кричали ура так, что заглушали оркестр, который играл «Боже, царя храни». В Вытегре все обстояло так или почти так.

Куда интереснее в том же году, в феврале, проходил в городе первый в истории Вытегры детский бал. О его начале в половине шестого вечера извещил пушечный выстрел на главной площади города. В зале соединенного городского собрания специально по этому случаю соорудили арки из зелени, украшенные флагами. Встречали мальчиков и девочек, пришедших и приехавших вместе с родителями и родственниками, фейерверком. Всего приехало почти сто двадцать детей, которым сразу же по приезде выдали хлопушки, а вынутые из них головные уборы были надеты им на головы. Встречал гостей транспарант с надписью: «Веселитесь». Не обошлось и без оркестра Вольного пожарного общества, который открыл бал непременно «Боже, царя храни», а хор любителей гимн пропел. Потом начались танцы, показ живых и туманных картин с помощью волшебного фонаря. В антрактах между отделениями играла музыка, а детям раздавали фрукты и десерт. Устроен был и карнавал «состоявший из десяти мальчиков... один из них (вожак) был одет во фраке, на голове парик, на носу – бумажный нос, через плечо барабан, в который он отбивал такт идущим за ним попарно остальным, изображавшим чернильницу, перо, циркуль, круг, два треугольника с прямоугольником и линейку с масштабом; шествие это замыкал мальчик, одетый в костюм старинного учителя, с большим пучком розог под мышкой...». В третьем и последнем отделении, когда сил танцевать уже не было, пели русские и украинские народные песни.

Все это время, пока пожарные и городские народные училища отмечали свои юбилеи, возникали благотворительные общества, приезжали и уезжали театральные труппы, собирали деньги на создание Добровольного флота, каждый год шли ярмарки. Набор товаров на протяжении последней четверти девятнадцатого века менялся мало – бакалея, галантерея, колониальные това-

ры, иконы, семга свежая, треска соленая, сухая мелкая рыба, мясо, капуста, овощи, меха, готовое платье, посуда, сапоги, валенки, лошади и лошадиная упряжь. Точно такими же товарами или почти точно такими же торговали на ярмарках и в других уездных городах Олонецкой губернии, но был один товар на вытегорских ярмарках, которого в других уездах не было, и он в отчетах указывался первым – домашние пряники. Теперь, в двадцать первом веке, вытегорские пряники пекут в Потребительском обществе «Онего-Хлеб», но к тем пряникам они не имеют никакого отношения. Они, как говорится, даже не однофамильцы. В местном краеведческом музее о тех, старых пряниках, ничего не знают⁶¹.

Был в городе и рыбный рынок, располагавшийся в центре города, на Воскресенском проспекте, напротив пристани. На рынке стоял трактир, в котором всегда можно было купить рыбные пироги и кислые щи в бутылках – такие же как те, которые спросил Павел Иванович Чичиков в гостинице города NN. Пристань и сейчас есть, но ни рыбного рынка, ни трактира, ни пирогов нет, не говоря о кислых щах в бутылках.

Оставим пряники и вернемся к журналам городской думы. В 1893 году, через сто с лишним лет после основания Вытегры, дума постановила: «На углах улиц в городе прибить на зданиях или на заборах доски с наименованием улиц. Необходимый на этот предмет расход до двадцати рублей употребить из сумм ассигнованных на исправление улиц в городе». В том же году по постановлению олонецкого губернатора объявили благодарность «купеческой вдове Евдокии Ивановне Матвеевой, за устройство в г. Вытегре богадельни, и за ее постоянное попечение о ней, а также г. инженеру путей сообщения Евгению Оскаровичу Шульцу, за заведывание Вытегорским пожарным обществом и за его заботы к достижению целей общества». Дом, в котором Евдокия Ивановна Матвеева устроила богадельню и в котором в конце девятнадцатого века проживало восемь слепых женщин, сохранился. В советское время в нем открыли детский сад. Теперь и детского сада там нет. Пусто в доме. Он, понятное дело, обветшал, но, если его привести в порядок и покрасить... Наверное, когда-нибудь это сделают, если не опоздают, а пока дом из последних сил украшает собой Вытегру. Между прочим, стоит детский сад не на улице имени Евдокии Ивановны Матвеевой, которая столько сделала для города, а на улице имени Цюрупы, который жил в Олонецкой губернии в Вытегорском уезде и в Вытегре около года под надзором местных властей в ссылке и осчастливил город организацией марксистского кружка.

Кстати, о Евгении Оскаровиче Шульце. В 1894 году вытегорское вольное пожарное общество праздновало четвертую годовщину формирования вольной пожарной команды. Само собой, по этому случаю был и молебен, и парад, и завтрак с шампанским. Губернские ведомости в заметке, опубликованной по этому поводу: «Во внимание плодотворной деятельности начальника команды Е.О. Шульца, поставившего пожарную команду и вообще пожарную часть в Вытегре в образцовое состояние, благодарное Вытегорское общество, чтобы почтить заслуги г. Шульца и выразить фактически свою признательность... предположило поднести ему на память серебряную каску, присвоенную уставом начальнику команды. По сделанному заказу в Петербурге, каска была своевременно доставлена сюда и вот, 16 января состоялось самое поднесение».

Снова заглянем в журналы Вытегорской городской думы. В декабре того же девяносто третьего года дума на своем заседании избрала городским головой купца Александра Федоровича Лопарева и назначила ему содержание – пятьсот рублей в год. На этом же заседании городской голова от своего жалованья отказался, за что дума выразила ему благодарность. Купец первой гильдии Лопарев был миллионером и самым богатым человеком в Вытегре и уезде. Ему принадлежали и кирпичный завод в Вытегре, и красочный завод в уезде, где на краски перерабатывалась местная охра и цветные глины, и картонажная фабрика, и лесопильный завод, на котором работало полторы сотни человек, и мукомольная мельница, производившая ржаной и гороховой муки на шестьдесят пять тысяч рублей в год, и буксирное пароходство, и не один и не два дома в уезде. В 1890 году Лопарев взял подряд на переустройство Мариинской водной системы от деревни Ковжа до города Вытегры на сумму в пять с половиной миллионов рублей.

Александр Федоровичу можно было сказать спасибо не только за отказ от годового содержания. Благодаря его заботам в 1898 году в Вытегре была открыта двухклассная церковно-приходская школа для девочек. Первое время Лопарев оплачивал содержание учительницы и ее помощницы. По его инициативе были открыты четыре начальных школы в уезде, причем одна из них полностью содержалась на его средства, а вторая на средства его жены, Анны Петровны. На собственные средства Лопарев открыл в Вытегорском погосте одноклассную церковно-приходскую школу и содержал ее семь лет. На средства Лопарева эта школа была преобразована в уездную второклассную школу, причем для нее Александр Федорович построил в деревне Шестово, рядом со своим домом⁶², прекрасное двухэтажное здание со всеми необходимыми хозяйственными постройками. Рядом со школой возвели двухэтажный дом, в котором жили учителя, и еще один – для женской школы с лазаретом. При второклассной школе была столярная мастерская, в которой с учениками работал мастер, которого Лопарев взял на полное содержание. На полном содержании постоянно находились от пяти до восьми детей, живших в школьном общежитии, а все нуждающиеся ученики бесплатно обеспечивались одеждой и обувью.

Прежде чем попрощаться с девятнадцатым веком в истории Вытегры, обратимся к собственному городу и посмотрим, что он из себя представлял на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Девятнадцать улиц, один проспект, три тракта – Архангельский, Петербургский и Пудожский, две набережные и один бульвар – вот что такое Вытегра в конце позапрошлого века. Названия улиц давали исходя из самых утилитарных соображений – или по положению на местности, или по находившимся на ней учреждениям. Потому и назывались они Подгорной, Болотной, Церковной, Казначейской, Семинарской, Полицейской и Гостинодворской. Незатейливо, но понятно и удобно. Исключения составляли Говорухинская улица и Сиверсов мост через Вытегру. Мостовых не было. Вместо них на проезжие части укладывали связки хвороста и присыпали землей. Ям и колдобин на таких улицах было куда больше, чем ровных участков.

Проживало в городе к началу двадцатого века без малого пять тысяч человек. За вторую половину девятнадцатого века население выросло вдвое за счет приехавших в город в поисках работы окрестных крестьян. Большая часть населения была православной, но семь процентов или триста тридцать человек – иноверцы, в основном лютеране и иудеи. В Вытегре имелись и лютеранская кирха, и еврейская молельня. Образованных людей в городе было много – инженеры, обслуживавшие Мариинскую водную систему, учителя различных учебных заведений, врачи, работники почты и телеграфа, вытегорское купечество, представителей которого к началу двадцатого века проживало в Вытегре сто пятнадцать человек. Город был, если так можно сказать, разночинным. Дворян в нем проживало менее шести процентов от общего числа жителей. Город был по преимуществу деревянным – на семнадцать каменных домов приходилось около пятисот деревянных.

О промышленности города и уезда. К концу девятнадцатого века в городе закрылись и судовой, и полотняные заводы, и свечные. Зато стали работать пивоваренный и винокуренный. Винокуренный, находившийся в четырех верстах от Вытегры, принадлежал купцу второй гильдии Манину и был самым крупным по количеству производимого спирта в Олонецкой губернии. В девяносто пятом году Лопарев, которому уже принадлежал завод по производству красок в уезде, открыл такой же завод и в городе. Краски из местного сырья, например, такие как «Парижская охра золотистая», производились прекрасного качества и поставлялись в Петербург, Москву, Нижний, а кроме того, шли на экспорт. К этим крупным даже в масштабе губернии предприятиям прибавим малые и совсем незаметные невооруженным глазом мастерские – колбасную, вязальную-трикотажную, пошивочную, пекарню, где пекли ситный хлеб и заварные крендели, еще одну пекарню, где выпекали черный хлеб, жестянщиков, медников, кузнецов, огородников, выращивавших для горожан огурцы, капусту, свеклу, морковь и лук.

О жизни культурной и общественной. В 1894 году шведский подданный Карл Иогансон открыл первую в городе фотографию. Через три года белозерским мещанином Самойловым была открыта типография, печатавшая на заказ самые различные бумаги, журналы Вытегорского земского собрания и газету «Известия» Второго Вытегорского округа путей сообщения. Открытие

ломбарда в 1897 году к культурной жизни не отнесешь, но к общественной можно, а вот уездный комитет попечительства о народной трезвости, который в конце девятнадцатого века квартировал в Вытегре, можно отнести к любой жизни, кроме той, что была на самом деле. Перечислять все учебные заведения, которые работали в конце девятнадцатого века в городе, не будем. Скажем только, что по результатам Всероссийской переписи 1897 года население Вытегры было признано самым грамотным из жителей провинциальных уездных городов России. Да и как ему не быть самым грамотным, если вытегоры, особенно вытегорское купечество, десятилетиями вкладывали деньги в народное образование, содержали за свой счет целые школы, бедных учеников, учителей и жертвовали деньги на строительство новых школьных зданий. Почетными блюстителями учебных заведений были купцы Лопарев, Веретенников, Максимихин, Медведев, Оленев, Тетерин, Тюрин, Садков, Тыранов, Матвеева. Из Вытегорской мужской учительской семинарии за годы ее работы вышли сотни учителей для земских народных школ. В школы города принимали детей из семи уездов Олонецкой губернии. Оно и понятно, потому как Вытегра по количеству начальных и средних учебных заведений была первой в губернии. Она была первой и по количеству грамотного населения, опередив даже Петрозаводск. В Вытегре процент грамотных составлял 61,5, а в Петрозаводске всего 52,2.

К культурной жизни отнесем и городскую больницу на пятьдесят пять мест. В ней работало три врача, четыре фельдшера и три повивальных бабки, которых уже нужно называть акушерками. Был и главный врач – доктор медицины, надворный советник. К началу двадцатого века больница была в образцовом порядке – в ней имелись и родильное отделение, и перевязочная, и операционная, и комнаты приемного покоя, и даже электрический звонок у каждой кровати. Расходы по больнице учитывали каждую мелочь, включая выписку медицинских журналов и крепости новорожденных.

Учреждение в 1894 году Вытегорского коммерческого собрания отнесем и к культурной, и к общественной жизни города. В его уставе было записано, что «Собрание имеет целью доставить членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой. С этой целью собрание устраивает для своих членов и их гостей обеды, ужины, завтраки, балы, маскарады, танцевальные, музыкальные, литературные вечера и драматические представления, выписывает книги, газеты и другие периодические собрания. Кроме того, собрание устраивает два какие-либо увеселения ежегодно, денежный сбор с коих предназначается один в пользу инвалидов, а другой с какою-либо местною благотворительную целью». В примечаниях к уставу читаем, что «Маскарады и драматические представления допускаются в собрании не иначе как с разрешения местного полицейского начальства, причем на сцене дозволяется только постановка пьес, разрешенных драматической цензурой при главном управлении по делам печати и без всяких отступлений от дозволенных цензурою оригиналов <...>. Для представителя полиции назначается соответствующее кресло в собрании на каждый спектакль или представление <...>. Собрание обязано уведомить местное полицейское начальство о всех устраиваемых собраниях <...>. Пребывание в собрании в обыкновенные дни дозволяется до часа пополудни. Оставшиеся после сего времени посетители платят при выходе штраф в пользу собрания <...>. Определение срока пребывания в собрании в дни, предназначенные для общего собрания членов, для танцевальных вечеров, балов и маскарадов, предоставляется усмотрению совета старшин, но во всяком случае собрание закрывается обязательно в три с половиной часа пополудни... Членами собрания не могут быть лица женского пола, воспитанники учебных заведений, нижние воинские чины и юнкера, хотя бы они и достигли совершеннолетия, подвергшиеся ограничению прав по суду и состоящие под надзором полиции». Такая вот культурная и общественная жизнь с обязательным креслом для полицейского чина на каждом спектакле и невозможностью лицам женского пола быть членами собрания.

Теперь, кажется, можно и переходить к двадцатому веку, но... нельзя, если не сказать хотя бы несколько слов о состоянии Марининской водной системы в конце девятнадцатого века, частью

которой являлась Вытегра и от которой ее жизнь полностью или почти полностью зависела. К началу последней четверти века стало понятно, что для увеличения пропускной способности Мариинской системы требуется существенная ее перестройка. Строго говоря, система перестраивалась в течение второй половины девятнадцатого века постоянно, но все это напоминало ямочный ремонт, который теперь так любят делать на наших дорогах. Шлюзы строили таким образом, чтобы через них проходили суда длиной в дюжину сажени, потом удлинени их на две сажени, потом еще на четыре, потом еще на четыре... и все равно не поспевали за увеличением грузоподъемности судов, идущих из Рыбинска в Петербург. Считалось, что тем судовладельцам, которые за одну навигацию успевали провести свои суда до Петербурга и вернуть их в Волгу, крупно повезло. Оно и понятно – бечевник в некоторых местах был так плох, что в его трясине тонули лошади, тянувшие суда. Вытегра, на которой было устроено множество шлюзов, обслуживалась исключительно бурлаками. Пробки возле шлюзов образовывались постоянно.

По проекту переустройства Мариинской водной системы, который подготовил инженер Звягинцев, предполагалось, что все суда будут успевать проходить путь от Рыбинска до северной столицы и обратно за одну навигацию. При этом пропускная способность системы увеличится до двух миллионов тонн за навигацию. Фактически это означало, что сорок пять суток, которые требовались для того, чтобы судно прошло от Рыбинска до Петербурга, уменьшатся до тридцати. Нужно было спрямлять некоторые участки системы, рыть перекопы, срезать мели, строить плотины, новые шлюзы и заменять старые. Проект Звягинцева был настолько грандиозен, что его возили представлять на международную выставку в Париже. Работы начались в 1890 году и велись на протяжении почти семисот километров. Все осложнялось тем, что работу системы остановить было нельзя, и потому большую часть работ пришлось проводить зимой, при том, что морозы в тех местах бывают нештучные. Летом же на реконструкции Мариинской водной системы работало около шестнадцати тысяч рабочих. Экскаваторов и бульдозеров тогда взять было неоткуда, и потому основными инструментами были лопаты и кирки, которыми вынули семь с лишним миллионов кубометров грунта и прокопали сорок два перекопа. Топорами и пилами построено тридцать четыре деревянных шлюза. Добавим к ним четыре каменных, восемь плотин, три моста и двести километров вновь устроенного бечевника на всем протяжении Мариинской системы, не затопляемого в половодье. Переустройство Мариинской водной системы заняло шесть лет и обошлось казне в четырнадцать миллионов рублей.

Одним из сложнейших, если не самым сложным участком работ был перекоп длиной девятьсот метров, прорытый в Вытегорском уезде неподалеку от села Девятины. Он был необходим для того, чтобы спрямить очень крутой поворот реки Вытегры. На самом деле перекоп не столько прокапывали, сколько прорубали в известняках в течение пяти с половиной лет, время от времени используя взрывчатку⁶³.

В июне 1896 года состоялось торжественное открытие обновленной системы. 15 июня в десять часов утра пароход министерства путей сообщения «Озерный» вошел в шлюз имени императора Николая Второго при деревне Черная гряда, что на реке Шексне, с таким расчетом, чтобы трехцветная шелковая лента, протянутая поперек шлюза, пришлась akurat посредине пароходной палубы. Пароход остановился, великий князь Владимир Александрович сошел на пристань под радостные крики многотысячной толпы. На берегу был сооружен павильон, в котором архимандрит Белозерского монастыря с иереями городов Череповца и Кириллова отслужили молебен. После молебна великий князь снова поднялся на пароход и перерезал ленту, открыв путь ожидавшему каравану из восьми украшенных флагами пароходов и пяти барж с хлебом. Заиграл оркестр, народ, примолкнувший на время молебна, снова закричал от радости, и пароходы с баржами поплыли по Мариинской водной системе к Петербургу.

Правда, потом, уже после того как началась эксплуатация переустроенной системы, поползли слухи о том, что некоторые подрядчики и инженеры незаконно нажились на работах, потом оказалось, что время, необходимое для прохождения системы, все равно превышает сорок дней вместо обещанных тридцати, потом понаехали комиссии, включая особую комиссию Государ-

ственного Совета, которую создали для определения объема доделок... но все это было потом, а 15 июня 1896 года во всеуслышание была зачитана телеграмма царя: «Прошу передать всем местным людям мою благодарность за их добрые чувства, а также и мое удовольствие по поводу окончания многолетних работ по возрождению Мариинской системы. Николай», а председатель рыбинского биржевого комитета поднес великому князю от имени рыбинского биржевого общества хлеб-соль и, как писал присутствовавший при этом поэт и чиновник министерства внутренних дел Константин Случевский, «с чувством прочитал прекрасно составленный адрес, полный глубокой правды и верноподданнической признательности <...>. В адресе было также выражено пожелание, чтобы Великий Князь соблаговолил повергнуть выраженные верноподданнические чувства на благовоззрение Государя Императора». Не успели присутствующие утереть слезы, непроизвольно выступившие от проявления верноподданнических чувств, как на еще одном серебряном блюде поднесли хлеб-соль представители Шекснинского цепного пароходства, а вместе с блюдом большую, украшенную русскими серебряными монетами прежних царствований, чару и посмотрели на рыбинских хлебных маклеров вместе с их приветственным адресом сверху вниз.

На этом с девятнадцатым веком в истории Вытегры прощаемся и переходим к двадцатому. Признаться, мы забыли рассказать о посещениях Вытегры и уезда царских особ, великих князей, их жен и детей во второй половине позапрошлого века, но все они проходили почти одинаково – перед приездом покраска фасадов и заборов, уборка мусора, посыпание песком всего того, что обычно им должно посыпаться, но не посыпается, приезд высоких гостей на пароходе, хлеб-соль на серебряном или даже позолоченном блюде, толпы народа, крики «ура!», дети, бросающие цветы под ноги высоким гостям, колокольный звон, торжественные молебны, крики «ура!», завтрак или обед в доме городского головы или начальника второго Вытегорского округа путей сообщения, тосты за здоровье государя, крики «ура!» стоящего под окнами народа, вечерняя иллюминация, бочки с горящей смолой возле присутственных мест, цветные фонарики, фейерверки, танцы в городском собрании, проводы на следующее утро, и народ, бегущий за экипажами великих князей версту или две с криками «ура!»⁶⁴. Чего в этом списке нет – так это ремонта дорог, который всегда у нас предшествует приезду высокого начальства. Вытегре повезло – в нее можно приплыть по воде.

Примечания

¹Обычному читателю вряд ли будет интересно, но буквоедам сообщим, что всего янтарных украшений было найдено триста семьдесят три, из которых сто шесть пуговиц, сто семьдесят три бусины, семьдесят девять подвесок и полтора десятка колец. Часть из этих сокровищ представлена в экспозиции Вытегорского краеведческого музея.

²Некоторые историки относят первое упоминание о том, что вытегорский край вошел в состав новгородских земель к двенадцатому веку, на том основании, что в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, датированной 1137 годом, упомянут Тудоров погост, который они соотносят с Тудозерским погостом, а уж он-то точно находится на территории нынешнего Вытегорского района неподалеку от уже известного нам Тудозера. Эти некоторые историки даже утверждают, что погост был назван так потому, что некий Тудор был местным чудским старейшиной. Правда, все это не подтверждается никакими удостоверениями личности, ни налоговыми декларациями или хотя бы проездными билетами. Теперь Тудозерского погоста, как средневекового округа, состоящего из нескольких деревень, не существует. Сегодня это только деревня с названием Тудозерский погост. Вторые и третьи историки не согласны с первыми, и Тудоров погост помещают северо-восточнее, в Заволочье – на реку Онегу, в район деревни Турчасово. Четвертые и не историки вовсе, а археологи, которые в прошлом веке, в семьдесят девятом году, находили в районе Тудозерского погоста обломки керамики, но датировали ее четырнадцатым, а не двенадцатым веком. Вряд ли историки между собой договорятся. Краеведы... впрочем, краеведов никто и не спрашивает, хотя они, конечно, горой за двенадцатый век. Их можно понять.

³Крестьянам приходилось содержать еще и волостелей, тиунов и доводчиков. Первые управляли волостями от имени князя, вторые собирали налоги, третьи были судебными исполнителями. Всех их нужно было кормить, но продукты и белок они, в отличие от посельских и ключников, не брали, а денег брали не в пример больше ключников. Платили им три раза в год – на Рождество, на Пасху и на Петров день. В деревнях Вытегорского погоста, которыми владел Борис Зубарев, крестьяне отдавали «...всего корму волостелю и з тиуном и з доводчиком на весь год на три праздника, 4 гривны и пол-7 деньги». В рубле тогда было полтора десятка гривен.

⁴Марфа Борецкая была самой крупной землевладелицей в Заонежье – только в Вытегорском Покровском погосте ей принадлежало пятьдесят девять деревень, в которых было общим числом семьдесят девять дворов. Кроме Борецкой вотчинами в Вытегорском, Андомском и Мегорских погостах, располагавшихся на территории современного Вытегорского района, владели Иван Офоносов Патракеев, Захар и Федор Морозовы, Григорий Ногаткин, Борис Зубарев, князь Семен и Александр Кимские. Все это новгородцы, кроме князей Кимских, происходивших из Белозерска. Точно неизвестно – жили они в своих имениях или приезжали туда время от времени*, чтобы забрать оброчные деньги, таскать за чубы посельского и ключника, пороть собственноручно крестьян и брюхатить крестьянских девок или не появлялись здесь ни разу, а зимой отправляли им ключники в Новгород и в Белозерск возы с битой птицей, бараниной, мукой, маслом в горшках, сырами, мороженой и соленой рыбой. Точно известно только то, что московский царь все эти имения у них отобрал и переписал на себя.

*Доедешь туда, как же. Через полтора года лет, в сороковых годах семнадцатого века, посланный в те места по служебной надобности чиновник писал царю: «врознь погост от погоста верст по пятьдесят и по сто, а иные выставки и больше <...> а в иных, государь, местах и на лошади, и судном проезде нет; и я в таких местах пеш волочусь». Что же говорить о конце пятнадцатого века...

⁵Ставец – утварь для приема пищи. Представлял собой глубокий деревянный или глиняный сосуд полусферической формы с плоским низким поддоном и глубокой полусферической формы крышкой. Ставцы могли быть разной величины: диаметр некоторых из них достигал 50 см при общей высоте около 45 см.

Полть – полтуши мяса, свинины.

Коробья – новгородская средневековая мера измерения овса или пшеницы (так называемая хлебная мера). Одна коробья (короб) в среднем вмещала 16 четвериков, около 420 л.

⁶Тогда каждый мастеровой был на учете. Они в тех краях только начали появляться. В соседнем с Вытегорским Никольском погосте на реке Андоме внесены в писцовую книгу швец Федка и сапожный мастер Гриша Голованов. Не Гришка сапожник, а Гриша сапожный мастер при том, что тамошний пономарь – Сенка, дьячок – Гордейко, бобыль – Иванко, а Федка – просто швец.

⁷И время смутное кончилось, и грабежи прекратились, но думать о том, куда подевалось награбленное, вытегоры перестать не могли. На этой почве как грибы после дождя выросли многочисленные легенды и предания о зарытых польскими и литовскими панами кладах. Олонечкие губернские ведомости через двести семьдесят с лишним лет после этих событий писали: «Такие клады, по преданиям, сохранились: около деревни Тучковой три клада; в поле крестьян деревни Анхимовской на полосе крестьянина Захарова, за гумнами, где в один праздничный день некий пьянчуга пошел искать на похмелье и нашел два серебряных рубля, после него пошел другой и отыскал еще серебряный рубль; около сосен, одиноко стоящих по левую сторону реки Вытегры, против Вытегорского погоста; в полях деревни Леонтьевой, около больших сосен, одиноко стоящих; на половине дороги между городом Вытегрою и погостом, около весьма древних сосен, стоящих недалеко от Беседной горки <...> где, по преданию, отдыхал Петр Первый; близ деревни Лемы показывают два бугра, в десяти сажнях один от другого, наполненные кладом; один крестьянин этой деревни сохой вытащил на поле из земли котел с деньгами. При деревне Кудоме стоит одиноко в поле роща с часовнею; передают, что в роще этой паны похоронили себя вместе с детьми и всеми сокровищами; для этого вырыли они здесь несколько больших ям, поставили в них столбы, утвердили на них слабую крышу, собрались в ямы со всеми ценностями и детьми и

поручили рыть землю на крышу до тех пор, пока она провалилась и своею тяжестью придавила их там <...>*. Как многочисленны и велики были скрытые сокровища, можно заключить из того весьма распространенного и упорно держащегося предания, что главный пан, живший в деревне Кудоме (деревня эта стоит на горе, откуда открывается обширный и чрезвычайно красивый ландшафт), хвастал, будто из своей квартиры он мог видеть до семидесяти своих кладов. Сказывают, что самый крупный из них, именно несколько бочек, наполненных серебром, паны спустили на цепях в реку Вытегру, против устья речки Тагажмы. Наконец указывают место по левую сторону реки Вытегры, против деревни Филипповой, на позже, откуда известный местный богач Дьяков вывез много возов дорогого металла.

Замечательно, что, кроме находок на поверхности земли, серьезных попыток к раскопке и открытию кладов положительно никем из местных жителей не производилось, хотя многие, особенно старожилы, могут по пальцам перечесть места, где, по преданиям, лежат клады. И понятно. Крестьяне смотрели на панов как на нехристей, а потому и вещи их, хотя бы весьма ценные, даже деньги, считали за такие, которые пусть лучше покоятся в земле или воде, чем доставать их оттуда. Вследствие такого взгляда появились самые нелепые поверья и суеверия. Так, например, непременным условием добычи известного клада считают за необходимое запрячь в соху петуха и пахать таким образом в данную ночь до зари то место, где находится клад; где звякнет – тут и клад. Если клад покоится под деревом (непременно под сосною, а они долговечны и потому чрезвычайно толсты), – то взлезть на нее в известную ночь вверх ногами. Но кроме приведенных причин, удерживающих от разрытия кладов, существует и побудительные, по мнению крестьян, основания. Они уверены, что клад не дается *так*: за выдачу себя непременно требует *голову* и, конечно, человечью, почему и охотников обогатиться таким способом найти мудрено. Рассказывают, что местный крестьянин Дьяков, страшно разбогатевший от найденного сокровища, уцелел единственно потому, что, найдя клад, посулил ему за выдачу себя *голову*; вывезши таким образом несколько возов сам, он за последним возом отправил своего работника, которого я в яме и придавило землею».

*Автор этой заметки в Олонецких губернских ведомостях прибавляет, что «лично осматривал эту знаменитую рошу и заметил в ней, вблизи самой часовни, два углубления, от ударов в которые слышался звук, дозволявший предполагать, что внутри ям заключается некоторая пустота».

®Из набранных солдат в десяти Заонежских погостах, в том числе из Вытегорского, создали в шестьсот пятьдесят четвертом году полк под командованием Мартина Кармихеля. Обучали новобранцев военному делу приехавшие в Олоонец иноземные офицеры. Власти вели себя как большевики в восемнадцатом году – подводы им дай, пики, топоры, заступы делай сам, фитили для огнестрельного оружия мало того, что делай сам, так еще и из своего льна. Обученных драгун предполагалось отправить на службу на своих лошадях при том, что пашенные драгуны на этих же лошадях землю пахали. Наконец додумались до того, что порох для учений солдаты должны были покупать за свои деньги. У многих солдат, которые нанялись на военную службу не от хорошей жизни, не было денег на покупку пороха, но... они все же его покупали. Только солдаты Вытегорского погоста, как свидетельствуют документы, порох взяли силой и при этом угрожали убить своего капитана. Они же и дезертировали со службы, и уклонялись от нее как могли. В переписной книге шестьсот пятьдесят седьмого года против фамилий уклонистов было написано «сшол, сшол от немецких людей, збежал, збежал з женою и з детми, збежал в стрельцы, на службу не пошли, бежали по лесом, розбежались с женами и детми, сшол в мир кормитца, бегаёт от службы <...>». Бежали даже не с линии фронта или из воинских частей, а уходили из дому, потому как и дом у пашенных солдат и драгун был местом службы. Уходили в соседние уезды и на Соловки. За один только шестьсот пятьдесят седьмой год только вытегоров из полка Кармихеля дезертировало девять человек, а уклонялись от службы двадцать шесть. Это довольно скромный результат – в соседнем Пудожском погосте одних дезертиров, не считая уклонистов, было без малого девяносто, но уже через пять лет Вытегорский погост лидировал среди Заонежских погостов по количеству дезертиров – семьдесят шесть человек только за осень шестьсот шестьдесят второго года. Со всем

тем, олонецкий полк пашенных солдат и драгун Мартина Кармихеля, в котором служили вытегоры, воевал храбро и осенью шестьсот шестьдесят пятого года под Брестом в составе войск под командой князя Урусова «гетмана Павла Сапегу и полских людей побили наголову, а секли их и гоняли <...> за шесть верст до Брести».

⁹Обнищавшие крестьяне налогов заплатить не могли. В середине семнадцатого века дворянин Василий Золотарев, посланный Москвой в Заонежские и Лопские погосты найти беглых крестьян, вернуть их на прежние места и собрать недоимки, сообщал, что многих крестьян «хотя босых разув ноги отбить прочь, им отнюдь будет не заплатить». По голым ногам били батогами, чтобы заставить платить недоимки. Называлось это правежом. Такое положение дел сохранялось до конца семнадцатого века. В качестве иллюстрации приведем рассказ олонецкого посадского человека Михаила Федотова о невозможности собрать недоимки в Оштинском и Вытегорском погостах, датированный февралем шестьсот девяностого года: «<...> на Олонце в приказной избе перед думным дворянином и воеводою перед Иваном Богдановичем Ловчиковым да перед дьяком Леонтьем Улановым олонецкой посацкой человек Мишка Федотов сказал: в нынешнем во 198-м году, по указу великих государей и по наказной памяти, велено было мне приняв на... посацкого человека у Василья Андреева приехав в Оштинской и Вытегорской погосты; а приехав велено сыскать прошлых лет старост и зборщиков и целовалников; а сыскав велено на них государьские доимочные денги и хлебные запасы на прошлые годы по росписи, какова под наказом дана доправить; а буде доправить не мочно, и велено тех старост и зборщиков и целовалников выслать за поруками на Олонец. И я, Мишка, приехав в те погосты, сыскал прошлых лет старост и зборщиков и волостных людей, а сыскав дал их на поруки с платежом на Олонец государьских доимочных денежных доходов; а ково имени, и то написано в поручных их записех и в скасках; и те поручные записи и скаски под сею моею скаскою; а Кондуской волости Гаврилка Калинин ныне на Олонце, а Палтоской волости Фочка Никитин збег и з женою, а Артюшка Евлапиев избегает, а брата ево, на ком доимка, Якушка жива нет, а вытегорец Осип Финков избегает и двор его пуст, а Кондрашка Шарапова сын Андрюшка избегает, мегрянин Макарко Ананьин зборщик старосты Костки Семенова отбился, а Оштинского погоста Анкудинко Филипов да Федка Вострого избегают, а Сенка Силин отбился. Скаску писал по ево Мишкину вельенью Андрюшка Киселев».

На обороте этого отчета было написано: «...Взять в отпуску, а чево не выбрал, и для того правежу послать по прежнему наказу и по росписи доправить сполна; а которые учнут укрыватца, и у тех дворы их и животы, и всякие промыслы и деревенские учаски тех волостей с старостами и с мирскими людьми оценить в правду, и за те денги по оценке продать из натдачи, и денги прислать в Олонец тотчас; а к старостам и к волосным людям о том послать послушные памяти». Батогами по голым ногам и доправляли. Сполна.

¹⁰Текст этой челобитной так хорош, что грех его не привести целиком хотя бы в примечаниях: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом твой бедной сирота Вытегорского погоста бобылек Онтошка Сидоров. Жалоба, государь, мне того же Вытегорского погоста на салдата на зятя своего на Ивана Федотова. Был я сирота в дом принят к ево Федотовой тещи Крестины Борисовой дочери. Судом Божиим жена моя Кристина преставилася, а жил с нею болши 10-ти лет, и детей от первого мужа сrostил и замуж поывдавал. И живучи на том участке мелницу поставил, н полевую клеть новую поставил. И как жена моя преставилася, и оставила духовную память: приказала мне за мои труды треть во всем животе, во дворе и в деревни. И я после жене своей жил год с ним Иваном вместе, и пашню пахал, и твои государевы подати платил заодно опчим животом. И в прошлом, государь, 157-м году с ним с Ываном розделился: и ему Ивану остался двор со всеми хоромы, изба и клеть, а мне сироты одна полевая клеть досталася, а в мелницы треть. И он Иван после делу от мелницы и от клетки отбил, и деревенского мне участка сеять ярью не дал и сена косить к нынешнему ко 158-мв году, и от участка от моей трети насилством своим отказал. И мне, государь, в ево насилстве учинилосе убытка 2 рубля с полтиной. И я, бедной сирота твой, скитаюся промеж дворы, помираю голодною смертью. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту, вели, государь, дать на него Ивана свой царский суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

¹¹Челобитная не была оставлена властями без внимания. На ее обороте было написано: «Дать государеву грамоту на Олонец к околичему и воеводе: Черкаске в старостах быть не велеть, а про сына ево про подьячего сыскать; и буде мирским людям чинит в посылках продажу и тесноту, за воровство велеть учинить наказанье; а буде во многих воровствах на него будут челобитчики, и его отставить от дела».

¹²На обороте отписки вытегорского старосты написано: «Послать память: будет учнет укрыватца, и вместо ево Федки выслать жену ево, а за заслушанье доправить...».

¹³Первоначально церковь имела двадцать пять глав, но четыре из них, по-видимому, были утрачены в ходе реставрационных работ в конце восемнадцатого века.

¹⁴Цветную фотографию церкви сделал в девятьсот девятом году С.М. Прокудин-Горский.

¹⁵Вытегоры конечно же хотели восстановить свою церковь и даже обращались с просьбами, куда следует обращаться в таких случаях, но там, где следует, повздыхали, посочувствовали и благословили на сбор денежных средств на восстановление храма. Впрочем, церковь по чертежам и эскизам Ополовникова воссоздали, но не в Анхимово, а на территории паркового комплекса «Усадьба Богословка» в Невском лесопарке Всеволожского района Ленинградской области. Взяли пролежавшую сорок лет без всякой пользы документацию у дочери Александра Викторовича Ополовникова и воссоздали. Пять лет строили и в две тысячи восьмом году освятили.

¹⁶Примечательна икона еще и тем, что в ее левом нижнем углу написан похожий на Георгия Победоносца всадник, поражающий копьём змея, аллегорически изображающего Турцию. Похожий потому, что над его головой нет нимба. Копь под всадником белый, плащ пурпурный, змей самый что ни на есть змеистый, а нимба нет. Дотошные историки выяснили, что попирает змея копьём не кто иной, как фаворит царевны Софьи князь Василий Голицын.

Тут нужно отступить несколько назад и сказать о том, что князь Василий Васильевич Голицын появился на иконе не случайно. После второго Крымского похода, который закончился... ничем он толком не закончился. Постояло войско Голицына у Перекопа в безводной степи без воды, съестных припасов и корма для лошадей, постояло... и повернуло домой. Умный князь Голицын, чтобы не возвращаться с пустыми руками, перед уходом завел с крымским ханом мирные переговоры, в надежде на то, что тот, убоявшись вида русского воинства, согласится на выгодные для Москвы условия, но... над крымским ханом не капало. Над Голицыным тоже не капало, но по-другому. Пить русскому воинству хотелось очень, а переговоры затаились. Вот и пришлось уйти, оставив дипломатов делать хорошую мину при плохой игре. В Москве... Как сказал Монтень – не достигнув желаемого, они сделали вид, что желали достигнутого. Царевна Софья приказала пышно отпраздновать возвращение своего фаворита из похода, а глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый заказал Даниилу и Якову Перекрестовым* прорисовать иконы, по которой украинский художник или, как тогда говорили, «черкашенин» Леонтий Тарасевич вырезал на медной доске гравюру. С этой гравюры в Москве в семьсот втором году печатались оттиски – на атласе, тафте и бумаге.

Сельский поп Климент Макарьев выдающимся художником не был, а потому икону свою, можно сказать, списал с оттиска гравюры Тарасевича. Правду говоря, если сравнить портрет Голицына, который, кстати, тоже гравировал Тарасевич, и лик всадника на белом коне, поражающего копьём змея, то трудно заметить какое-либо сходство – всадник без бороды и усов с лицом почти детским, а Василий Васильевич – мужчина сановитый, с бородой, пышными усами, но... историкам виднее.

В правом нижнем углу иконы изображены еще два всадника, один из которых царь Петр в короне, а второй – брат его Иван. Уже само по себе присутствие на одной иконе Петра Первого и Василия Голицына, которого он после того, как стал править сам, упек за Полярный круг в погост Пинежский волок...

Каким образом оттиск с гравюры Тарасевича оказался у попа Покровской церкви, теперь уж не выяснить. Вряд ли до Вытегорского погоста доехала атласная или тафтяная копия. К слову сказать, ни одного из этих оттисков до нас не дошло. Оно и понятно – при Петре, которому была нена-

вистна любая память о Софье и Голицыне, их лучше было не хранить. Да и власти по приказанию Петра исправно эти оттиски отбирали, когда находили, и уничтожали. В девятьсот четырнадцатом году искусствовед и архитектор Василий Михеевич Борин видел и прорись и икону в Историческом музее, в Москве, а потом... прорись пропала. Медной доски с гравированной на ней иконой тоже след простыл. Икона из Покровской Вытегорской церкви уцелела случайно, хотя в данном случае лучше сказать чудом. Таких ранних списков иконы Азовской Божией Матери в России раз-два и обчелся, и одна из них находится в Вытегорском музее. Если бы Покровская церковь не сгорела, то вместе с иконой она бы... но она сгорела.

После того как Софью отстранили от власти, Голицына сослали, Шакловитому отрубили голову, сопровитель Петра Иван Алексеевич умер, а русские войска взяли Азов, персонажей, изображенных на иконе, стали толковать иначе. Ивана Алексеевича заменил сын Петра – Алексей, а Голицына... нечего было и думать о том, чтобы отождествлять всадника на белом коне с князем – теперь он стал просто всадник, напоминающий фигуру московского царя. Ездец, как тогда называли всадников.

*Братья Перекрестовы к иконописи не имели никакого отношения. Сыновья полковника стрелецкого Ахтырского полка Ивана Перекрестова были людьми военными. Они были, если так можно сказать, субподрядчиками – нашли художника, гравера и оплатили все работы. Они и поднесли царевне Софье оттиск с гравюры. Еще и с надписью о том, что это их «трудами и тщанием» все сделано. Все эти подробности о том, кто заказал, кто гравировал и кто поднес, стали известны из розыскного дела Федора Шакловитого. Братьям повезло. Их не тронули. Даниила Ивановича и вовсе за поход против Швеции в семьсот первом году назначили управляющим Ахтырским полком.

¹⁷Канал, соединявший реку Цну, текущую на север, и Тверцу, текущую на юг, прокопали уже к семьсот восьмому году и в семьсот девятом по Вышневолоцкой системе провели первый караван судов, шедший водным путем по рекам и озерам к Петербургу. Караван, однако, шел весной, в половодье, а как только вода спала, немедленно выяснилось, что по малой воде перевозить тяжело груженные суда через пороги и перекаты Тверцы и Мсты невозможно. В семьсот девятом году казалось, что еще можно что-то сделать, где-то углубить дно, где-то устроить дополнительный шлюз, но уже к осени этого года стало ясно, что нужно искать новый путь.

Между прочим, люди торговые сразу поняли, что Вышневолоцкая система для перевозок хлеба и леса в Петербург не подойдет. Они продолжали везти свои товары с Волги до Бадожской пристани на Ковже, там сгружали и складировали в амбары, потом везли на телегах на Вянгинскую пристань на Вытегре, а оттуда, снова погрузив на суда, отправляли в новую столицу.

¹⁸Вянгинской она называлась потому, что была устроена на берегу Вянгручья. По-карельски *vengi* – это и есть ручей. Выходит, что название у этого ручья – масло масляное. Ручей и сейчас течет посреди города Вытегры и впадает в реку Вытегру. Официальное название ручья, которым он обозначен на карте – ручей Вянгручей. Значит масло...

¹⁹Павел Львов в лучших традициях русского сентиментализма описал это так: «В 1801 году генерал Деволант провел все лето на Мариинском канале, каждый день осматривая работы. Бывший тогда директор Либградт и я, как помощник директора и старший смотритель по части хозяйственной, находились при нем безотлучно. Однажды генерал, ходя вокруг Петровского шлюза, отошел в сторону на несколько шагов и, остановившись, подозвал нас к себе. “Господа, сказал он, я уверен, что ежели вы узнаете на каком месте мы стоим месте, то будете тронуты сильным чувством благоговения”. Он глядел на нас пристально, как бы выжидая вопроса, а мы, удивленные нечаянностью, устремили на него взгляд полный любопытства и недоумения. “Послушайте, продолжал Деволант с жаром, здесь на этом самом месте, вот тут (он ударил тростью в землю) отдыхал после трудов ваш благодетель, ваш Отец, ваш Государь. Он трудился для потомков, для вас и сынов ваших. Посреди сих мхов и болот провел он десять дней единственно для того, чтобы положить начало сему каналу. Он терпел великое от непогоды беспокойство. На самом этом месте был шалаш, в котором сто лет тому назад жил создатель Российской Империи, Великий Петр”. Произнеся сии слова, генерал замолчал; слезы засверкали на его глазах. Директор изменился в лице, стал бел как полотно;

внезапный трепет пробежал по всему моему телу. С минуту мы стояли как вкопанные, в глубоком безмолвии смотря друг на друга и объятые набожным ужасом. “Здесь должен быть сооружен храм Великому!” произнес я с сильным чувством, будучи вдруг оживлен каким-то восторгом. Генерал отвечал мне с приятною улыбкой: “сделаем лучше г. Львов, исполним полезное Отечеству намерение Петра Великого, построим Мариинский канал... Вот его настоящий памятник!” – “Как, ваше превосходительство? Воскликнул я: ужели на том месте, где был шалаш бессмертного Государя, ужели ничего не будет воздвигнуто?.. Хотя обелиск, хотя доску с надписью прикажите поставить”. – “Придумайте сами, чтобы нам сделать тут хорошее, приличное, и что изобретете покажите мне”. Сими словами генерал довершил наш разговор, происходивший, конечно, по-французски, но прочувствованный русским сердцем. Мы пошли далее по работам. На другой день мною была нарисована пирамида, и надписи вылились прямо из сердца. Все это я представил генералу, который, изъявив свое удовольствие, с первой почтой отправил рисунок мой и надписи в департамент водяных коммуниций, где рисунок пирамиды переменяли во многом и сделали гораздо правильнее, а из надписей оставили первые три, а четвертую заменили другой».

²⁰Евер, эвер – грузовое одномачтовое плоскодонное судно. Г.Р. Державин путешествовавший летом семьсот восемьдесят пятого года по Олонецкой губернии в бытность его правителем Олонецкого наместничества, пишет, что «для лучшего же понятия о строении судов поставлен был повыше гостиного берега, стоящего от Вытегры в пяти верстах... на блоках киль со всей боковой наборкой и стоял до разрушения от гнилости...».

²¹Ластовое* судно – собирательное название разнообразных малотоннажных плавсредств и небольших транспортных судов, существовавших в XVIII–XIX веках. Применялись в военных портах для обеспечения базирования боевых кораблей. Водоизмещение до восьмидесяти тонн.

*Ласт – русская мера веса, равная семидесяти двум пудам.

²²Галиот, гальот – парусное двухмачтовое судно водоизмещением от двухсот до трехсот тонн.

²³Доншкот, доншкоут – парусное судно, плавающее по Ладожскому озеру, длиной от восемнадцати до тридцати метров и шириною от шести до семи метров, водоизмещением до двухсот тонн.

²⁴Прошло двести сорок семь лет, и теперь население Вытегорского района составляет двадцать две тысячи двести человек. Выходит, что население района двадцать первого века меньше населения уезда восемнадцатого века на пятьсот шестьдесят один человек. Такая вот демография...

²⁵Нужно сказать, что первый проект герба Вытегры был создан князем Михаилом Михайловичем Щербатовым в семьсот семьдесят пятом году и представлял собой: «В зеленом поле золотой императорский скипетр прямостоящий с оком провидения изъясляющий надежду на новую пользу от учреждения сего города может империя российская приобрести, и купно милость и провидение монаршее». Все это было замечательно и до краев наполнено разными многозначительными смыслами и символикой, но... от ока провидения до масонов и каббалы рукой подать, а потому этот герб утвержден не был, и вместо всевидящего ока утвердили простую и понятную «часть кормы галерной, из которой поставлен распущенный российский купеческий флаг».

²⁶Сиверс с умилением пишет, что обедал в том самом доме*, в котором семь раз останавливался Петр. Еще и тогда, когда ездил с Екатериной на Олонецкие железные воды. Значит, все же бывал император в тех местах, пусть и проездом. Может, и не показывал пальцем, откуда и до какого места копать канал, может, и камзола юродивому не дарил, но семь раз пообедал, а один раз даже с императрицей.

*По преданию, которое приводят Олонецкие губернские ведомости, дом крестьянина Дьякова, в котором останавливался царь по пути в Архангельск, был огромен. Когда его, спустя много лет, перевезли в город Вытегру и разобрали, то из него получилось одиннадцать больших и малых домов и домиков.

²⁷Далее путь губернатора лежал на Бадожскую пристань – ту самую, на которой кончался водный путь по реке Ковже и от которой грузы везли гужевым транспортом на Вянгинскую пристань. Тут Сиверс от местных жителей узнал, что местность вокруг низменная, болотистая, что реки текут здесь тихо и порогов никаких нет, а значит, будет можно и каналы рыть, чтобы соединить Ковжу

с Вытегрой – тем самым и Белое озеро с Онежским. Местные старики признались их превосходительству, что еще когда приезжали к ним офицеры и тоже спрашивали, но... они им правды не говорили, а некоторым и денег дали, чтобы никаких каналов здесь копать не начали. Боялись крестьяне, что «их будут употреблять на работы бесплатно». Крестьян можно понять...

²⁸Собственно, они и были настоящими отцами-основателями Вытегры. Им бы памятник поставить в центре города или хотя бы стелу с их фамилиями, но... Ленину есть, Кирову тоже есть, а вот Галашевским, Рыборецким, Мартьяновым, Невежиным, Рябовым и Шалапановым не поставили. Можно бы и улицы назвать, но... имени Ленина есть, имени Кирова есть, имени Урицкого и Володарского тоже, увы, есть, имени Карла Либкнехта, даже и не подозревавшего о существовании Вытегры, есть, а имени... Конечно, возле такого памятника в пионеры не примешь, но если поставить возле него скамейку и посидеть на ней хотя бы минут пять или десять, то можно задуматься над тем, почему получилось так, как получилось, когда могло и должно было получиться совсем иначе... Впрочем, что говорить об улицах, если дома купцов Галашевского и Невежина – и те стоят на проспекте Ленина.

²⁹Гризет – (франц. *gris*, серый) название старинной однотонной шерстяной или низкосортной шелковой ткани с цветочным тканым рисунком, обычно серого цвета.

Гарусный товар – грубые хлопчатобумажные ткани с двусторонней набивкой плотного переплетения.

Александрийская пестрядь, александрийка – фабричная хлопчатобумажная ткань исключительно красного цвета, иногда с полоской или клеткой в одну нитку синего, белого или желтого цвета. Преимущественно шла на пошив мужских рубаш, популярных в XIX веке у небогатого городского населения.

³⁰Щука занимала довольно большое место в обрядах вепсов, и пришедшие в эти края славяне эти обычаи сохранили. Голову щуки никогда не клали в уху, так как, по поверью вытегорцев, кости в щучьей голове сложены в виде четырех крестов, что напоминает кладбище. Щуку запрещалось использовать в поминальных блюдах – считалось, что она может съесть кого-нибудь из семьи. Сушеная щучья голова использовалась вытегорцами в свадебных обрядах в качестве оберега от порчи. В селе Коштуги Вытегорского уезда невеста перед тем, как ехать венчаться, прятала ее к себе за пазуху еще и для того, чтобы «отзубиться» от свекрови.

Раз уж зашла речь о свадебных обрядах и обычаях Вытегорского уезда, нельзя не рассказать о некоторых из них, бытовавших в девятнадцатом веке в селе Коштуги, в шести десятках километров от Вытегры. Приведем лишь некоторые выдержки из публикаций в Олонецких губернских ведомостях.

«Деревня о приезде сватов узнает очень скоро и, конечно, все спешат в тот дом любопытствовать и сидят до самого отъезда сватов. А девицы тем временем заберутся на сарай, где стоят лошади сватов, и, убрав сено из саней, жгут его на задворках тихонько, обкуривая себя этим дымом и скоблят еще оглобли у саней; все это продельвается для того, чтобы скорее выйти замуж <...>».

Угощение сватов состоит в чаепитии и ужине, к которому непременно варится рыба, какая бы ни случилась в это время в доме. Угощение мясом при сватовстве не принято. Если бы где и случилось это, то тут не жди хороших результатов. Такое угощение считается бесчестьем, насмешкой <...>. Есть примета, что за ужином сваты должны съесть всю рыбу, которая подана, в противоположном случае будет неуспех в сватовстве. Поэтому-то сваты перед сватовством никогда дома не едят. А хозяева потчуют сватов усердно <...> как будто и не замечая, что сватушек уже в пот ударило от натуги в еде <...>».

Говорят, что в день венца, при утреннем туалете, невесту одевают в рубашку жениха, полагая ее вниз женского белья так, чтобы пот мог непосредственно входить в нее; держится она на невесте в продолжение всего дня, и лишь вечером, после венца, новобрачная снимает ее; поутру, после брачной ночи, рубашку эту глядят уютно или катают, чтобы не казалась измятою, а молодуха несет ее в баню, после омовенья в которой муж там же деваает ее на свое потное тело. Все это производится, без сомнения, в секрете от мужа <...>».

Уверяют, что первую воду, которой обливают себе в бане невеста потное тело, сливают на сковороду, противень либо поднос, и растворяют на этой воде пироги, назначаемые для угощения жениха <...>*

Во избежание порчи молодых при отъезде к венцу существуют такие приметы. Жених и невеста по голому телу перевязывают себя рыболовной сеткой; в подол тулупа втыкают *протошки* – сломанные иглы и булавки <...>. Жених и невеста привязывают к шейным крестам бумажки, на которых написана Херувимская песнь; эту же песнь надписывают на внутренней стороне хомутов тех лошадей, на которых везут к венцу молодых. Херувимской песни, говорят, боятся бесы, а ведь порча-то по вере простолодинов от бесов и происходит <...>.

Из церкви новобрачные идут, держась правыми руками за край платка. Молодую в сани поднимает и сажает муж. Дорогой ни один из новобрачных старается не заговорить первым: кто первый заговорит, тот, будто бы, будет на всю жизнь в подчинении. А чтобы принудить, например, к разговору жену, муж старается ее вытолкнуть из саней, надеясь, что она будет просить его не толкать из них и, таким образом, поневоле заговорит первая. Жена же, отлично понимая, с какою целью муж это делает, упирается тверже ногами в сани и всеми способами старается удержаться в них и уж, конечно, не заговорит первая».

*Конечно, крестьяне о феромонах, особенно в те времена, и слыхом не слыхивали, но... о чем-то они точно догадывались.

³¹Такому большому начальнику, как Державин, было, конечно, недосуг обращать внимание на одежду вытегоров, но мы обратим. Олонецкие губернские ведомости писали, что в восемнадцатом веке вытегоры носили нанковые или тиковые халаты, похожие по покрою на армяки, четырехугольные шапки из плиса с кривым околышем, то есть из хлопчатобумажной ткани с ворсом и околышем из каракуля серого или черного цвета, малахаи или, попросту говоря, ушанки, из сукна и сафьяна. Женщины носили шубки польского фасона с узким меховым воротником и обшлагами, капоты, полукапоты и нарядные короткополые кофты из байки с рукавами, отложным круглым воротником и застежками под названием шугаи, нижняя часть которых была собрана в складки. Количество этих складок доходило до шести десятков.

³²В 1790 году межевание земли в Вытегре проводил землемер Чаплин. За межевание ему платилось от города 366 руб. 83 коп. Помогал ему помещанин Бутыгин, которому за его помощь городские власти выдали сто рублей, а вот Чаплин денег не взял. Все, ему положенное, он взял водкой. В это трудно поверить, особенно когда знаешь, что годовое жалованье учителя в вытегорском малом народном училище составляло сто рублей в год, но документы на этот счет в делах городской думы сохранились.

³³За заслуги перед городом именем Е.О. Шульца был назван сквер, но уже в апреле 1918 г. комиссия по проведению праздника 1 Мая переименовала сквер Шульца в сквер Труда. То есть сначала Совет народных комиссаров издал указ о снятии памятников в честь царей и о замене названий улиц и городов новыми, потом бдительный и конечно же анонимный гражданин города Вытегры настрочил в газету Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов письмо, в котором он, булькая кипевшим от возмущения разумом, писал: «Вот и у нас город, хотя не имеет памятников царизма, но по странной случайности в нем остались такие названия улиц: “Дворянская”, “Полицейская”, “Владимирский бульвар”, “Сквер Шульца”. И это на второй год революции!», а уже после этого комиссия постановила: «Все старые вывески на учреждениях, не соответствующие времени, должны быть к этому дню сняты и, если это возможно, заменены новыми. Городскому Совету предлагается переименовать улицы: Воскресенский проспект – в Народный, Дворянскую улицу – в Крестьянскую, Полицейскую – в улицу Свободы, сквер Шульца – в сквер Труда, Владимирский бульвар – в Майский, Разгуляевскую улицу – в улицу Революции». Теперь и следа от того сквера в Вытегре не осталось.

³⁴Дворяне Вытегры и Вытегорского уезда богатыми не были. В описании Олонецкой губернии за 1842 год сказано, что в городе только у двух дворян имелось от пяти до двадцати душ при том, что у них было двенадцать человек дворовых. Еще дюжина дворян владела от одной до пяти душ.

Правда, и дворовых у них было семнадцать человек. Уездные помещики были побогаче – восемь человек имели свыше ста душ. У них приходилось на одного помещика в среднем по сто пятьдесят пять крепостных. Еще два помещика имели от пятидесяти до ста душ; девятнадцать – от двадцати до пятидесяти душ, пятьдесят девять – от пяти до двадцати душ и шестнадцать – от одной до пяти душ.

³⁵В 1823 году Павел Львов писал в «Отечественных записках» о том, какой могла бы стать Вытегра, если бы да кабы... «Когда благоугодно будет мудрому Правительству учредить город Вытегру Губернским городом, то, наверное, положить можно, что в нем поселятся многие богатые промышленники и заводчики; ибо и ныне на каждом ручье, впадающем в реку Вытегру, построены большие мельницы, крупчатки именитых купцов: Московских Белозерских и Вытегорских; а тогда по всему вероятно, разведутся там всякие фабрики и рукомесла; туда приидут рукодельные иноплеменики, водворятся там и цену благоденствия своего будут служить России. Но дабы совершилось ожидание предполагаемых, несомненных и частью уже основанных благ, то, по моему мнению, необходимо нужно переменить малозначащее название города Вытегра в наименование более значительное и соответствующее выгодному местоположению оною. Часто бывает, что успех добра зависит от перемены старого, закоренелого о чем-либо предубеждения на новое лучшее понятие. Мне кажется, что в сем случае было бы всего приличнее назвать город Вытегру Марие-Славлем, по системе Мариинского канала. По совершении таких и подобных перемен обитатели пространного края того возгордятся местом своего рождения и из угрюмых, так сказать, пустынножителей, между лесами и озерами обитающих, с холодом и бедностью непрестанно борющихся, явятся на позорище общежития целый народ, ко всему хорошему способный, (образованный промышленностью и торговлею); подобно цветам весенним способности его развернутся, подобно орлам молодым – воскрылятся таланты и полетят к бессмертию... Преобразование Вытегорского края можно будет почесть для России новым великим и знаменитым приобретением.

О народе Вытегорского края должно сказать, что он чрезвычайно смешлив и на все досуж. Все волости, Вытегру окружающие, наполнены лучшими плотниками, лучшими судостроителями и промышленниками и всякого основательного торга».

³⁶Пионерами тогда называли не тех, кто поклялся жить, учиться и бороться как завещал великий Ленин, а рядовых инженерных войск.

³⁷Чура – гравий.

³⁸Бечевник – береговая полоса, предназначенная для людей или лошадей, тянущих судно на бечеве, а также для причала, устройства пристаней и т.п.

³⁹Шлюз св. Сергия или шлюз № 1 Мариинской водной системы – это полностью перестроенный в 1822 году полушлюз Деволант. Остатки шлюза св. Сергия уже в аварийном состоянии были переданы местному краеведческому музею, но сначала, в семьдесят четвертом году, шлюз был признан памятником истории и культуры республиканского значения. Начальник Вытегорского технического участка писал при передаче шлюза директору музея: «Одновременно предупреждаем, что ремонтных работ, требуемых для поддержания в нормальном состоянии как сейчас, так и в будущем, технический участок производить не будет. Просим сообщить Ваше согласие и дату сдачи и приемки шлюза». Начальник не обманул – ремонта никакого не делали. В девяносто первом году памятник республиканского значения был признан аварийным, а еще через два года администрация смогла наскрести сто семьдесят тысяч на его реставрацию. Ее начали, но из-за грубых нарушений технологии реставрации прекратили. Теперь доступ к памятнику запрещен, а хотя бы и был разрешен... Смотреть на руины удовольствия мало. Впрочем, работа все же ведется – готовится художественный проект, потом на основе проекта составят смету, потом...

⁴⁰Градское общество составляли горожане старше двадцати пяти лет, обладавшие капиталом, процент с которого превышал пятьдесят рублей в год.

⁴¹Есть и еще одна цифра, которую жалко оставлять без внимания, но в какое место ее вставить... В опыте описания Олонецкой губернии, составленном Карлом Бергштрессером и издан-

ном в 1838 году – сказано, что в Вытегорском уезде приходится меньше половины коровы на душу. Пусть останется хотя бы в примечаниях.

⁴²Еще два отрывка из описания Лабардина, которые, может, и не относятся непосредственно к истории города, но тем не менее интересны.

«Вода в реке Вытегре от глины и беспрестанного по оной судоходства, очень мутна, и, смешиваясь в весеннее и осеннее время с водами болот, не совсем здорова. Что касается до воды в ручьях, то она также не совсем здорова: ибо все ручьи выходят из стоячих болот, и, протекая малые пространства до впадения в реку, не могут совершенно очиститься от болотного запаха. Болота, окружающие город Вытегру со всех почти сторон, делают воздух не совсем здоровым. По сей причине жители часто подвергаются лихорадкам и гнилым горячкам». Вода, текущая из кранов в Вытегре и сейчас плоха – и вкус, и запах, и цвет оставляют желать лучшего. Раньше это можно было объяснить окружающими город болотами и беспрестанным судоходством, которого в городской черте уже давно нет. Сейчас те, кто отвечает за качество воды в городе, говорят об аварийном состоянии водопроводных труб, насосов, которые нужно менять и давно менять, потому как их изношенность составляет почти восемьдесят процентов и в плане на следующий год...» Уже то хорошо, что справились с лихорадками и гнилыми горячками.

«Почти все жители города имеют большое доверие к снам и предрассудкам <...>. Если река весною вскрыется так что лед не понесется по течению, а совершенно превратится в воду <...>, то в тот год будет много больных и умерших. Надобно бояться того года, когда будет много рябины. Встреча со священником почитается нехорошою, а со свиной напругив – счастливою».

⁴³Путинными вытегоры называли бурлаков. В материалах по истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края, изданных в конце девятнадцатого века, описан быт и нравы бурлаков Мариинской водной системы. «Но масса и таких путинных, которые целое лето проводят на системе и занимаются тягою, какую бы цену им не предлагали. Случается, что они тянут суда за одно продовольствие. Отличительная черта таких бурлаков – грубость, упрямство, склонность к пьянству и всяким порокам. Получив в г. Вытегре расчет, эти путинные, обыкновенно, гурьбою спешат в трактиры и питейные дома. В каких-нибудь два часа, пропивши весь заработок, приобретенный пяти или десятидневным упорным трудом, бурлаки возвращаются к Николаевскому шлюзу босые, оборванные и полуголодные. Многие из этих людей летом живут под открытым небом и не заботятся даже о жилище для себя».

⁴⁴Обычному читателю такие подробности будут вряд ли интересны, но буквоедам сообщим, что в библиотеке уездного училища, которую в 1863 году сделали публичной, к тому времени имелось 280 названий книг в 579 томах, а в библиотеке приходского училища 56 названий книг в 110 томах.

⁴⁵В 1860 году в Вытегре по данным К.М. Петрова выписывали: С. Петербургские, Московские и Полицейские ведомости, журналы Духовная Беседа, Сын Отечества, Искра, Северная Пчела, Библиотека для чтения, Странник, Развлечение, Отечественные записки, Современник, Русский вестник, Семейный листок, Архитектурный вестник, Русское слово, Журнал Акционеров, Указатель Экономический, Чтение для солдат, Христианское чтение, Православный собеседник, Драматический сборник, Иллюстрация, Собрание переводных романов, Военный и Морской сборники, Русский инвалид, Производитель и промышленность, Светоч, Лесоводство и Охота, Педагогический вестник, Собеседник, Библиотека медицинских наук, журнал для детей Воспитание и несколько экземпляров иностранных газет. Сравнить с нынешним днем сложно и, скорее всего, не совсем правильно, но все же я спросил Вытегорскую районную библиотеку о том, какие газеты и журналы выписываются в 2023 году. Оказалось, что газеты Красное знамя, Официальный вестник, Красный Север, Аргументы и Факты и журналы ЗОЖ, За рулем, Пенсионерочка, Дачная, Здоровье, Родина, а также детские: Мурзилка, Саша и Маша, Мне 15. Иностранных газет библиотека не выписывает, но получает газету на языке вепсов Kodima. Какие тут выводы... Ни одного литературного журнала, ни одного научно-популярного, ни одного... К библиотеке, однако, претензий предъявлять не станем – она выписывает то, что спрашивают и на что хватает средств.

⁴⁶В этом же документе можно прочесть о том, как питались в то время крестьяне Вытегорского уезда: «С начала осени крестьянская пища разнообразится; крестьяне употребляют в пищу кроме хлеба и картофеля молодых ягнят; затем в продолжение зимы едят похлебку из рыжиков или сушика*, или же просто ограничиваются хлебом; мясо крестьяне употребляют в пищу только в храмовые праздники. Бывает сплошь да рядом, что и в хлебе ощущается недостаток».

*Сушик – сушёная в русской печи мелкая рыба: преимущественно ерши, снетки, мелкие окуни и корюшка, а также и другие сорта рыбы. Такой вид заготовки рыбы популярен на севере России – в Архангельской и Вологодской областях, Карелии.

⁴⁷В журнале Вытегорской городской думы за 1871 год записано, что владелец частной вольной аптеки Фрейндлинг*, продающий населению лекарства по ценам аптекарской таксы, предложил земскому собранию дать двадцатипроцентную скидку на лекарства, отпускаемые людям, и двадцатипятипроцентную на лекарства для животных. Эти лекарства он готов отпускать на городскую больницу и на весь уезд. При этом Фрейндлинг дает к ним бесплатную посуду, которую за свой счет будет запечатывать, если только земская управа перестанет закупать лекарства в столице, а вместо этого распорядится покупать их в его аптеке.

*Роберт Яковлевич Фрейндлинг был провизором и купил в 1845 году аптеку со всеми медикаментами, материалами и запасами у получившего место в Петрозаводске вытегорского провизора Егора Егоровича Геххардта. Фрейндлинг прожил в Вытегре сорок лет и все сорок лет был аптекарем. В Вытегре его уважали и два раза избирали гласным городской думы. В 1880 году Роберт Яковлевич продал свою аптеку провизору Карлу Карловичу Гартвигу, а сам вместе с семьей уехал в Петрозаводск, где продолжил заниматься аптечным делом, торговать минеральной и сельтерской водами, лимонадом, фруктами и пирожными. Так бы оно и продолжалось – Карл Карлович Гартвиг в свой черед продал бы аптеку кому-нибудь из Людвигов Генриховичей или Эмилиев Фердинандовичей и уехал бы по традиции в Петрозаводск, но в семнадцатом году двадцатого века что-то пошло не так, и бывший вытегорский городской голова и провизор Христиан Иванович Эйхман, владевший аптекой с девятьсот восьмого по девятьсот семнадцатый годы, был арестован в июне тридцать восьмого года, осужден особой тройкой УНКВД Ленинградской области за контрреволюционную деятельность и приговорен к расстрелу. Умер во время следствия в тюрьме города Лодейное Поле.

⁴⁸Во время строительства Волго-Балта в шестидесятых годах прошлого века строители постоянно на эти могильники натывались.

⁴⁹Вытегорское земское собрание вышло с предложением к губернскому земскому собранию страховать лошадей от сибирской язвы, для чего учредить страховой сбор с тягловых лошадей в Марининской системе в размере тридцати копеек. Губернское собрание согласилось и постановило сообщить об этом предложении Олонецкому губернатору... Сообщением губернатору дело и закончилось.

⁵⁰У этой медали была и обратная сторона. «Уездное земское собрание в заседании 28 сентября 1869 г., рассуждая о вредном влиянии Марининской системы на нравственное состояние крестьян уезда, промышляющих путиною и тягою судов, убедительнейше просила начальника губернии сделать зависящее распоряжение: во-первых, закрыть совершенно все на Марининской системе кабаки и питейные заведения, в которых оставляется многими почти сполна весь летний заработок; во-вторых, устроить особый надзор к прекращению развившейся в артелях путинных карточной игры <...>». Уездному земскому собранию отказал специальный комитет по преобразованию Марининской водной системы. Земское собрание не успокоилось и постановило просить начальника губернии если не закрыть, то хотя бы удалить питейные заведения на три версты от канала. «Какая мера окажет благотворное влияние на нравственное состояние народа и его материальный быт». Начальник губернии... Короче говоря, кабаки остались стоять там, где стояли.

⁵¹Шкурка белки в 1874 году стоила семь копеек, а заячья восемь. Два хороших стрелка за один осенний день могли добыть до двух десятков белок. При условии, что белок в этом году уродится много, а если не уродится, то могло быть не больше пяти. За пару рябчиков давали двугривен-

ный, за пару тетеревов тридцать копеек, глухарей – сорок, а куропаток – всего двенадцать. Вот так Олонецкие губернские ведомости описывают охоту на белок в Кондушской волости Вытегорского уезда: «На эту охоту ходят всегда двое – один с топором, другой с ружьем. Когда собаки найдут зверька, один бьет обухом топора по стволу сосны или ели, в которой спряталась белка, отчего она выскакивает на видное место. Винтовок здесь почти не употребляют для охоты, но дробовики и притом самого плохого разбора <...> поэтому неудивительно, если в одну и ту же белку приходится стрелять по несколько раз или даже совершенно оставить ее, если она держится на вершине сосны».

⁵²Эта история, описанная в Олонецких губернских ведомостях прямого отношения к уголовной хронике не имеет, но...

Вдова коллежского секретаря Щербака, Александра Трофимова, подала в земское собрание прошение, следующего содержания: «После смерти мужа моего коллежского секретаря Софония Щербака, управление временной тюрьмы находится под ведением земской управы и осталось без смотрителя, а в настоящее время состоит в заведовании самой управы. Надзор же за городской тюрьмой как в хозяйственном, так и в распорядительном отношении, настолько мне известен, что я даже помогала управлять во время болезни своего мужа более трех месяцев, где находится постоянных человек двадцать арестантов и проходящих в каждую неделю по несколько человек; управление же оною мне известно по служению мужа моего в оной более четырнадцати лет. Во временной же тюрьме, где имеется совершенно в малом количестве арестантов и не таких преступников как в градской тюрьме, надзор таковой может не только иметь мушину, но даже и женщина; я вполне надеюсь, что сумею управлять этой тюрьмой. Почему покорнейше прошу земское собрание сделать со своей стороны распоряжение о допущении меня к управлению временной тюрьмой, ибо я осталась после мужа с тремя уже взрослыми детьми женского пола в крайне бедном положении; эта же обязанность даст мне хотя безбедное вспомоществование; я вполне убеждена на добродушие земского собрания, что просьба моя не будет оставлена, хотя в вознаграждение за прежнюю службу мужа моего в управлении тюрьмой».

Удовлетворить просьбу г-жи Щербак собрание не нашло возможным и постановило: «в ходатайстве г-же Щербак о дозволении ей быть смотрительницей временной тюрьмы отказать».

⁵³Проработала больница, построенная на деньги вытегорского земства купцом Матвеевым, больше ста лет. Еще в середине восьмидесятых годов прошлого века там помещалось детское отделение районной больницы и молочная кухня.

⁵⁴На юбилейном обеде в городском собрании была объявлен сбор денег в помощь пострадавшим от неурожая крестьянам Поволжья. Собрали тотчас же двести семьдесят рублей и отправили в Самару. К истории Вытегры и вытегоров этот факт имеет самое непосредственное отношение, и не упомянуть о нем нельзя.

⁵⁵В одной только Вытегорской волости находилось тринадцать шахт глубиной от шести до тридцати метров. От стволов шахт шли в разных направлениях галереи, укрепленные деревянными стойками. Словом, все почти как в настоящих шахтах, только очень неглубоко, и крестьян, занятых добычей руды, правильнее было бы называть землекопами, а не шахтерами. «Добывание из шахт руды, производится большими ведрами, опускаемыми и поднимаемыми на канатах, посредством такого же ворота, какой обыкновенно устраивается при колодцах. На каждой шахте по два ведра и рабочих по шесть и десять человек; все они Вытегорского уезда и получают оплаты от пятидесяти до семидесяти копеек в день на своем содержании. Работы производятся по указаниям и наблюдению прусского подданного, горного инженера Вильгельма Карловича Доминика и штейгера* Зеленко, начинающих местопребывание в деревне Фощевники, где размещаются и рабочие. Пласт руды начинается преимущественно на шестисаженной глубине <...>. Всей руды уже поднято до двухсот тысяч пудов», – так в Олонецких губернских ведомостях за 1873 год описывался процесс добычи железной руды. Хотя это и не имеет никакого отношения к человеческой истории Вытегры и ее уезда, но зато имеет отношение к доисторическим временам этих мест, и потому все же приведем еще один отрывок из письма в редакцию губернских ведомостей. «Достоин замечания,

что в некоторых штреках встречались в рудных пластах окаменелое дерево (палки) и даже тростник, который в особенности вызвал восторг инженера Доминика. Открытие каменного тростника в том грунте, где он найден, представляет явление чрезвычайно редкое, имеющее весьма важный интерес для науки; почему г. Доминик и отправляет окаменелости с подробным описанием в один из Петербургских музеев. Я видел кусок окаменелого тростника, длиною в аршина, толщиной в мизинец руки; трубка его хорошо сохранилась и на ней рельефно обозначаются тростниковые перевязки или разделения».

*Штейгер – мастер, ведающий рудничными работами.

⁵⁶Все же я не удержался и провел параллель. В публичном отчете главы Вытегорского муниципального района за 2022 год прочел о том, что в прошедшем году семнадцати студентам-вытегорцам, из которых двое учатся в медицинских колледжах, а еще полтора десятка в медицинских вузах, к стипендиям доплачивают в общей сложности по шесть тысяч рублей. Это те студенты, которые после окончания учебы придут работать в районную больницу Вытегры. Прочел и подумал – ну что это за копеечная доплата в шесть тысяч рублей... Почему нельзя доплатить хотя бы десять тысяч, не говоря о пятнадцати? В конце концов студентов всего семнадцать и десятков миллионов рублей для доплат не потребуется. Потом заглянул на сайт Вологодского государственного университета и узнал, что стипендия отличника составляет две тысячи рублей, стипендия того, кто учится на четверки и пятерки – около тысячи четырехсот рублей, а стипендия хорошиста – чуть больше тысячи. Какая тут параллель... Тут, доложу я вам, перпендикуляр, и преогромных размеров.

⁵⁷Молодому Федору Тетерникову Вытегра поначалу не показалась. После столичного Петербурга уездный город, в котором день завтрашний мало чем отличается от дня вчерашнего, и вместе они как две рюмки водки похожи на день сегодняшний...

В своей «Канве к биографии» Сологуб запишет: «Вытегра. Бечевник. Бурлаки. Их труд. Есть совсем малыши. Пьяные бурлаки возвращаются домой. Под окнами крайних домов располагаются и гадят. Рваные, босые. Среди путинных попадаются совсем еще мальчишки... Следовательно Линевич и пьяные бурлаки. Он показывает свою кокарду. А они его столкнули с тротуара, и сами убежали. Городовые явились поздно. Заседания учредителей под председательством Моховикова. Дамы обижены, зачем от него пахнет водкой. Седой и пьяный купчик, говорящий рифмами. Что больше пьет, то бойчей рифмует». Моховиков потом отдаст свою фамилию одному из второстепенных персонажей романа «Тяжелые сны», который Сологуб начал писать в Вытегре. Не по своей воле, конечно, отдаст. Седой и пьяный купчик станет купцом Тишковым в знаменитом «Мелком бесе». Вытегоры и сама Вытегра время от времени появляются в его рассказах и романах. Не все прототипы были довольны этим, а уж Вытегра так и вовсе обиделась после того, как Сологуб написал о ней:

...Тоска и слякоть, хоть завывать, –
Недаром Вытегрой зовется, –
Иль в карты дуться, водку пить,
Коль грош в кармане заведется.

На набережной от всего
Треской несвежей душно пахнет.
Весной и летом – ничего,
Хоть вся природа словно чахнет...

Между тем, Федор Кузьмич в Вытегре не выл, не дулся в карты и не пил водку, а учил французский, переводил Верлена, писал собственные стихи и прозу, и даже собирался вместе с одним из сослуживцев составить описание Вытегорской учительской семинарии за все время ее существования и опубликовать этот труд в столичном «Журнале Министерства народного просвещения». Правда, так и не собрался.

⁵⁸Иногда скучные подробности становились кровавыми. Вот что писали губернские ведомости в феврале 1888 года: «В конце прошлого года, в деревне Гора-Борисова, Чернослободской волости, Вытегорского уезда, произошла кровавая драма, раскрытая только в самое последнее время. В деревне той проживала семья крестьян Мельниковых, состоявшая из мужа Дмитрия, его жены Клеопатры, их сына Тимофея семнадцати лет и трех малолетних детей. Семейный разлад у них был полный: муж пил, как говорится, без просыпу, бил, ругал и бранил жену и сына; жена по отношению к мужу следовала библейскому правилу – око за око зуб за зуб; сын не мог отвечать отцу тем же и в нем постепенно накапливались злоба и ожесточение. 30 ноября 1887 г. отец Дмитрий Мельников приехал домой поздно вечером, по обыкновению, сильно выпивши. Сын выпряг лошадь, а отец остался спать в сенях: случай удобный, чтобы раз и навсегда избавиться от семейного деспота. Мать говорит сыну – возьми веревку и задави отца. Сын нашел веревку, сделал петлю, но, когда уже готов был набросить мертвую петлю на шею своего отца, мать одумалась и говорит: нет, так нельзя, он встанет и тогда будет нам беда. Тогда сын берет топор и ударом по голове убивает своего спящего и беззащитного отца. Мать, слыша предсмертное хрипение своего мужа и, должно быть, боясь, как бы он не оправился от удара, велит сыну взять тетиву и додавить отца. Тот так и сделал, пока его отец не издал последнего вздоха под петлей своего сына. Начались совещания между матерью и сыном – как поступить с трупом отца. Решили так: отвезти его за версту на Исаевский погост и свалить при дороге у угла двора, чтобы другие могли подумать, что он сам вывалился из саней, ударился об угол и разбил себе голову. Мать и сын запрягли лошадь, отвезли на Исаевский погост и заявили сотскому и сельскому старосте, что нашли его на Исаевском погосте. Те им не поверили, отправились к дому и здесь на улице у двора нашли целую лужу крови. Эта-то кровь и выдала с головою виновных. Подобный случай, где в одно время жена убивает мужа, а семнадцатилетний сын отца, и, убивши, его делят, едва ли запомнит уголовная хроника Олонецкой губернии. Так расстроилась вся крестьянская семья: отец убит, жена и сын в тюрьме – ждут заслуженной кары правосудия; а дома остались трое детей мал-мала меньше, без присмотра, призора и родительской ласки».

⁵⁹Обычному читателю названия пьес, поставленных на «миниатюрной сцене состоящей из временных скрипучих подмостков с чудовищно намалеванной лесной декорацией» вряд ли будут интересны, но буквоедам сообщим, что ставила столичная труппа драму «Ванька-ключник», соч. Антропова, драму в трех действиях «Наша утеха Варя или Песнь горя», водевиль в одном действии «Голь на выдумки хитра», комедию в трех действиях «Синий чулок», соч. Мансфельда, оперетту в одном действии «Дядя Беккер подшутил», соч. Якобсона, комедию в одном действии «Барыня почивает», оперетту в двух действиях «Женское любопытство», пер. с польского, музыка Адана и в конце ее разнохарактерный дивертисмент, драму в двух действиях «Окно во втором этаже», пер. с польского, комедию в одном действии «Затейница», безымянный водевиль в одном действии с пением и переодеванием, комедию в пяти действиях «Жених из ножевой линии», водевиль в трех действиях «Ворона в павлиньих перьях», водевиль в одном действии «Макар Алексеевич Губкин», драму в пяти действиях «Графиня Клара Обервиль», пер. с французского, комедию в одном действии «Если женщина решила, так поставит на своем», комедию в семи картинах «О российском дворянине Фроле Скабееве и стольничего Нардын-Нащокина дочери Аннушке, драму в четырех действиях «Грех да беда на кого не живет», соч. Островского, комедию-водевиль «Прежде скончались потом повенчались», «Русские песни в лицах», комический еврейский квартет «Паулина, фарс в четырех действиях «Петербургская жизнь», оригинальный этюд в одном действии «Мираж», драму в пяти действиях «Жидовка или казнь огнем и водою», комедию-водевиль «Отелло в юбке», водевиль «Простушка и воспитанная», комедии «Разрушение Помпеи» и «Поющий мальчик с пальчик», «Лес», соч. Островского, драму в пяти действиях «Блуждающие огни», комедию в одном действии «Камердинер-франт» и историческую драму «Борис Годунов», соч. Пушкина.

⁶¹Старые пряники были не чета нынешним, которые просто для еды. В те, теперь уже далекие, времена, крестьянские юноши Вытегорского уезда, собираясь на вечеринки, брали с собой заговоренные пряники для того, чтобы присушивать особ противоположного пола. Таким пряником

нужно было накормить предмет вожделий, и тогда... Предварительно пряник относили к какой-нибудь бабушке, которая и наговаривала на него. Наговором считались не все слова, которые придут в потерянную голову влюбленному юноше, а только проверенные временем и неоднократно доказавшие свою магическую силу. Например, вот такие: «Встану я, раб Божий (имя юноши), благословясь и пойду перекрестясь из дверей дверьми, из ворот воротами в чистое поле; в чистом поле стоят две кузницы; в этих кузницах куют, буют булат-железо, и как это булат-железо в горне горит, так чтобы у рабы Божией (имя девушки) по рабу Божию (имя юноши) жгло и томило сердце». Такой текст нужно было проговорить над пряником три раза и после каждого проговора плюнуть. После этого оставалось только накормить пряником девушку, и, если у нее было сердце, то его начинало так жечь и так томить...

⁶²О загородном доме, в котором жил Лопарев, стоит сказать отдельно. Весь он был украшен резными башенками, балконами и крыльчиками. К дому был прорыт канал, по которому к нему могли подходить пароходы. В Шестово останавливался о. Иоанн Кронштадский, приезжавший в Вытегру и уезд по приглашению Александра Федоровича в бытность его вытегорским городским головой. Олонецкие епархиальные ведомости писали о доме Лопарева в Шестово: «Грандиозный дом деревянный, как прекрасный дворец, снаружи привлекательный и внутри украшенный дороною резьбою и картинами художественными, представляет собою редкость и красоту в Олонецком краю, а хозяйка дома А. П. Лопарева*, отличающаяся доброю и гостеприимством, изображает собою Евангельскую Марфу. Отрадно быть там». Нам про этот дом остается только читать. Побывать в нем не удастся никому. При строительстве Волго-Балта он, как аккуратно выражаются историки архитектуры, был утрачен.

Сохранился дом Лопаревых и в Вытегре – огромный двухэтажный каменный особняк, построенный в самом начале прошлого века сыном Александра Федоровича – Александром Александровичем уже после смерти отца. Его угол выходит на главную улицу города – Воскресенский проспект. После семнадцатого года в нем располагались самые различные советские учреждения – и клуб водников, и естественно-исторический музей, и управление «Волгобалтстрой» и лесотехнический техникум. Техникум и сейчас там находится, правда, называется политехническим. Постановлением Вологодского губернатора в 1999 году он отнесен к памятникам регионального значения. Обычно после этих слов следует рассказ о том, в каком запущенном состоянии находится дом, как протекает крыша и как нужен ему ремонт, но этого рассказа не будет. Дом прекрасно отреставрирован по государственной программе «Наследие Вологодчины на 2015–2025 годы» и украшает собой не только Воскресенский проспект, но и весь город. Глядя на него, хочется сказать, что именно так должна выглядеть Вытегра здорового человека. К сожалению, таких отреставрированных домов в Вытегре раз-два и обчелся.

*Супруга Александра Федоровича, Анна Петровна, после смерти мужа в 1899 году стала попечительницей школ города и уезда. За один только 1900 год она пожертвовала около пяти тысяч рублей на школьные нужды. В декабре 1903 года ее деятельность была отмечена золотой медалью «За усердие».

⁶³К истории Вытегры и уезда работы по устройству Деятинского перекопа прямого отношения не имеют, но они были сделаны настолько оригинальным и по тем временам передовым способом, что стоит о них рассказать хотя бы в примечаниях. На перекопе работало в среднем тысяча двести рабочих, пятьсот лошадей и два паровоза с подвижным составом в течение пяти с половиной лет. Вот как описывает эти работы инженер Иван Васильевич Петрашень в историческом очерке, посвященном столетию Мариинской водной системы: «Работы производились устройством тоннеля английским способом, сущность которого состоит в том, что по дну будущей выемки проводится штольня, сообщающаяся с поверхностью рядом шахт. Выламываемый грунт кидался через шахты в вагоны, которые устанавливались под ними, и затем отвозился в сторону. Вагоны двухосные, имели подъемную силу в пятьсот пудов <...>. Паровозы изготовлены в Мюнхене, трехосные, в шестьдесят сил <...>. Нормальный поезд, входящий в штольню, состоял из сорока пяти вагонов, подводимых под пятнадцать шахт, с тем расчетом, чтобы под каждую шахту из трех вагонов для

нее предназначенных, подвозился ближайший к выходу; когда под всеми шахтами был нагружен первый вагон, под них выдвигали второй. Наверху у каждой шахты работало шестнадцать человек, внизу в штольне два человека, подававшие сигнал при помощи рожка о необходимости прекращения ломки <...>. Морозы зимой доходили до тридцати градусов <...>. Глубина перекопа составила немногим более двадцати трех метров. Его сооружение позволило сократить путь и отказаться от трех шлюзов на Вытегре.

Девятинский перекоп использовался до середины шестидесятых годов прошлого века. Как только вступил в строй Волго-Балт, перекоп остался в стороне, воды в нем не стало, и он мало-помалу зарос кустарниками и деревьями. Теперь для того, чтобы спуститься вниз по склону на дно перекопа, нужно продирааться сквозь непроходимые заросли.

⁶⁴Обычному читателю это вряд ли будет интересно, но для буквоедов приведем несколько цитат из сборника «О высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии», с описанием случаев, некоторым образом выходящих за рамки обычных встреч с покраской фасадов, приветственных криков, пением «Боже, царя храни!» и тремядесятью рублями кучерам на водку.

В июне 1863 года Вытегру и уезд посетил наследник цесаревич великий князь Николай Александрович. Встреча была в деревне Черные Пески Кондушского прихода Вытегорского уезда. Там цесаревича «ожидала многочисленная толпа жителей ближайшего Кондушского прихода, собравшихся накануне вечером. Во главе прихожан было духовенство, с обучающимися в Кондушских школах детьми, преимущественно девочками, и с их наставниками... Ожидая Цесаревича, дети целую ночь пели божественные песни. Этим пением встретили они ранним утром приближавшийся с озера пароход, но лишь узнали, что Его Высочество изволил опочивать, детские голоса умолкли, чтобы не тревожить Его покоя. Зато, во время переезда на шлюпках Государя Наследника, малютки в стройных звуках излили всю любовь и укореняющуюся в их детских сердцах преданность Августейшему Сыну своего Царя. По распоряжению начальника округа, генерал-майора Лебедева, народ разместился на самых крайних к рейду местах пристани, а певчие, в числе 40 мальчиков и 150 девочек, чисто и опрятно одетые, с цветами в руках, заняли место в глубине пристани, у стоявшего тут парохода, на самом пароходе находились чины округа, волостной голова с хлебом-солью и девочки с рукодельем. Цесаревич, подъехавший на катере, был встречен народным “ура!” и звуками гимна “Боже! Царя храни!”, исполненного двумястами детских голосов. Голова поднес Его Высочеству хлеб-соль, девочки – рукоделье. Обратившись к священнику, управлявшему хором, Цесаревич изволил сказать: “Батюшка, благослови! Как прекрасно поют девочки! Это ваши воспитанницы? Как их много. И мужички поют у вас. Благодарю, благодарю! Подарки ваши свезу маминьке <...>”.

Июнь 1870 года. Приезд великого князя Алексея Александровича. Все как обычно, только в Вытегорском погосте на пристани, «устланной усердием сельских жителей коврами», к детям, бросавшим под ноги высокому гостю цветы, добавились девицы, расстилавшие платки на пути от пристани к экипажу. «В семь часов вечера царственный путник изволил прибыть к селу Девятины. Здесь, во время прохода шлюзами и бассейнами, девицы пели народные песни, раздавалось “ура!”, а собравшиеся ученики Девятинской школы пели народный гимн “Боже, Царя храни!”. Пение мальчиков обратило на себя высокое внимание Августейшего Путешественника <...> мальчики были потребованы на пароход; многие из них в простых рубашках, босые, бойко и смело подходили к Царственному Путешественнику. Умиление было полное: присутствовавшие при этом отцы и матери учеников плакали от избытка радости при виде такого внимания Царского Сына к народу. На пароходе мальчики со священником и учителем сельской школы составили кружок и, пока пароход следовал бассейном от шлюза Св. Павла до шлюза св. Михаила, на расстоянии полутора верст по желанию Его Высочества повторили гимн “Спаси, Господи” и “Достоинно”. В это же время мальчикам были поданы пряники и другие сласти, и угощение продолжалось до тех пор, пока тарелки не были пусты <...>. Великий князь изволил пожаловать священнику сто рублей для употребления на нужды училищ <...>. Приняв с восторженной радостью Царственную жертву, бла-

годарные священник, учитель и дети сошли с парохода и несколько раз на бечевнике пели молитву «Спаси, Господи» <...>.

В ознаменование прибытия Его Высочества в г. Вытегру потомственный почетный гражданин 2-й гильдии купец И. И. Малокрошечный пожертвовал в пользу Вытегорского женского училища банковый билет в сто рублей с тем, чтобы проценты с этого капитала выдавались самобеднейшим ученицам по усмотрению училищного совета».

Июнь 1878 года. Приезд их императорских высочеств государей великих князей Сергея Александровича, Павла Александровича, Константина Константиновича и Дмитрия Константиновича. «В клубе был очередной семейный танцевальный вечер. Все общество было приведено в восторг прибытием в среду свою Высоких Гостей, которые соизволили принять участие в танцах и еще более оживили общее радостное настроение. Вытегорское общество, в особенности дамы, имевшие счастье танцевать с Великими Князьями, навсегда сохраняют об этом вечере самое отрадное воспоминание <...>. Третьего августа с семи часов утра начали собираться к пристани многочисленные толпы народа. В девять часов супруга потомственного почетного гражданина Манина и г. Бачманова имели счастье лично поднести Их Высочествам, на пароходе, варенье из местных и довольно редких и ароматных ягод – куманики, которое было милостиво принято <...>. Оставляя Вытегру, Их Высочества изволили осчастливить вниманием своим многих лиц: начальнику округа А.П. Нордштейну оставили на память свои фотографические кабинетные портреты; исправнику Ханеневу пожаловали золотой перстень с изумрудом и бриллиантами; супруге купца Кузнецова – дорогой браслет; г. Акимову, приготовившему фейерверк – золотые запонки с бирюзой; музыкантам – 50 р.; полицейским служителям выдано по 3 руб. на человека, почетному караулу по 1 р. и на всю команду – 100 руб.».

Август 1884 года. Приезд их императорских высочеств государя великого князя Владимира Александровича и государыни великой княгини Марии Павловны. «В 9 ½ часов вечера Их Императорские Высочества, в сопровождении свиты, изволили отправиться в Вытегорское соединенное собрание <...>. Здесь для Их Императорских Высочеств был приготовлен спектакль любителей: «Утка и стакан воды», водевиль в одном действии, соч. Федорова. Их Императорские Высочества изволили во время представления неоднократно аплодировать артистам-любителям и, по окончании пьесы, вызвать всех и снова поощрить аплодисментами. Зачем Его Императорское Высочество изволил пожелать, чтобы артисты были Ему представлены и тут же, в зале, лично благодарил их за доставленное удовольствие. В гостинной, прекрасно убранной цветами, был сервирован чай, а не террасе клуба закуска и вино. Во все время, пока Их Императорские Высочества изволили кушать чай, попеременно играла струнная музыка и на рояле г-жа Месняева. За чаем Их Императорские Высочества изволили разговаривать с членами собрания. Выйдя на террасу, Их Высочества изволили выкушать по бокалу шампанского, которым хозяин собрания, городской голова, предложил тост за здоровье дорогих Гостей. Громкое «ура» всех присутствующих и туш музыки был ответом. При выходе из собрания в 11 ½ часов, местные любители-артисты собрались у дверей к выходу и благодарили Их Императорские Высочества за оказанное ими внимание; причем Ее Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Мария Павловна удостоила руки юную артистку-любительницу М. Месняеву, а Его Императорское Высочество соизволил выразить, что он никак не ожидал, чтобы любители в провинции могли играть так смело и свободно и с таким знанием сценического дела. Затем Императорские Высочества изволили отбыть в свою квартиру».

(Продолжение следует)